

Кристина Рубан

ВАНИЛЬНЫЕ
ЭКЛЕРЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кристина Рубан

Ванильные эклеры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69659323

SelfPub; 2024

Аннотация

Молодой русской княжне, спасшейся от революции, в одиночку предстоит начать новую жизнь в другой стране. Судьба подготовила для неё абсолютно разных мужчин. Молодого, порывистого и упрямого лорда, и зрелого, мудрого и влиятельного бизнесмена и политика, члена Палаты Общин с бандитским прошлым. Это роман о людях, которые умеют быть верны, в первую очередь, самим себе. История о том, что любовь – гораздо больше, чем быть с человеком и обладать им.

Кристина Рубан

Ванильные эклеры

В Китайском квартале потихоньку все стихло, закончились празднества по случаю Китайского Нового года. Молодой юноша 18-ти лет по имени Кристофер Торн шел по улице Китайского квартала. Он был из состоятельной, уважаемой и знатной семьи. Высокий, худощавого телосложения, с густыми волосами, опускавшимися до плеч. У него были большие серо-голубые глаза, как у его матери, красивой и изящной женщины, которая не потеряла свою красоту с годами. В ней чувствовалась порода. Отец – лорд Чарльз Торн, был Лордом Высшего апелляционного суда. Высокий стройный мужчина с темными волосами. Они с матерью всю жизнь нежно любили друг друга и сохранили с сыном самые дружеские отношения. Родных сестер и братьев у Кристофера не было, так как роды самого Кристофера прошли очень тяжело, и, чтобы больше не рисковать леди Элизабет Торн, отцом было принято решение не заводить больше детей.

В Китайском квартале Кристофер оказался не случайно, он искал магазин с лаками и красками, по совету одного из знакомых отца, который, как и Кристофер, увлекался рисованием. Кристофер не подозревал, что в Лондоне живут люди, которые почти не говорят и не понимают по-английски,

и что посещение этого магазина разделит его жизнь на до и после.

Час спустя Кристофер выбился из сил, произнося слова медленно и членораздельно и объясняя жестами, что ему нужны распылитель для лака, пастель, уголь и масляные краски. Продавщица, молодая китаянка, что-то лепетала на своем языке, не замолкая. Кристофер поднял глаза к потолку, замолчал и тяжело вздохнул. Бросить эту затею и уйти было не в его характере.

Заметив кого-то за окном, китаянка вылетела из лавки и через секунду вернулась, таща за рукав молодую девушку, одетую в серые широкие штаны, серую кофту-кимono в тон штанам и накинутое на плечи дорогое зеленое теплое пальто, длиной до середины икр. Девушка улыбнулась, было понятно, что она прекрасно понимает, что, не останавливаясь, говорит ей китаянка. Трудно было понять, какой национальности эта девушка, явно европейка, с большими круглыми зелеными глазами, со светло-каштановыми волосами, собранными в тугий пучок.

– Добрый день, что именно Вы хотите? – сказала девушка на чистом английском. Кристофер немного опешил, но потом взял себя в руки. Во всей этой обстановке услышать английскую речь, да еще от настолько противоречивой личности было выше его понимания.

– Добрый день! – голос его неожиданно сел для него самого, но он откашлялся и продолжил своим обычным голосом.

Он объяснил девушке, что именно он ищет и о чем твердит китаяночке уже минут сорок. Развернувшись к китаянке, которая уже вернулась за прилавок, девушка быстро начала говорить на китайском, после чего продавщица удалась в коморку. Девушка тоже подошла к прилавку со стороны покупателя и облокотилась на него. Кристофер тоже последовал к прилавку.

– Меня зовут Кристофер. Лорд Кристофер Торн.

– Мы не будем знакомиться. Я помогу Вам с покупкой и уйду.

– А почему бы нам не познакомиться? Может быть, я еще раз захочу прийти за красками? Я без Вас не справлюсь.

– Возможно, в следующий раз у Вас все получится и без помощи переводчика.

Продавщица вернулась, принеся все то, что хотел купить Кристофер. После пересчета она нарисовала цифру на бумажке. Это была сумма за всю покупку. Кристофер полез за деньгами, в этот же момент девушка в пальто развернулась и стала уходить. Кристофер поторопился с оплатой, забрал кулек со своими многострадальными покупками и выбежал из лавки за девушкой. Но на улице ни направо, ни налево по переулку не было видно зеленого пальто. Юноша почувствовал разочарование. Постояв еще немного, он пошел обратно к выходу из китайского квартала, но не успел он пройти пять лавочек, как дорогу ему преградили два китайских юноши примерно его возраста, еще двое зашли сзади.

– Что ты здесь забыл? – сказал один из китайцев на ломанном английском, судя по всему, главный.

– А я обязан давать кому-то отчет?

– Здесь мы хозяева! Чтобы мы тебя больше не видели, иначе ...

Не успел он договорить, как Кристофера за плечо потянули и отодвинули назад. Перед Кристофером лицом к главному из этой «банды» встала та девушка в зеленом пальто.

– Что плохого, Зенгжонг, в том, что он приходит и тратит свои деньги в здешних лавочках? Для этого они здесь и стоят. Вы же не гоняете пожилых господ, которые ходят в ваш бордель!

– Следи за тем, что говоришь! Тебя здесь не трогают только из уважения к старику Веймину. Но это не значит, что ты имеешь право сюда женишков водить. Еще раз его увижу...

– И что будет? – девушка подалась вперед так, как будто собиралась драться. Но надо признать, что первым дернулся Зенгжонг.

Девушка и китаец остановились, с вызовом глядя друг другу в глаза.

– Пока не время, – ответил Зенгжонг. – Вы оба меня услышали! Пойдемте, парни.

Кристофер и девушка остались вдвоем, если это можно так назвать, так как в китайском переулке всегда куча народу.

– Тебе лучше не приходить сюда больше. Покупай краску

в другом месте. Пойдем, я провожу тебя до конца квартала.

– Но почему?! Я англичанин, и мы в Лондоне. Я не прав?!

– Что ты будешь доказывать, если Зенгжонг и его парни изобьют тебя до беспамятства?

– Почему ты здесь живешь?

– Пойдем!

– Ты не ответишь мне?

– Я очень не люблю отвечать на вопросы.

– Но подожди, ты же вступилась за меня. Почему? Почему они позволяют тебе здесь жить, и ты знаешь, как с ними разговаривать? Как тебя зовут?

– Послушай, пожалуйста, знакомиться нам не имеет смысла. Мы больше не увидимся. И для своего самосохранения не приходи сюда больше. Вот мы и дошли. Иди через мост, знаешь, да?

– Подожди!

Но девушка уже круто развернулась и пошла обратно.

Всю дорогу в такси Кристофер думал об этой девушке и произошедшей ситуации. Прокручивал в голове услышанные диалоги. Надо сказать, что характер у Кристофера был удивительно упрямый, но вместе с тем он был благоразумный, честолюбивый, смелый, энергичный и достаточно не поверхностный юноша для своих лет. Он остро чувствовал фальшь, жутко не любил девичьи жеманства, глупость и напускное поведение. Рисование было его отдушиной. Так он

боролся с отвращением, которое может испытывать юноша 18 лет, входящий в противоречивую взрослую жизнь. У него было много товарищей с детства, он обладал прекраснейшим чувством юмора, за это его очень любили в компании сверстников, но настоящий друг у него был только один. Со сверстницами он до определённого времени общался легко, пока не стал подмечать в них фальшь. Проблема всех девушек до определенного возраста, а может быть и на всю жизнь – это непонимание того, кто они, кем они хотят быть в жизни, каким идеалам и взглядам им следовать, если есть мода, мнение родителей и окружающих. Вот вроде бы Кристоферу получалось увлечься кем-то из сверстниц, как вдруг она открывала рот и начинала демонстрировать, какая у нее каша в голове и какими шаблонами принято мыслить в ее окружении. Он пытался проще относиться к ситуации, лишь бы поддаться призыву молодого организма и его прямым потребностям, но в конечном итоге интимные отношения с девушкой заканчивались довольно быстро и не к удовольствию партнерши. Однако была у него самая главная интимная неудача в самом начале в 16 лет, когда от волнения все действие смогло у него продлиться полминуты, и он никогда не забудет те недоуменные глаза приехавшей на лето кузины своего соседа, которая даже не успела снять нижнее белье.

Уже несколько лет у них была сформирована большая компания сверстников из соседей, однокурсников, их кузин и кузенов. Как водится, люди в ней уже крутили романы

между собой и были в курсе – кто с кем, когда и как. Один из приятелей, Эдвард Эттвуд, в один из осенних вечеров, будучи в подпитии, начал шуточный разговор о том, что еще ни одна известная им девушка, оставшаяся с Кристофером наедине, не ушла от него с сияющими глазами и трясущимися ногами. Кристофер не стал терпеть этого и сильно подрался с приятелем. Когда их растащили, оба были в крови, только у Эдварда еще был сломан нос, легкое сотрясение мозга и куча ушибов на теле. Конечно, на Кристофера обрушились всеобщие порицания и разбирательства с родителями. Помочь пережить эту ситуацию ему помогли его лучший друг Роберт Баррингтон и рисование. Как раз в период «изгнания» из его обычного круга у Кристофера появилось много времени на любимое занятие. Но, как известно, без музыки художник не может сотворить ничего, удовлетворяющего его собственные стремления в выражении себя самого. По этой причине таинственная девушка в китайском квартале не осталась незамеченной для его творческого склада ума. Было невероятно любопытно, кто она, чем она занимается в китайском квартале и почему ее принимают там за свою.

К сожалению, учитывая натуру Кристофера, по-другому и быть не могло – спустя день он уже направился в Китайский квартал. Естественно, встречи с ребятами Зенгжонга Кристофер искать не собирался, но и бояться их ему в голову не приходило. Лорд Кристофер был из знатной семьи и привык

чувствовать себя в безопасности везде. Следует прибавить, что трусом он не был, а из-за накопившихся гормонов был весьма рад подраться с кем-то. Он пришел в лавку с красками и начал на медленном и членораздельном английском и жестами объяснять, что он ищет глазастую девушку в зеленом пальто, которая помогла ему позавчера купить краски.

Продавщица на этот раз поняла его. Приоткрыв дверь лавки, она показала на небольшую закусную, через две лавки от нее, в витрине которой висели то ли муляжи, то ли настоящие тушки запечённых уток. Кристофер открыл дверь закусной. Внутри стояло 6 маленьких столиков, покупателей не было. За прилавком сидел старый китаец и курил длинную трубку.

Уже по традиции на медленном английском Кристофер стал объяснять, что он ищет девушку с большими глазами в кимоно.

Старик сидел молча. Потом медленно поднялся и, не сказав ни слова, ушел во внутреннее помещение. У Кристофера сложилось впечатление, что старикан просто так взял и ушел от него. Но спустя 2 минуты из двери внутреннего помещения вышла та самая девушка в поварской униформе, позади нее показался старичок, который направился к своему месту и продолжил так же отрешенно курить свою трубку.

– Что ты здесь делаешь? – глаза незнакомки были сердиты и стали еще больше. Как же это было непривычно наблюдать, после такого количества суженных глаз.

– Я искал тебя.

– У тебя совсем плохо с головой?! Что из слов моих или Зенгжонга тебе было не понятно?

– Почему? Почему я должен бояться кого-то? Я нахожусь у себя в городе.

Глаза девушки стали еще более сердитыми. Между тем Кристофер замолчал и обратил внимание, что у нее было очень красивое лицо. С правильным носом, красивой линией подбородка и идеальными губами, не тонкими, не узкими, не бантиком и не большими. Она однозначно была благородных кровей, это читалось и в ее осанке, и в тембре голоса. Голос ее был спокойный и шел из груди.

– Послушай, я действительно не могу понять, почему мне нельзя с тобой познакомиться, почему мне нельзя приходить сюда. Все эти «нельзя» меня как раздражают, так и вызывают любопытство. Меня зовут Кристофер, – он протянул девушке руку.

– Знаете что, молодой человек, я уже говорила Вам, что не собираюсь с Вами знакомиться! Я не вижу в этом смысла. И то, что Вам что-то любопытно, никак меня не трогает. Уходите, пожалуйста. Провожать Вас я не пойду.

– Я не понимаю, почему Вы так? Я же Вас никак не обидел и не собираюсь.

– Цель этой дружбы?

Кристофер молчал. Он не нашелся что ответить, потому что сам не понимал, зачем ему это.

– Всего хорошего.

Девушка развернулась и ушла во внутреннее помещение.

Кристофер молча вышел из китайской закуской. Домой он добрался спокойно, погруженный в раздумья: «Почему она так со мной разговаривала? Какая действительно цель их знакомства? Что она там вообще забыла? Какая-то несуразность есть в ее натуре и той атмосфере, в которой она находится».

В большом тренировочном помещении проходила очередная за 2 года тренировка по кунг-фу. Старик Веймин был доволен своей ученицей, но показывать это ей не собирался. Беата Вадбольская была наполовину русская по отцу и наполовину испанка по матери. После русской революции девочка спаслась и была благополучно доставлена двумя верными ее отцу слугами к своей бабушке по маминой линии в поместье в Сеговии. На тот момент ей было 16 лет. Но у бабушки она прожила недолго. Многочисленные кузены попытались тут же пристроить ее замуж, чтобы голова о ней не болела. Но Беата вела себя как абсолютно дикий и неуправляемый человек, когда ее оставляли наедине хотя бы для беседы с потенциальным женихом. Она старалась как можно быстрее покинуть компанию «женишка», не боясь при этом показаться максимально грубой и агрессивной. Самое удивительное то, что еще год назад эта девушка была еще совсем тепличным, нежным, залюбленным родителями ребен-

ком. Отец безумно любил ее мать и женился на ней, несмотря на упорство родителей, которым не хотелось принимать в семью невестку, принадлежащую к другой вере исповедания, воспитанную в других семейных традициях и с незавидным приданным, хотя она была из дворянского испанского рода. Мать отвечала ему самой верной и искренней взаимностью. Они оба с раннего детства, каждый в своей семье, были чужды остальным членам своих семей. Возможно, по причине отчужденности в своих семьях они полюбили и почувствовали друг друга с первого взгляда. В трепете и нежности воспитывали они свою единственную дочь. И сколько бы знакомые князья ни намекали отцу на сватовство с их сыновьями, тот всегда отшучивался. Выдавать дочь без ее согласия замуж он не представлял себе возможным, а она была еще совсем ребенком. Со сверстницами по этой же причине она не дружила, они считали ее маленькой и немного с чуждинкой. Учитывая тот факт, что и внешне она была красива, ввиду смешения в ней таких разных кровей, и воспитана в любви в любящей семье, она не могла не вызывать некую ревность и зависть, поэтому проще было называть ее чудной.

Но наступила роковая ночь, когда отец велел собрать ей самой все самое для нее ценное, все, что сможет она сама нести, одеться потеплее и спускаться вниз. Внизу отец ей дал пакет документов. Поцеловал ее со слезами на глазах, крепко-крепко обнял. То же самое сделала и мать, всунув Беате в руки небольшую шкатулку. Таких глаз у матери Беата еще

никогда не видела. Она и не думала никогда, что они могут такими быть. Мир этой семьи был разрушен.

Вскоре уже у бабушки Беата узнала, что в пакете, который передал ей отец, были документы и чековые книжки на банковские счета в нескольких банках Европы. Похоже, он хорошо подготовился к такому повороту, но почему не уехал вместе с женой – неизвестно. Может быть, не мог, может быть, не хотел, может быть и то и другое, и жена не помышляла разлучаться с ним даже ради дочери. Вскоре до бабушки дошло известие о гибели родителей Беаты. Разумеется, картина мира у бедной девочки, жившей как у Христа за пазухой, рухнула окончательно. А с чего начинать строить новую жизнь в 16 лет в чужой стране?

Но времени прийти в себя Беате не дали. Безостановочное сватовство начало утомлять ее родню, и Беата приняла решение уехать учиться, чтобы не мозолить глаза своим многочисленным родственникам. Бабушку, которая называла Беату – Беатрис, долго уговаривать не пришлось. Наведя справки по знакомым, было принято решение отправить Беату во Францию в образовательное учреждение для девушек при монастыре. Можно сказать, что у этой девушки началась вторая жизнь или подготовка к ней!

– На сегодня достаточно – сказал учитель.

В один из февральских вечеров в закусочную старика Веймина ворвалась продавщица красок и позвала его на по-

мощь. Старик на вид был совсем древним, но двигался он весьма шустро, одним словом, Мастер Кунг-фу. Беата последовала за ними не столь резво и не без опасливого любопытства.

Старик первый влетел в подворотню через улицу и услышал:

– Ты подавишься своими словами, – далее последовали звуки ударов.

– Идите на хер, я сказал, что буду приходить к ней, когда захочу.

В этот момент старик подскочил и оттащил Зенгжонга от сидевшего на земле парня с окровавленным лицом, державшимся за ребра. Трое друзей Зенгжонга не двигались. В этот момент к старику подбежала Беата. Она увидела на земле избитого Кристофера и налетела на Зенгжонга, используя приемы, полученные в ходе обучения у старика Веймина. Зенгжонг явно уступал ей, и она быстро вывела его из боя болевыми ударами и бросками. Друзья Зенгжонга вместе налетели на нее. Спустя несколько минут побитые друзья подняли Зенгжонга и молча поплелись из подворотни.

Старик сидел на корточках возле Кристофера. Беата подлетела к ним.

– Сильно они его?

– Похоже, сломали ребро. Может, еще что-то.

– Кристофер, ты меня слышишь?

– Да, я слышу и вижу.

– Если обопрёшься на меня, идти сможешь? Надо тебя в больницу доставить.

Беата подлезла под его плечо и начала подниматься вместе с Кристофером. Старик Веймин подхватил его под второе. Очень медленно они пошли из подворотни, Кристофер прихрамывал на одну ногу. Когда они вышли на улочку, к ним подбежала продавщица из лавки с красками. Веймин велел ей помочь найти им машину.

– Отвезешь его в больницу и приходи ночевать в лавку. К себе домой не возвращайся. Я пойду, поговорю с Главным, расскажу, как всё было с его племянником, и попрошу тебя не трогать, но ты должна будешь немедленно переехать из квартала. Твое обучение закончилось.

– Я Вас поняла, учитель.

Подъехало такси. Увидев Кристофера, истекающего кровью, таксист выдал:

– Нет. Я его не повезу, он мне всё запачкает кровью! Кто это отмывать будет?

Беата медленно потянулась к своей щиколотке и достала из носка трубочку денег.

– Этого должно хватить, – протянула она водителю.

Тот сразу успокоился и, очень воодушевленный, вцепился в руль. Старик и Беата погрузили Кристофера в машину на заднее сидение. Обойдя такси, Беата села с другой стороны на заднее сидение.

– Отвези в нормальную больницу.

– Сейчас всё сделаем.

Такси тронулось.

Беата подвинулась ближе к Кристоферу и придерживала его.

– Извини, что так вышло. Я не думал, что тебе будет грозить опасность и придется переезжать, – он говорил очень тихо, но она его слышала.

– Сама виновата. Не надо было в драку лезть.

– А почему ты полезла?

– Не знаю. Ммм... во мне накопилась агрессия. Меня давно злят эти ребята, а тут еще ты сидишь скрюченный на земле весь в крови... Не знаю я почему.

Далее они ехали молча. Кристоферу было стыдно и обидно, что он в таком состоянии, что он не смог постоять за себя, и что ей пришлось вступить за него, и нарваться из-за этого на большие неприятности, которые неизвестно чем закончатся, а он будет в больнице и не сможет ей помочь.

– Приехали.

Беата вышла, обежала машину, открыла дверь и начала вытаскивать молодого Лорда. Конечно, без старика Веймина было тяжелее в разы, но водитель не собирался ей помогать. Медленно и аккуратно они поплелись вверх по лестнице ко входу в больницу. Кристофер изо всех сил старался ей помочь.

Когда они переступили порог больницы, их увидела мед-

сестра на посту. Позвав подмогу, она подбежала к ним.

– Что с ним произошло?

Беата молчала, но собиралась сказать, что не знает.

– Я упал с лестницы.

Было понятно, что медсестра не поверила ему. В это время подскочили санитары и ловко положили больного на носилки.

– Его зовут Кристофер Торн, он из знатной семьи. Надо сообщить его родителям. – сказала Беата и собралась уходить.

– Простите, а кто Вы и что с ним действительно произошло?

– Я не знаю. Всего хорошего.

Беата вышла из больницы. К ее удивлению, таксист не уехал.

– Садись, подброшу тебя куда надо.

Беата села. В такси она ощутила, как устала, но расслабляться было нельзя. Неизвестно, может, сегодня она понесет наказание за то, что избивала племянника Главного в Китайском квартале.

После больницы она направилась сразу в закусочную, как велел ей Веймин. Через 2 часа пришел старик.

– Главный не будет тебя наказывать и скажет Зенгжонгу и его товарищам не искать мести, но ты должна уехать из квартала и заплатить деньгами за унижение, доставленное ему и его племяннику.

– Сколько?

– Нисколько! Я заплатил! Я твой учитель. Я научил тебя – это моя ответственность, как ты распоряжаешься этими знаниями. И я не остановил тебя, потому что посчитал, что так будет правильно.

Беата хотела было предложить компенсировать сумму Веймину, но потом поняла, что не следует этого делать, исходя из кодекса чести этого старика.

– И вот что я еще хочу тебе сказать – хватит тебе прятаться от жизни и готовиться к ней! Ты уже готова! Пора тебе жить! Всё, что произошло, это не случайность – это твоя дорога. Иди по ней, а не прячься в кустах! Этот парень еще приедет к тебе, я знаю его характер. Не отталкивай его.

На следующее утро она собрала все свои вещи и сняла первую попавшуюся квартиру за пределами Китайского квартала.

Свой день рождения в феврале Кристофер отметил в больнице. Как раз накануне он туда и поступил. У его кровати сидела мать, а рядом ходил отец.

– Никто не верит, что ты упал с лестницы! Что ты забыл в Китайском квартале? Почему не хочешь обратиться в полицию? Учти, отцу пришлось обратиться к мистеру Стэнли, чтобы он разобрался в этой ситуации, а ты ведь понимаешь, что это за человек.

– Меня побили из-за девушки. Мама, только не начинай, она вообще не причем!

– Чарльз, ты слышал? Он влюбился в китаянку!

– Она не китаянка! И я не влюбился.

– Почему ты не хочешь обратиться в полицию, пусть этих хулиганов накажут по закону!

– Я боюсь, что это может навредить ей.

– Чарльз, ты слышишь? Я ничего не понимаю. Может, мистер Стэнли нам поможет!

– Я всё слышу, дорогая. Сколько их было?

– Четверо. Но я никуда обращаться не буду.

– Что за девушка? Проститутка?

– Нет, отец, ты же знаешь, я брезглив в этом отношении. Да я ничего о ней и не знаю, даже имени.

– Ну, хорошо, я понял тебя. В Китайский квартал ты больше ни ногой, тебе ясно?!

– Отец...

– Я всё тебе сказал!

Через два дня во время вечернего обхода зашел лечащий врач.

– Доктор, долго мне еще лежать?

– А куда тебе торопиться? Со сломанным ребром и вывихнутой ногой тебе стоит отдохнуть месяц, не меньше, а лучше два. Я еще забыл напомнить тебе про легкое сотрясение мозга. Сегодня, кстати, тоже уже пора отдыхать, и так сего-

дня было много посетителей.

– Почему много? Отец и мать, как обычно.

– А та девушка, что привезла тебя, не заходила? Она была пару часов назад. Спрашивала о твоём состоянии.

Кристоферу было очень приятно, что она приходила. Сердце заекало. Но вместе с тем взяла тоска, что она не зашла к нему. «Гордая, не хочет давать ему шанс» – подумал он. Но он был рад, это значило, что она в порядке и всё же беспокоится о нём.

В здании, где располагались члены парламента Палаты Общин, находился кабинет мистера Джона Стенли, члена парламента. Секретарем у него вот уже несколько лет работала его сестра Шарлотта.

– Джон, к тебе пришел лорд Чарльз Торн. Проходите, пожалуйста!

– Добрый день, мистер Стенли!

– Сэр Торн, – они пожали друг другу руки. – Перейду сразу к делу, по которому Вы ко мне обращались, у меня мало времени. Насчет Вашего сына... все урегулировано, больше никто в Китайском квартале его не тронет. Те парни уже наказаны. Их действительно было четверо, и один из них близкий родственник Главы этого квартала. Про ту таинственную девушку ничего не удалось особо узнать. Она не своя в Китайском квартале. Почему произошла драка из-за нее, неизвестно. Я слышал, что она отвезла Вашего сына в боль-

ницу, потом пропала. Почему она жила в Китайском квартале? Скорее всего, пряталась от кого-то.

– Благодарю Вас, мистер Стенли. Я Вам что-то должен?

– Пустяки. У нас же с Вами дружеские отношения – сегодня Вы обратились ко мне, завтра я могу обратиться к Вам. Как Ваш сын? Все-таки, когда избивают вчетвером одного...

– Спасибо, весьма неплохо. Молодой организм! Доктор говорит, что на днях можно будет забрать его домой с соответствующим медицинским уходом. Через полтора-два месяца поправится окончательно. Я боюсь, он опять побежит в Китайский квартал, он у нас с детства очень упертый, потому я и обратился к Вам за помощью.

– Вы знаете, мне нравится Ваш сын. Я не знаю, что за история произошла там, но то, что он не стал обращаться в полицию, дабы не навредить этой девушке, и то, что Вы уверены, что, несмотря на такие травмы, он не побоится пойти туда снова – это говорит о его мужском характере, даже в столь юном возрасте. Сколько ему лет?

– 19. Вчера исполнилось.

– Ну, что же! Желаю ему быстрее выздороветь. А теперь прошу меня простить, у меня есть сегодня еще одно важное дело. Всего хорошего, лорд Торн.

Важные дела у мистера Стенли последние года четыре были посвящены одному трагическому событию его жизни. Он мстил за гибель жены, которую подорвали в их машине, пы-

таясь убраться Джон Стенли. За эти годы он расквитался почти со всеми, кто заказал его убийство и кто привел его в исполнение. Остался последний, который прекрасно знал, что за ним идет охота, и что остальных уже нет на этом свете.

Джон Стенли родился в довольно бедной семье рабочего с завода и его супруги домохозяйки. Он был младшим ребенком из двойни, у него была сестра-двойняшка Шарлотта и брат Мэтью, старше его на 2 года. Джонни родился очень слабым, врачи предрекали ему скорую смерть. Но мальчик вгрызся в эту жизнь и выжил. Надо отдать должное усердию его матери, он долгое время рос очень болезненным и слабым малышом. Сколько сил стоило этой женщине заниматься здоровьем Джона, остальными детьми и ещё не забыть о доме и муже. Она отдала всё, что могла, ради благополучия родных, до такой степени, что, когда Джону и Шарлотте исполнилось 9 лет, матери не стало. Она сильно подорвала своё здоровье и не обращала на него внимания, ухаживая за всеми членами семьи, особенно за Джонни. После ее смерти отец сильно запил и прожил всего на два года дольше матери. Детей под свою опеку и воспитание забрал родной старший брат его отца, дядя Уильям Стенли. Жены у него не было, не сложилось. Так что он стал приглядывать за семьёй и содержать племянников, а те, когда немного подросли, стали присматривать за ним. Дядя Уильям работал вместе с местными бандитами, держал конюшню на несколько лошадей, был хитрым и суровым человеком, но вместе с тем очень любил

своих племянников.

После смерти родителей Джонни решил, что больше никто не будет ухаживать за ним, пока он болеет, потому что болеть он больше не будет никогда. Как он решил, так и получилось.

Джон вырос в красивого высокого юношу среднего телосложения, с выющимися волосами, как и у сестры, которые он предпочитал достаточно коротко стричь. У него были серо-голубые глаза, не острый аккуратный нос, выраженные скулы, волевой подбородок. Даже в юном возрасте он выглядел мужественно и вызывал большой интерес у противоположного пола. Джон быстро догадался о своем влиянии на женщин и иногда позволял себе за одну ночь быть с тремя разными дамами, которые даже не знали друг о друге. Через правильную протекцию своего дяди брата Стенли начали работать на главных криминальных авторитетов этого района. В круг их обязанностей входило: ездить на скачки и охранять, драться, убивать, угрожать, выбивать долги, в общем, все то, что им велели авторитеты. Осечек в делах у них не бывало.

Джонни хорошо разбирался в лошадях и умел незаметно оказываться в тех местах, где обсуждали будущих победителей заездов. Со временем Джон стал зарабатывать неплохие деньги на скачках, помимо основного дохода и работы бандитом. Вскоре это заметили авторитеты, но не успели они поставить братьев на место, как произошла бандитская

разборка, в ходе которой были убиты главные авторитеты с двух враждующих сторон. Во всей это кровавой суете братья Стенли не только не пострадали, но и вместе с дядей Уильямом успели отхватить территории и кусок бизнеса и отстоять его вместе со своими друзьями детства и бывшими поделщиками.

Слава о братьях Стенли росла, они укрепили свое влияние и основательно закрепляли позиции в бандитском мире Лондона.

Так продолжалось, пока Джону не исполнилось 23 года и в одном из ресторанов Лондона он не встретил свою будущую жену. Этой девушкой была дочь полковника Уайетта Ева. Мать девочки умерла при родах. Ева воспитывалась в строгости и достатке. Росла кроткой и послушной девочкой. Но как это бывает в жизни, «плохие мальчики» очень нравятся «хорошим девочкам». Ева сразу обратила на него внимание. А у Джона всегда была слабость к благородным, дорогим вещам: одежде, женщинам и лошадям. Он начал ухаживать за Евой, но получил абсолютный отказ от ее отца в самой грубой форме. Тогда Ева проявила невероятную силу характера и твёрдо и спокойно сказала отцу, что, если он не даст им свое благословение, тогда она убежит с Джонни. Полковник Уайетт был вынужден сдаться, но выдвинул влюбленным одно условие – Джон закончит с бандитской деятельностью и станет заниматься легальным бизнесом, с которым тесть обещал ему помочь. Так и произошло. Про других женщин

Джонни забыл абсолютно легко и не испытывал потребности ни в ком, кроме своей любимой жены. По своим каналам и дружеским связям полковник организовал Джону легальный бизнес по поставке золота и железной руды из африканских шахт, земли с которыми он успел приобрести во время военной службы. Вскоре этот бизнес стал монопольным в этой части Великобритании. Мэтью Стенли и дядя Уил остались при своих подпольных делах, а Джон стал двигаться дальше, не забывая про семью. Дела с ними он поддерживал косвенно и всячески прикрывал.

Благодаря своей удачливости, уму и истинно мужскому обаянию Джон со временем заработал уважение и поддержку у некоторых представителей в высшем свете Лондона, что позволило ему баллотироваться в Палату Общин. Но друзья не приходят без недругов. Именно в этот момент, когда уже, кажется, все получилось, на машину Джона установили взрывное устройство. И по роковой ошибке Ева именно в этот день решила поехать по магазинам и взять машину мужа.

В браке с Евой у Джона родился сын Адам. На момент смерти матери ему было 6 лет. После гибели Евы Джон был одержим мстостью и уделял сыну крайне мало внимания. Дедушка Джона тоже не нашел в себе силы пережить смерть единственной дочери и отстранился от зятя и внука. В конечном итоге мальчик замкнулся в своем одиночестве и горе.

Первые годы все свое время и силы Джон Стенли тратил

на работу в парламенте, будучи представителем от своей партии, на проститутток, которые хотя бы цветом волос напоминали ему погибшую жену, и, разумеется, на поиски убийц Евы.

Обустроившись в новой квартире, Беата начала потихоньку искать себе работу. Деньги, которые оставил ей отец, еще лежали на счетах и заканчиваться не собирались, но надо было чем-то заниматься и опять начинать новую жизнь. Осознав, что ей совсем нечего носить в современном мире, она начала покупать журналы мод и анализировать. Будучи ребенком, мама любила наряжать Беату как куколку. Все, естественно, восторгались прелестной девочкой. Но найти свой собственный вкус или стиль Беате к 22 годам так и не удалось, за исключением одного случая в Париже.

Покинув той роковой ночью отчий дом, вещей она взяла себе крайне мало. Живя у бабушки, ей было не до нарядов, во время учебы в монастыре у них была скромная форма. После обучения в 19 лет Беата по распределению от монастыря попала в помощники к одному пекарю-кондитеру на окраине Парижа. Из его лавки она почти никуда не выходила, а из одежды у нее было много рабочей робы. Пекарь пытался отправить ее погулять и развеяться в выходной, но она избегала людей. Несмотря на это, второе ее место работы было абсолютно абсурдным. Пекарь-кондитер пек на заказ сладости для одного Парижского кабаре. Беата ездила с

ним для передачи заказа. В один прекрасный вечер управляющий кабаре попросил у пекаря оставить свою помощницу на ночь поработать официанткой. Они были в затруднительном положении, в это вечер не вышли на работу две официантки. Одна заболела, а другая забеременела и вернулась к себе в деревню. Пекарь спросил у Беаты, согласна ли она. Беата сначала отказалась. Ей было страшно, хотя и любопытно, конечно, одно только слово «кабаре» пробуждает интерес в самом подсознании, но и страшно тоже было, даже очень. Управляющий ее успокоил, сказал, что люди приходят в кабаре со своими дамами, а те, кто пришли одни, пришли ради прелестных танцовщиц и смотрят только на сцену. На официанток там никто не смотрит и не замечает их, это вообще лучшее место для женщины остаться незамеченной никем. Еще он предложил хорошую оплату за один вечер. Немного подумав, Беата согласилась, но спрятала под одеждой нож.

– Мы будем называть тебя Булочка, ты пахнешь ванилью и корицей, – сказал управляющий.

– А по имени нельзя?

– Мы не называем здесь друг друга по имени. Это ни к чему.

В тот вечер нож ей не пригодился. Она хорошо справилась с работой. Была очень внимательна, быстро запоминала и считала. Управляющий оказался прав, всем было абсолютно не до нее, и никто на нее даже не посмотрел ни разу. Униформа в кабаре была достаточно приличная у официан-

ток, так что, когда управляющий предложил ей остаться так работать и дальше, она согласилась. Работая на двух работах в униформе, свой гардероб ей опять не понадобился. Проработав в кабаре меньше года, она получила много опыта в изучении поведения мужчин и женщин.

За полтора месяца до ее увольнения из кабаре с ней начала дружить одна из танцовщиц. Звали ее Сильвия. Но, к неприятному удивлению Беаты, Сильвия не собиралась быть ее подругой. В жизни Сильвии было слишком много мужчин, она уже давно не получала от них удовлетворения, а любила девушек. Поскольку Беата ни с кем так и не подружилась, никто не предупредил ее об этом.

В свое время Беата очень любила танцевать и её очень хвалил учитель танцев. Поэтому Сильвия подобрала к Беате ключик через танцы. Сильвия начала учить Беату танцевать танго. Девушки приходили сначала раньше на работу, чтобы потренироваться. Потом Сильвия стала приводить Беату к себе домой, где они ставили пластинки, танцевали, смеялись и были счастливы каждая по-своему. Но скоро Беата стала замечать, что прикосновения Сильвии и ее дрожь по телу во время этих прикосновений не случайны и стали Беате неприятны. В один из таких танцев Беата вошла в такой экстаз, что не поняла, как Сильвия начала целовать ее в губы с языком. Они обнимались и целовались так некоторое время, пока Беата не пришла в себя и не оттолкнула ее. Сильвия начала признаваться Беате в любви и дружбе. Но Беата не

могла поверить и не могла почувствовать к Сильвии ничего, кроме дружбы, но такие отношения начали ее отталкивать и пугать. Тогда Сильвия предложила остаться друзьями, но захотела предложить управляющему включить номер с их танго в программу. Беата тут же отказалась. На сцену кабаре она не стремилась никаким образом. Ей не нужно было такое внимание, тем более Беата уже понимала, что от славы танцовщицы кабаре не отмоешься и за всю жизнь. Беата отказалась и хотела уйти, но Сильвия схватила ее, повалила на пол и прижала собой, держа руки. Именно в это момент Беата вспомнила про нож, который уже давно носила на кожаной подвязке на бедре. Выкрутив и освободив одну руку, Беата прижала нож к шее Сильвии, и та, задыхаясь от сопротивления Беаты, начала медленно отпускать её из-под себя. Беата молча вскочила и ушла, держа нож оборонительно в руке.

На следующий вечер управляющий кабаре уволил Беату, сказав, что причиной тому стала жалоба одной из танцовщиц, якобы у нее стали пропадать вещи, а рядом с ее вещами видели тебя. Так Беата вернулась к работе только в кондитерской, но уже поняла, что теперь этого ей стало крайне мало.

К радости кондитера, Беата купила себе несколько нарядов и стала ходить гулять по окрестностям и центру Парижа, заходить в кафе, галереи, торговые развалы, кинотеатры, книжные магазины. В одном из таких магазинов, долго гуляя вдоль стеллажей, она наткнулась на книгу, в которой гово-

рилось об искусстве половых сношений. Там было описание физиологии, картинки органов и поз. Беата решила купить её во чтобы то ни стало, поскольку привыкла узнавать о том, что ей интересно, в основном из книг. Книга была толстая и тяжелая.

В один осенний день Беата отправилась погулять на передвижную ярмарку, которая расположилась недалеко от пекарни в низине за холмом. Когда Беата ела мороженое, она почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Он принадлежал одной цыганке, она стояла и курила трубку.

Увидев, что Беата смотрит на нее, она сделала жест рукой и позвала Беату к себе.

– Надо тебе кое-что сказать.

– Вы гадаете на будущее?

– Сейчас почти уже не гадаю. Чаще просто говорю людям то, что они ожидают. Но тебя я хочу предупредить. В твой дом уже приходили люди ночью, после этого у тебя не стало семьи.

Беата остолбенела. Цыганка продолжала.

– Это повторится, в твой дом опять придут люди, чтобы убить твою семью. Но у них не получится. Ты сама убьешь этих людей. Тебе надо быть готовой.

– Сколько с меня?

– Нисколько. Это не за деньги.

Беата знала, что цыганам нельзя ничего не заплатить, так уж устроен наш мир, хотя, судя по поведению цыганки, она

действительно не собиралась брать с Беаты никакую плату. Несмотря на это, Беата сняла с себя простые золотые серьги и отдала золото цыганке.

Цыганка взяла их.

– Ты все сделаешь правильно, – сказала она напоследок и ушла, покуривая дальше свою трубку.

Так у Беаты появилась новая цель – научиться убивать и драться. Долго Беата не знала, с чего ей начать и куда податься. Она пошла в тот книжный магазин, где купила книгу про искусство занятий любовью. Она сразу решила обратиться за помощью к продавцу. Им оказался пожилой китаец, который хорошо говорил по-французски.

– Добрый день! Мне очень нужна книга, в которой описана методика борьбы. Мне надо научиться драться.

Китаец улыбнулся.

– Книга тебя не научит. Тебе нужен учитель и практик.

– В том-то и дело, я не представляю, где можно найти учителя, который будет обучать борьбе женщину.

Китаец долго и пристально смотрел на нее.

– Я знаю такого. Но тебе понадобится поехать в Лондон. Я скажу, как тебе его найти. Но учти, ты должна пообещать мне, что ты не бросишь занятия, пока он не скажет, что достаточно, и примешь его условия по обучению.

– А Вы не можете меня научить?

– Я не могу. Но я чувствую, что я должен тебе помочь. А у

старика Веймина должок передо мной. Так что помощь тебе принесет мне пользу, будь уверена. Мне надо написать ему записку. Собирайся в Лондон. И завтра я дам тебе адрес и передам с тобой послание, прочитав которое старик не сможет тебе отказать.

Выбора особо не было.

Так Беата попала в Китайский квартал Лондона, где красивая одежда ей не пригодилась на ближайшие 2 года. Но, начиная поиск работы, Беата поняла, что без красивой и модной одежды она не сможет рассчитывать ни на что достойное. Поэтому долго бороться с желанием накопить себе много красивых нарядов ей не пришлось. Полной неожиданностью для нее было видеть себя в зеркале с новой стрижкой, в модной одежде, с аксессуарами и с макияжем. Она выбрала для себя стрижку не с оголённой шеей, как было модно, а все-таки оставила длину своих волнистых волос чуть ниже плеч. В макияже она тоже решила не следовать моде и не стала красить губы оттенками винного цвета, а остановилась на неярких, темно-розовых. Стрелки и родинки она также проигнорировала. Но надо признать – она знала, что действительно ей идет.

Ее труды оказались не напрасными, очень скоро она устроилась помощником человека, отвечающего за закупку и оприходование товара в компанию, которая занималась покупкой и перепродажей тканей. Звали его Рабиб.

В последний день апреля, выздоровев окончательно и подтянув все свои пропуска по учебе, дабы задобрить и успокоить любимую маму, Кристофер первым делом отправился в Китайский квартал, в закусочную старика Веймина. Молодой Торн ожидал, что незнакомой девушки там уже нет, но он очень надеялся узнать у старика, как можно ее найти. Лежа в кровати, он уже продумал повод для встречи и придумал несколько диалогов. Также во время восстановительного периода он много рисовал незнакомку, как она дерется, как она смотрела на него в разных ситуациях на протяжении их недолгого общения. Но никак не мог уловить черты ее лица и перенести их на рисунок или холст.

– Здравствуйте! Вы меня не помните? Я ищу девушку, она отвезла меня в больницу, я хочу ее отблагодарить и вернуть ей деньги за такси.

– Здравствуй! Я ждал тебя. Выздоровел – это хорошо!

– Вы ждали МЕНЯ?

– Я знал, что ты придешь. Я слышал, что ты сказал Зенжонгу, когда он замахнулся на тебя ногой. Я понял, что ты не отступишься от неё – я уважаю это в мужчинах. Я дам тебе ее адрес.

Молодой лорд Торн подошел к дому, сердце у него колотилось как бешенное. Зайдя в подъезд и поднявшись на второй этаж, он постучал в дверь, адрес которой он взял у ста-

рика Веймина. Дома никого не было, никто ему не открыл. Кристофер решил остаться ждать на лестнице. Ну не мог он сегодня уйти ни с чем.

Спустя два часа ожидания его терпение было вознаграждено. В подъезд вошла девушка в черных лаковых туфельках, одетая в облегающее платье вишневого цвета чуть ниже колена с длинными рукавами. У нее были распущенные густые волнистые волосы ниже плеч, с левой стороны заколотые заколкой. Она легко порхала вверх, держась одной рукой за перила, пока не увидела стоящего немного выше по лестнице человека. Заметив его, она отпрянула назад. Потом узнала. Кристофер тоже не сразу ее узнал, но, когда узнал, ему стало еще тяжелее дышать от волнения и возбуждения.

– Здравствуй! Что ты здесь делаешь? Дай догадаюсь, адрес ты раздобыл у китайского старика из закусочной? Старый сводник! – последнюю фразу она произнесла почти себе под нос.

– Здравствуй! Да, я искал тебя гхым... гхымм... Я хотел отдать тебе деньги за такси и сказать спасибо, что тогда ты опять помогла мне...

– Деньги оставь себе. Я такси взяла для себя, чтобы самой не пришлось тащить тебя до больницы.

– Как всё-таки тебя зовут?

– Зачем тебе это?

– Понимаешь, я не могу не думать о тебе. То есть мне не дает покоя всё то, что я о тебе и знаю и не знаю. Не так сказал.

Слушай, у меня была заготовлена речь, но я ее забыл.

– Давно ждешь под дверью?

– Нет. Послушай, я художник и я никак не могу тебя нарисовать, вернее могу, но лицо не получается, – голос его совсем сник, он понял, что несет что-то не то и не может остановиться. – Я хочу попросить, пригласить тебя мне позировать.

Он замолчал. Беата тоже молчала. Позировать ей не сильно нравилось в детстве, но воспоминания о позировании для семейных портретов вызвали в ней самые теплые чувства. Но, несмотря на это:

– Я вынуждена отказать, – сказала она медленно и грустно. Она привыкла говорить «нет» не задумываясь.

– Ты из-за меня потеряла работу, я могу платить тебе за позирование.

– Да старик Веймин и не платил мне за работу. Это было мое послушание в обмен на то, что он научит меня драться. А как именно ты хочешь меня нарисовать? Обнаженной? За это ты собрался платить?

– Нет, ты что?! Я и не думал об этом. Если только ты сама не захочешь.

Тут Беата вспылила.

– Послушай, на твое предложение я отвечаю – НЕТ! И кстати, я уже нашла работу, так что я занята и устала.

С этими словами она прошла мимо него и начала открывать дверь ключом. Кристофер немного постоял, но не на-

шел, что еще ему сказать, и пошел вниз по лестнице.

Захлопнув за собой дверь, Беата почувствовала сожаление, но привычка всюду и всем отказывать была сильнее. Через долю секунды она точно решила, что хочет позировать именно сейчас. И чтобы окончательно уговорить саму себя, она вспомнила слова старик Веймина: «Не отталкивай его».

Она рывком дернула дверь, сбежала по лестнице, выбежала из подъезда и, посмотрев по сторонам, увидела справа по улице удаляющуюся спину Кристофера. Она окликнула его и побежала к нему. Кристофер обернулся.

Она подбежала к нему, немного запыхавшись.

– Кристофер! Я буду тебе позировать! И я хочу, чтобы ты подарил мне одну из этих картин. И еще я возьму с тебя плату.

– Сколько ты хочешь? – Кристофер не смог сдержать довольной улыбки.

– Четыре! Четыре ванильных эклера каждый день, когда я буду позировать тебе.

Они оба улыбались друг другу.

– Когда и куда приходиться?

– Минуту, я записал адрес, – юноша полез в карман.

– Подготовился, значит?

– Ты не представляешь, как! Вот! – он протянул ей бумажку с адресом. – Я снял квартиру под студию, она не очень далеко отсюда. Когда ты сможешь прийти?

– По субботам и воскресениям я не работаю и свободна.

– Хорошо! Тогда получается завтра. В 10 утра тебе будет удобно? В это время в студии хороший свет.

– Хорошо, я приду.

– Как все-таки тебя зовут? Как мне обращаться к тебе?

– Беата! Меня зовут Беата! Беата Вадбольская!

Сказать, что Кристофер волновался – это не сказать ничего. Забежав с утра во французскую кондитерскую и купив 10 ванильных эклеров, он помчался в свою студию.

Беата пришла вовремя. Кристофер был безумно рад ее видеть. Она была в зеленом платье с кружевом и легком плаще, зеленых замшевых туфлях и с неярким макияжем.

– Привет!

– Привет! Проходи, пожалуйста, я тебе все сейчас покажу!

Он принял у нее плащ и очень суетился. – Проходи. Налево ванная комната, прямо кухня, – открывая большие белые двустворчатые двери из прихожей в большую комнату-студию, Кристофер потянул Беату туда. Комната была вся белая и очень светлая, с высокими потолками и большими длинными окнами, почему-то расположенными очень высоко, почти на уровне Беатиного роста только начинался подоконник. Напротив дверей в дальнем конце комнаты стоял большой диван со множеством подушек и балдахинном. Рядом с кроватью стояли стулья и прямоугольный стол с большой белой коробкой с эклерами. Посередине комнаты стояли мольберт и холст. Остальные холсты и другие мольберты были

прислонены к стене напротив дверей. Между ними и диваном стояла ширма для переодевания. Справа в углу от входных дверей стоял комод с рисовальными принадлежностями.

– Вот это моя студия! А там на столе эклеры, которые ты просила, – Кристофер не мог перестать улыбаться.

– Ну что, скажи мне, как ты думаешь меня нарисовать? Куда мне сесть или встать? Я принесла с собой еще одно платье, если это не годится.

– Нет, платье замечательное. Только я совсем не знаю, что тебе подсказать. Мне хотелось, чтобы ты не позировала специально, а была естественной. Чтобы тебе было комфортно.

– Значит, я могу выбирать позу?

– Совершенно верно.

– Помоги мне, – она поставила коробку с эклерами на стул. – Помоги мне подвинуть стол на середину комнаты.

– Хорошо.

– Так.

И тут Беата начала растёгивать пуговицы на платье и снимать туфли. Кристофер замер и онемел. Он не мог поверить в то, что видел. Вчера она не хотела называть свое имя, а сейчас стоит перед ним в нижнем белье и снимает чулки.

Она села на середину стола, подтянула к себе колени, одну ногу немного спрятала за другую, изящно скрестила руки на голених. Создавалось впечатление, что она сидит на столе совсем обнаженная. Прядь волос справа упала ей на лицо.

– Вот так сможешь нарисовать? Чтобы не выглядело плоско?

Кристофер очнулся.

– Да, смогу.

Он поставил холст поудобнее и приступил к наброску.

Больше часа они молчали.

– А тебе будет мешать рисовать, если мы будем разговаривать?

– Думаю, нет. Я еще не пробовал, правда. Ты моя первая натурщица.

– Расскажи, кто ты. Мне не мешало бы понимать, перед кем я сижу в нижнем белье.

– Об этом стоило задуматься до того, как ты начала раздеваться, – он улыбнулся.

– Стоило. Но вышло уж так, что я тебе доверяю. Рассказывай.

– Ну, самое интересное и важное обо мне ты знаешь, оно связано с тобой. Я занимаюсь живописью, надеюсь добиться в этом признания. Но учусь в университете на политика. Сейчас из-за того, что я попал в больницу, я не учусь до конца семестра, но программы наверстываю. Мои родители лорды, но они не чопорные, мне хочется в это верить. Мама с отцом до сих пор целуются. Я раньше думал, это норма. Но потом подрос, стал обращать внимание на других и понял, что это скорее редкость. Ну, а как насчет тебя? Расскажи хоть немного о себе. Я же должен понимать, кто сидит

передо мной в нижнем белье.

– Давай прервемся. Я хочу эклеры.

– Подожди, я сделаю пометки на столе, чтобы ты могла потом занять ту же позу.

Он подошел к столу и стал оставлять пометки. От нее приятно пахло цветочным мылом и какими-то легкими духами. Находясь с ней обнаженной так близко, Кристофер почувствовал, как по его телу побежала дрожь.

– Всё. Я помогу тебе слезть, – он придерживал ее за руку. – У меня одна просьба, не смотри на картину, пока я не закончу.

– Хорошо.

– Я поставлю чайник.

Кристофер отодвинул мольберт ближе к окну и развернул так, чтобы со стульев не было видно набросок картины. Беата накинула на себя платье. Взяла две подушки с дивана и положила их на пол рядом со стульями. Поскольку стол теперь был занят, вместо него она решила воспользоваться стульями и сесть на подушку.

Когда Кристофер вернулся с чаем, то обнаружил, что Беата ест уже второй эклер.

– Я так понимаю, ты их очень любишь?

– С детства.

Кристофер аккуратно уселся на вторую подушку и поставил одну чашку на пол ближе к Беате.

– Расскажи про детство, про родителей.

– Ты, наверное, уже догадался, что я русская по фамилии. Так вот, я из древнего и благородного дворянского рода, у нас был огромный белый дом, родители меня очень любили. Но сейчас их нет. Мне было 16, когда ночью отец велел собрать с собой те вещи, которые я смогу сама увезти. Меня направили к бабушке в Испанию. Моя мама оттуда. Вскоре до нас дошло известие, что их убили. Ну вот, собственно, и всё про детство. Кстати, мои родители тоже целовались. И даже в ту ночь мама решила остаться с отцом до конца.

– А как ты оказалась в Китайском квартале? Ты не похожа на других русских, которые, бежав от революции, пытаются всеми силами закрепиться в лучших домах Европы. Прости, я не хотел никого обидеть.

– Ну, ты и не обидел. Наша семья в России всегда казалась всем с чужинкой. Слава Богу, мы не пытались никому доказать обратное. Что касается закрепиться в лучших домах Европы. Ну, а что им делать, если они привыкли к красивой жизни, а работать не умеют? Я не поддерживаю отношений ни с кем из русских. А до Китайского квартала, я еще получила экономическое образование и жила в Париже. Вернемся к творчеству.

Произнеся это, она встала и пошла к столу. Пока она снимала платье, Кристофер быстро поднялся, чтобы помочь ей залезть на стол и занять ту самую позу. Он почувствовал сильный прилив крови. Быть так близко с почти обнаженной желанной женщиной и ничего не чувствовать было бы

странно. Он быстро удалился за мольберт.

– Расскажи про Париж. Почему ты оттуда уехала?

– Не всё сразу. Давай оставим это на следующий раз, когда я буду есть эклеры. Я добрею, когда ем, – она улыбнулась, Кристофер улыбнулся в ответ. – Давай лучше поговорим про тебя. А какие у тебя любимые сладости, за исключением рождественского пудинга, его все любят?

– У меня? Хм... яблочный пирог.

– А ты ел штрудель с шариком мороженого?

– Нет.

– Да ты что!? Такие вещи надо исправлять, не затягивая.

– Поможешь мне?

– Думаю, да.

Дальше они замолчали. Кристофер боролся со своим возбуждением и был не против помолчать, чтобы не ляпнуть ничего такого, что могло бы спугнуть ее расположение. Но, конечно, он не справился. Спустя часа полтора молчания Беата спросила:

– А у тебя есть любимый цвет? Вот ты художник, какой цвет у тебя любимый?

– Думаю, теперь зеленый! А у тебя?

– У меня белый. А почему теперь?

– Потому что у тебя глаза зеленые.

Беата замолчала. Это смутило её. Ей показалось это чересчур.

– Я бы хотела закончить на сегодня. Я устала, – сказала

она, слезая со стола и собираясь одеваться.

Кристофер понял, что смутил ее.

Она сухо попрощалась и ушла. Немного помедлив, Кристофер продолжил работу.

На следующее утро она пришла вовремя и долго стучала в дверь. Кристофер помчался открывать. Он проспал.

– Прости. Я проспал. Я рисовал ночью. Проходи, пожалуйста. Я сейчас, – и он побежал в ванную комнату привести себя в порядок. «Как хорошо, что я вчера купил много эклеров» – подумал он.

Пока Беата ждала его, она прохаживалась по комнате. Платье на ней сегодня было черное атласное с пышной юбкой чуть ниже колен. Она нашла его папку с рисунками, которые Кристофер рисовал в больнице и в период восстановления после травмы. Там были эскизы, сделанные карандашом: грибы, китайские фонарики, китайский чайник и чашки с зеленым, по-видимому, чаем, и дерущиеся люди без лиц. «Наверное, вот этот человечек с пучком волос – это я» – подумала Беата. Она и половины не успела посмотреть, как из ванной комнаты вылетел очумелый Кристофер.

– Все, я готов.

Глаза его были еще красные. Беата осмотрела его и решила:

– Тебе нужно позавтракать и кофе. У тебя здесь есть приличная одежда?

– Что-то похожее есть. Я вообще-то не пью кофе.

– Очень интересно, конечно. Иди, переодевайся!

– А куда мы пойдем?

– Пробовать яблочные штрудели и пить кофе. А то ты уснешь за мольбертом.

Сидя в ресторане, расположенном на 1 этаже одного дорогого отеля, находящегося не очень далеко от студии Кристофера, Беата диктовала заказ официанту:

– Нам, пожалуйста, одну яичницу с сосисками, две порции яблочного штруделя с мороженым, одно эспрессо и два капучино. Все можно приносить по готовности. Спасибо!

Она отдала меню официанту. Кристофер молчал. Внутри него все орало от счастья. Сколько раз, лежа в кровати, он представлял себе, как они сидят вместе в кафе. Они оба молчали, пока официант не принес эспрессо, стакан воды и две чашки с капучино.

– Это тебе, – сказала Беата, подвигая ему одно эспрессо. – А это к штруделю. – указала она на одну из чашек с капучино.

Кристофер быстро выпил горячий эспрессо и запил водой. Дальше официант принес яичницу и 2 штруделя.

– Яичница молодому человеку, – сказала Беата растерявшемуся официанту, указывая головой на Кристофера.

Кристофер приступил к завтраку. Он и не заметил, что, оказывается, был очень голодный, ведь вчера он последний раз ел эклеры с Беатой. Беата спокойно и с удовольстви-

ем приступила к штруделю. После того как Кристофер доел яичницу и принялся за штрудель, он решил начать разговор.

– Ты сейчас должна стать добрее, может, тогда расскажешь про Париж.

Беата улыбнулась.

– В Париже я проработала почти год в кондитерской-пекарне. Мы готовили выпечку и сладости для одного кабаре. А по ночам я работала в этом кабаре официанткой. Не надо на меня так смотреть. Официантки в кабаре – незаметные люди. Туда приходят посмотреть и провести вечер или ночь с танцовщицей, ну или со своей супругой. Кстати, у французов принято ходить в кабаре со своими дамами сердца. Правда, эти парочки все равно могут забрать с собой домой одну из танцовщиц для l'amour à trois. А официантки отработают и уходят по своим делам.

Она продолжила наслаждаться штруделем.

– А почему ты уехала из Парижа?

– Это немного личное.

– Кто-то разбил тебе сердце? Ты от него пряталась в Китайском квартале?

– Что? Нет. Мне нет. И я ни от кого не пряталась. Я просто захотела научиться новому, чтобы я могла постоять за себя. Был неприятный случай, когда одна из танцовщиц кабаре, которую я считала подругой, напала на меня и собиралась сделать со мной то, чего я не хотела с ней делать. Я смогла освободиться от нее. А если бы это был мужчина? Я не ду-

маю, что я бы смогла справиться. Вот я и решила научиться защищать себя, – про предсказание цыганки Беата сразу решила никому не рассказывать. Предсказания вообще не стоит разглашать.

– А почему эта подруга танцовщица напала на тебя? Ты прости, но это просто ну очень необычная история.

– Мне кажется, она меня полюбила. Она вообще любила женщин. А ко мне у нее зародились чувства, когда она учила меня танцевать танго. Я так думаю. Это очень страстный и чувственный танец. Мне, наверное, стоило догадаться, но я об этом не подумала. Мне было 19 лет, и я не смогла распознать те сигналы, которые она мне посылала. Я не ожидала такого в свой адрес, тем более от женщины.

У Кристофера закружилась голова от разыгравшейся фантазии – Беата и танцовщица кабаре танцуют в красивом нижнем белье, трогают друг друга и целуются. Он еле смог допить капучино и вести себя непринуждённо. Ему непременно захотелось сделать несколько зарисовок того, что крутилось у него в данный момент в голове.

Расплатившись с официантом, они направились в студию. «Беата оказалась права насчет кофе, завтрака и штруделя» – подумал Кристофер. Кофе бодрит, завтрак необходим, а штрудель – очень вкусный десерт, особенно для любителей выпечки с яблоками.

В студии Кристофер дал Беате ключ, чтобы ей больше не пришлось стучаться в дверь. Приняв нужную позу, Беа-

та приступила к позированию, Кристофер продолжил рисовать. Они болтали в это раз обо всем. Про книги, про музыку, про времена года, про смешные происшествия из детства. . . .

Все эти разговоры еще больше уверили Кристофера, что она самый интересный человек из всех, с кем ему приходилось общаться. Все ее жизненные перипетии наделили ее интересным жизненным опытом, а пережитые трагедии, одиночество и послушание при обучении кунг-фу делали ее очень глубоким и эмпатичным человеком.

По окончании позирования вечером в воскресенье они договорились встретиться в следующую субботу в 11 утра. Хотя молодой Лорд отчетливо понимал, что он не выдержит 5 дней не видеться с ней. Он уже знал, что вечером максимум во вторник он придет к ее квартире. Он уже отчетливо понимал, что влюбился в нее с первого взгляда в лавке с красками.

Кристофер стал собираться домой. «Мама, наверное, беспокоится. После событий, случившихся в Китайском квартале, было логично, что она боится повторения» – думал Кристофер. Он так и не узнал, что отец перестраховался и договорился с мистером Стенли, чтобы подобных происшествий больше не происходило с его сыном в этом квартале.

Вечером во вторник Рабиб после тяжелого трудового дня решил похвалить свою новую подчиненную и познакомиться поближе. Он налил черного чая, достал пахлаву и позвал

Беату пить чай. Беата насторожилась. Пить чай с малознакомыми мужчинами по вечерам было не в ее правилах.

– Рабиб, в чем дело? Рабочий день уже закончен. Сегодня он был тяжелым. Давайте сразу поясню, если Вы будете ко мне приставать, я буду драться до последнего.

– Мне это подходит, я не собираюсь к тебе приставать. Я в этой стране тоже одинокий иностранец и решил сегодня попить с тобой чай и получше узнать человека, который так хорошо сегодня поработал вместе со мной. Даю слово, я тебя не трону.

– Хорошо, – она взяла чай и пахлаву. – Откуда ты, Рабиб?

– Из Ливана.

– А почему уехал?

– Я посмотрел не на ту женщину.

– Только посмотрел?

– Нет.

Беата улыбнулась. Рабиб тоже.

– Про тебя я знаю. Не понимаю одно – почему ты не замужем? Твой жених погиб?

– Нет, у меня не было жениха. Не замужем? Да как-то не сложилось.

– Ты красивая. Вот я и не понимаю, как тебя еще никто замуж не затащил.

– Я хорошо пряталась.

Кристофер прождал весь вечер вторника у двери кварти-

ры Беаты. Поздно вечером он вернулся на такси домой. Беата тоже вернулась домой поздно.

В среду встретиться не получилось по причине присутствия гостей в доме Торнов, и мама просила Кристофера непременно присутствовать.

В четверг вечером измученный и очень соскучившийся Кристофер прибежал к заветному подъезду. Беата с работы вернулась вовремя.

– Привет!

– Привет! Ты что здесь делаешь?

– Ну, я.. я проходил мимо...

– Врешь?

– Да.

– Чего ты хочешь?

– Я не знаю. Прошло уже 3 дня. Я думал, как ты? Вдруг у тебя что-то случилось.

– У меня все в порядке.

– Я ждал тебя во вторник. Ты не пришла.

– Я поздно вернулась. Есть хочешь?

– Нет. Да.

Беата рассмеялась.

– Пойдем, поможешь мне приготовить. Ты же умеешь готовить?

– Да. Вернее, нет.

Они вошли в ее квартиру. После прихожей двери вели в небольшую гостиную, слева от которой находилась кухня, а

справа спальня. Двери из спальни вели в большую комнату, которую Беата использовала как гардеробную и будуар. Дверь из нее вела в ванную комнату. Беата быстро провела экскурсию по своей квартире, просто указывая рукой на комнаты. И пошла на кухню. Она была очень голодная.

Она поставила кастрюлю с водой на плиту. И достала спагетти.

– Кристофер, помоги мне.

– Да.

– Порежь базилик, а потом открой бутылку вот этого вина.

Сама она в это время мыла большие помидоры. Кристофер готовил в первый раз. Беата догадывалась об этом и не стала давать ему портить помидоры. Она сама их порезала и достала небольшой кусок прошутто. Она нарезала его небольшими квадратиками. Кристофер открыл вино.

– Достань, пожалуйста, вон с той полки два фужера. Хорошо. Разливай вино.

Кристофер делал всё, как было велено. Беата взяла один фужер и сделала жест рукой Кристоферу.

Они выпили по глоточку.

– Можно я немного осмотрюсь?

– Можно, но немного.

Пока Беата натирала пармезан, Кристофер с фужером медленно прошел к ней в спальню. Там стояла очень красивая резная кровать с балдахином.

– У тебя шикарная кровать.

– Ну, я все-таки княжна!

Кристофер, смущенный своим наблюдением, улыбнулся. На прикроватном столике он заметил большую книгу. Это была та самая книга из французского магазина об искусстве половых сношений. Он открыл ее, пролистал несколько страниц. И закрыл. Он не хотел, чтобы Беата увидела, куда он залез. Он поторопился отойти подальше от кровати, но в голове у него засела мысль, которая теперь будет его мучить: «Что это за книга такая, и почему она лежит на прикроватном столике, как любимая книга для чтения на ночь?!» У него загорелись уши.

– Все готово.

Беата, не привыкшая есть традиционную английскую еду, повергла Кристофера в недоумение. Ужин для него был экзотичен. Но, как оказалось, очень вкусный. Сочетание продуктов и вина подарили ощущение некоего праздника.

– Непривычная еда?

– Да. Но вкусная. Я как-то не задумывался, что ты умеешь вкусно готовить. Ты меня постоянно удивляешь. Я вообще восхищаюсь тем, что ты успела уже посмотреть этот мир, научиться многим очень интересным и полезным вещам. Ты однозначно самый интересный человек в моей жизни. Прости, если я тебя смущаю, но я не могу молчать.

Беата покраснела и улыбнулась.

– Не смущай меня. Если бы у меня был выбор... Я бы лучше жила с родителями в Российской империи.

Поужинав, Беата попросила Кристофера оставить ее. Она планировала совершить необходимые для женской красоты ритуалы, тем более она ощущала неловкость от того, что он может задержаться после ужина. Кристофер и сам понимал, что ему лучше уйти, дабы не переборщить со своим обществом.

Утро субботы было очень теплое. Беата пришла на 15 минут раньше, открыла дверь, и, войдя в самую студию, увидела свой портрет. Кристофер сидел на корточках рядом с другим мольбертом, он не ожидал увидеть ее так рано и не успел отвернуть портрет.

Беата замерла. Картина была выполнена масляными красками очень красиво. Линии тела, волосы, нос, губы, глаза. Беату накрыла сильнейшая эмоциональная волна. Она поняла, какими глазами ее видит Кристофер. В это время он встал и встревоженно ждал ее реакции. Портретом он был доволен, но не знал, как отреагирует дорогая его сердцу девушка. В этот момент Беата порывисто налетела на Кристофера и начала страстно целовать его. Он неосознанно отреагировал на ее порыв. Да и как тут было не отреагировать? Продолжая страстно целоваться, они быстро начали стаскивать одежду друг с друга и, сшибая мольберт и ширму, двигаться к дивану. Кристофер еле успел достать из заднего кармана штанов контрацептив, который отец велел всегда и везде носить с собой. Не прекращая целоваться ни на секун-

ду, Кристофер без сопротивления со стороны Беаты повалил ее на кровать. Быстро надев защиту, он вошел в неё. Хотя это вызвало некое сопротивление, Беата сильно вцепилась в его плечи, и Кристофер почувствовал что-то теплое и липкое между ее ног. Кристофер хотел приостановиться и посмотреть.

– Не останавливайся, – запыхавшись от страстного пыла, прошептала Беата. Нос и лоб у нее был сморщен, глаза прищурены от небольшой и в то же время приятной боли.

К стыду Кристофера, их первое занятие любовью закончилось весьма быстро. Он испуганно посмотрел в ее глаза и очень нежно поцеловал ее. Она ответила ему.

– Как ты?

– Все в порядке. Надо было предупредить... Вернее, я ничего такого не планировала.

С этими слова она стала немного отодвигать его, чтобы вылезти.

– Мне надо в ванную.

Кристофер очень распереживался, он понял, что ей было неприятно, и она собирается уйти после ванной. Он накинул на себя покрывало как юбку с запахом, потому что был тоже немного запачкан кровью, и побежал в прихожую к ванной. Он был и счастлив, и напуган. Как себя правильно с ней вести? Она! Она выбрала его как своего первого мужчину! Она старше него, с таким жизненным опытом и совершенно не знавшая про половую жизнь между мужчиной и женщи-

ной. Он хотел, чтобы она стала его женщиной, любила его, но он не знал, что она чувствует к нему. Тот факт, что первый раз она занялась сексом именно с ним, безумно радовал его, ведь ей не с кем было сравнивать. А в своих способностях хорошего любовника он сомневался все больше и жутко переживал из-за этого.

Она вылетела из ванной и направилась собирать свою одежду и быстро одеваться.

– Подожди. Не уходи, пожалуйста, – Он ходил за ней, боясь притронуться. – Я понимаю, что что-то сделал не так. Прости. Я постоянно думаю о тебе, мне кажется... Нет, я абсолютно уверен, я влюбился в тебя с первого взгляда! Я не могу тебя потерять. Я не хотел тебя ничем обидеть.

– Тебе придётся все это повторить потом. Я ничего сейчас не способна слышать. Мне надо побыть одной, – она выбежала из квартиры.

Кристофер постоял какое-то время. Он был абсолютно подавлен. С ним произошло то, чего он желал больше всего на свете с того момента, как увидел ее в первый раз в лавке с красками. И в то же время он не ожидал, что все выйдет так. Что она девственница и что она убежит от него как ошпаренная. Он же мечтал о девушке, которая мыслит не стандартно, вот «Бог и услышал его молитвы». В своей голове он все представлял совсем по-другому.

Решив оставить ее сегодня в покое, но завтра обязательно проведать, если она сама не придет в студию, он поплелся в

ванную смыть с себя кровь от ее невинности.

Весь оставшийся день субботы в голове Кристофера прокручивалась счастливая сцена полового акта с Беатой. Весь день прошел с не выключающимся ощущением взорванного фейерверка внутри. Домой Кристофер вернулся только под ужин, который не осилил и наполовину. Родители подметили, что сын точно не в себе. Расспрашивать они ни о чем не стали, но нельзя было не догадаться по нему, что он сияет от влюбленности. Высшая степень эмоционального возбуждения не давала ему уснуть и ночью. Не было чувства усталости.

Ели дождавшись утра, он без завтрака помчался в студию. По дороге он заехал в кондитерскую, купил еще ванильных эклеров, хотя вчерашние остались не тронутыми в студии. И в цветочный магазин. Он выбрал для нее большой букет белых еще не распустившихся до конца пионов.

Беата опаздывала. И за эти 25 минут Кристофер извел себя окончательно. Ведь он совершенно не знал, что ему делать, если она не придет. Какие подобрать слова, и насколько сильно она собирается его избегать. Что у нее за чувства к нему, и что на уме. Но она пришла.

Когда в двери зашуршал ключ, сердце у Кристофера запрыгало и участилось дыхание.

– Привет!

– Привет! Это тебе, – он схватил букет, подлетел к ней и

протянул ей. – Я очень переживал, даже, по-моему, не смог уснуть ночью, постоянно думал о тебе....

Она взяла букет, прижала к себе и вдохнула аромат цветов.

– Спасибо! Они очень красивые.

Они замолчали. Молчание было крайне неловким. Потом Беата начала:

– Я тоже так и не поняла, заснула я все-таки ночью или нет, – она положила букет и начала медленно приближаться к Кристоферу. – Я заготовила речь и не одну о том, что... это было недоразумение и нам лучше закончить картину и больше не встречаться. Но, увидев тебя... – она подошла вплотную к нему. – Я поняла, что хочу ещё.

Он неуверенно наклонился к ней и начал нежно целовать ее в губы, она так же спокойно отвечала ему. На этот раз медленно и аккуратно они стали продвигаться к дивану. Молча они разделись, заглядывая друг другу в глаза и не отрывая взгляд. Они смотрели друг на друга большими, доверчивыми, влюбленными глазами.

– Можно я попробую сесть сверху.

– Да, конечно.

Кристофер надел защиту. Они медленно приняли позу. И после этого, медленно сев на него, она начала двигаться. Она взяла его руки и положила себе на грудь, а сама уперлась своими ладонями в его плечи. Периодами она опускалась к нему, чтобы поцеловать, но потом поднималась и молча по-

казывала ему, как ласкать ее грудь руками. Спустя время она начала стонать.

– Еще чуть-чуть.

Она громко выдохнула и сжалась, а потом по ее телу побегала дрожь. Кристофер был настолько счастлив, что его любимая получала должное удовольствие от занятий любовью с ним, что кончил почти вместе с ней на ее глубоком выдохе.

Он потянулся к ней, чтобы поцеловать ее лицо. настолько красивой она ему не казалась еще никогда.

– Помоги мне слезть, – она засмеялась. – У меня свело ноги выше колен.

Он помог ей лечь сбоку и облокотиться на него, положив голову ему на плечо. Он обнимал ее одной рукой. Разговаривать не хотелось. Было приятно помолчать. Бессонная ночь дала о себе знать. На час они оба провалились в сон.

Проснулись они от того, что, несмотря на то, что было уже тепло, они все равно немного замерзли спать голые и без одежды. Проснуться вместе оказалось счастьем.

– Замерзла?

– Немного. Давай выпьем чаю. У тебя же есть эклеры?

– Разумеется, есть!

Они оба улыбались. Эта улыбка еще долго не будет уходить с их лиц.

– У меня только есть возражения по поводу чая! Предлагаю пойти в кафе и отметить шампанским потерю твоей невинности.

Сидя за столиком в кафе, после второго бокала шампанского, Кристофер завел разговор, который вызывал у него любопытство:

– Прости меня, конечно, но ты не кажешься мне скованной и неопытной в постели. Если бы не вчерашнее... То я бы ни за что не поверил, что я у тебя первый мужчина.

Беата покраснела.

– Ну, есть одна книга. Я купила ее в Париже. Там рассказывается о том, как этим правильно и разнообразно заниматься.

– Мне кажется, я видел ее на твоем прикроватном столике. И ты что, всю ее прочитала?

– Ну, да. Что-то даже перечитывала. Я же не железная, и сидеть, сложа руки, мне не хотелось. Надо же было хоть в теории представлять, что меня ждет.

– А ты научишь меня?

– Я думаю, нам придется учиться вместе.

Оба покраснели и посмотрели друг на друга озорно, но вместе с тем нежно.

После кафе они опять отправились в студию, переступив порог которой они сразу начали целоваться, как будто давно не виделись. Раздевая друг друга по дороге к дивану, они опять занялись любовью.

До вечера они решили не одеваться, предпочитая пить чай с эклерами абсолютно голыми. Ближе к вечеру Кристофер поставил пластинку, и заиграла легкая музыка.

– Я тебе не говорила, но я с детства обожаю танцевать.

– Я хочу пригласить тебя на танец, – он протянул ей руку.

Беата словно вспорхнула в его объятия. Она встала на цыпочки и прижималась к нему свои голым и возбужденным от чувств телом. Не сводя сияющих глаз друг с друга, они закружились в танце по студии. За окном уже смеркалось, а одна влюбленная и обнаженная пара танцевала первый танец вместе. Оба очень хотели, чтобы этот вечер не кончался.

Последующие недели по будням они встречались в студии. Беата после работы летела к нему. А он ждал ее с эклерами и сэндвичами, купленными в кафе. Сходу она напрыгивала на него и увлекала за собой на диван.

Ощущение настоящей жизни они испытывали только наедине друг с другом. Теперь обычный мир стал для них второстепенным и каким-то параллельным. Когда они находились в разлуке, всё их сознание было сконцентрировано на воспоминаниях о том, что происходило у них во время секса друг с другом. Стоны, выдохи, изгибы, руки, взгляды, губы – всё это стояло у них перед глазами в те моменты, когда они вынуждены были быть не вместе на диване. Их чувства полностью поглотили их.

Они светились, и любой прохожий, не говоря уже о родителях и руководителе на работе, понимали, что перед ними окрыленный любовью человек.

Рабиб был рад за нее и был снисходителен в работе.

Торны не могли не радоваться за сына, он изменился кар-

динально. Вместо язвительного и делового молодого человека они завтракали с заботливым и вежливым ребенком. Он обнимал и целовал родителей перед уходом в студию.

Выходные дни они безвылазно проводили у Беаты на квартире. В это время можно было передохнуть от чаепития с эклерами. Беата готовила быструю, простую, но вкусную еду. Или им в то время все казалось вкусным.

Им ничего больше не было надо, важно было только быть вместе. Стоило им только увидеть друг друга при встрече, как их тела уже до прикосновений включались в процесс полного возбуждения. Они занимались этим везде – в студии и в квартире Беаты: на диване, кровати, в ванной, в гардеробной, на столах, у столов, на стульях. В студии Кристофера были очень удобные стулья: большие, мягкие, крепкие, с высокой мягкой спинкой и без ручек. Влюбленные по нескольку раз в день занимались на них любовью. Кристофер садился на стул и обнимал ее за спину и шею или бедра; Беата садилась на него сверху, упираясь ногами в задние ножки, а руками она держалась за спинку стула.

Они перепробовали много поз. Занимались любовью шуточно и грубо, трепетно и нежно. В некоторых комбинациях поз Беата подсказывала, что надо стимулировать ее клитор рукой, иначе она не успеет получить полное удовольствие. Иногда подсказывала, что надо гладить или щипать грудь. Они заботливо относились к тому, чтобы каждый раз каждый из них кончал.

Они не могли отлипнуть друг от друга. Даже ее месячные не были поводом взять перерыв в занятиях любовью. Часто они забывали даже поесть.

У Кристофера пропала потребность в рисовании. И один раз, вспомнив про это в студии, Беата поставила его голым перед мольбертом. Велела набрать на палитру любимые краски и рисовать.

– Я не знаю, что рисовать. Мне ничего не приходит в голову.

– А не надо ничего думать, просто води рукой. Просто рисуешь эмоцию, что ощущаешь.

С этими словами она, обнажённая, опустилась на колени перед ним. Посмотрела на него снизу вверх, взяла его член рукой и засунула себе в рот. В тот момент у нее появилась возможность и желание сделать свой первый минет. Что касается счастливого молодого человека, для него это тоже было впервые, а ее теоретические знания прекрасно ложились на практическое исполнение. Он начал рисовать порывистые и плавные линии. Иногда он просто опирался на мольберт, прислонив кисть. Иногда разбрызгивал краску. В завершение стараний Беаты Кристофер кончил ей в рот. Она проглотила содержимое своего рта. Посмотрела, довольная, на него снизу вверх, улыбнулась и поднялась, чтобы посмотреть новую картину.

– Мне нравится твоя картина! – довольная, голая, она улыбалась.

Так прошло 2 месяца. К середине июля они стали выбираться погулять в парке, сходить в кино или кафе. Ванильных эклеров они оба наелись на много лет вперед. Во время таких прогулок Кристофер замечал, что все проходящие мимо мужчины заглядываются на его даму. Он и сам видел, что по сравнению с той девушкой, которую он встретил в лавке с красками, она похорошела еще больше. Расцвела. А горящие глаза и уверенность в себе сделали ее настоящей красавицей. В такие моменты он чувствовал тревогу внутри. Уж больно она была яркая и интересная по сравнению с ним.

В один жаркий июльский день Торны были приглашены в гости в соседнее имение. Родители очень настаивали на том, что хотя бы один день их сын должен уделить семье и друзьям. Учитывая то, что с той драки с юным Эддвудом прошло достаточно времени и все уже забыли про это происшествие.

Около дверей, ведущих в сад к Кристоферу, подошел его лучший друг Роберт.

– Давно не виделись, дружище. Ты как-то изменился. Ходят слухи, что у тебя появилась возлюбленная. А узнаю я это не от тебя, а из сплетен, собранных моей матушкой!

Они обнялись.

– Привет! Как ты?

– Я как положено. Доучился, сейчас отдыхаю. Только недавно вернулся с семьей из Корнуолла. Кстати, я познако-

мился с прекрасной девушкой, и она мне очень нравится, я прошу тебя не подшучивать над ней. Ее зовут Эмилия Бёрли, она кузина Кэтрин Суинфорд.

– А она отвечает тебе взаимностью?

– Да! Я в этом уверен!

– Я очень рад за тебя!

– Ну, а ты не хочешь мне ничего рассказать? Вначале я узнаю, что тебя избили в Китайском квартале. Сломали ребро. Кстати, я забегал тебя проведать, но твои родители сказали, что у тебя доктор и это надолго, так как он перекладывает тебе повязки. А потом я уехал в университет. Твоя дама сердца китаянка?

– Что ты?! Нет! У нее большие зеленые глаза. Она наполовину русская. Но не надо так выпячивать глаза, я знаю, о чем ты подумал. Она не из тех, кто охотится за состоятельными женихами. Я сам за ней долго охотился. И сейчас я не представляю жизни без нее. Она красивая, умная, веселая и она очень интересный человек. Понимаешь? У нее в ее годы уже было столько всего. Она жила в Испании, в Париже и в Китайском квартале....

– Ты, похоже, по-настоящему влюбился. Ты женишься на ней? Что скажут родители?

– Не хочу я думать, что они скажут. Я уверен, что они отреагируют так же, как и ты в начале. Русская – значит, хочет обзавестись богатым мужем и попасть в высшее общество Лондона. А я молодой дурачок, которого облапошили.

Не знаю, Роб, но я поговорю с ними категорично и женюсь на ней. Со временем они поймут, что ошибались.

– Ну, а какотреагируют в обществе?

– Мне на это наплевать, ты же знаешь, что я могу в нем не появляться.

– Прекрасно знаю. Пойдем, выпьем и отдохнем. У нас ка-никулы. Да и ребята на нас давно смотрят. Всем очень любопытно узнать, как ты.

На красивой лужайке в саду было организовано место для гостей. Стоял стол и кресла с диванами. На лужайке собралась их всегдашняя компания. Все были очень рады возвращению Кристофера, и половина девушек подошли его поцеловать.

– Наконец-то к нам вернулся Кристофер, – съехидничал Эдвард.

– Я тоже рад вас всех видеть!

– Ну признайся, ты скучал по нам! Хотя в разлуке с нами ты изменился в лучшую сторону. Возмужал, похорошел! Что там за история про драку в Китайском квартале и про таинственную девушку?

– Давайте мы с Робертом выпьем. Мы только подошли.

– Нет, ты от нас не отделаешься. Расскажи, ты и сейчас влюблен в ту китайку или твое сердце свободно?

– А ты, Анджела, больше всех интересуешься. У тебя есть планы на мое сердце?

– Есть! Мне кажется, ты изменился и нравишься мне но-

вым. Ты таинственный и уверенный в себе. Очень интересный.

Кристофер пил вино и улыбался.

– Почему ты молчишь?

– Я же сказал, что соскучился по вам! И хочу вас послушать, что у вас нового?

– Ну уж нет, мы не отстанем от тебя. Кто эта девушка? Ты до сих пор любишь ее?

– Да, я люблю эту девушку и собираюсь на ней жениться. Я познакомлю вас всех с ней на свадьбе. Чтобы вы ее не спугнули.

– Ух ты! Свадьба!

– Даже так?! Я почему-то думала, что ты не веришь в брак и женишься позже всех нас.

– Как приятно посмотреть на падение циничного сердца!

– Кто же она, раз ты боишься ее с нами знакомить?

– Ты уже договорился с ее китайской родней? Интересно, с какими глазами у вас будут детки?

Кристофер спокойно слушал и пил вино. Он был готов к таким разговорам, но не собирался на них отвечать и выслушивать чье-либо мнение насчет своей женщины.

Вскоре всем наскучило над ним подтрунивать, и они начали рассказывать забавные истории и сплетни, которые произошли за время отсутствия Кристофера. Вечером Анджела, находясь в подпитии, поймала Кристофера выходящим из мужской комнаты. Она попыталась затащить его в укром-

ное место и начала обнимать, приближаясь к нему губами и страстно пыхтя.

– Анджела! Ты пьяна. Поверь мне, не стоит так.

Но она не слушала его и, приоткрыв рот, начала впиваться в его губы. Кристофер снял ее с себя. И быстро удалился. Год назад он бы много отдал, чтобы оказаться наедине с Анджелой Дамори. Она была самой яркой девушкой из их компании. Стройная темноволосая девушка, с неправильными, но интересными чертами лица: с большим ртом и темно-кариими глазами. Роста она была невысокого, но это не мешало ей быть весомой личностью и заводилой в их сложившейся компании. Она была высокого мнения о себе и всех приучила ценить свое общество. Она подтрунивала попеременно над всеми молодыми людьми в компании и за ее пределами. Каждому казалось, что она не просто так обращает на него свое внимание, но она тут же переключалась на другого. Кристофер после такого ее фортеля стал сам подтрунивать над ней, не дожидаясь, пока она опять проявит милость. Он был ей достойным оппонентом, пока не произошла драка с Эддвудом, и Кристофер был вынужден взять перерыв в общении с ней и со всей компанией.

Загадочность, спокойствие, уверенность в себе и безразличие к ее персоне сильно зацепили Анджелу. Проснулось необоснованное чувство собственности. Она решила тут же вернуть его в ряд своих поклонников. Но на этот раз Кристофер был и правда влюблен в другую всем своим сердцем.

После этого инцидента с Анджелой у уборной, молодой Торн опрокинул еще бокал вина и попросил дворецкого вызвать ему такси.

Анджела была не из тех, кто легко прощает и меньшие проступки. Одно она решила для себя точно: она хочет, чтобы лорд Кристофер Торн женился на ней.

Почти ночью пьяный Кристофер, которого развезло в такси еще сильнее, приехал к Беате и барабанил в дверь. Она открыла ему. Он уткнулся в нее носом. Она обняла его. Было в пьяненьком молодом Лорде что-то беззащитное в тот момент. Ей стало понятно, что здесь ему хорошо. С ней он дома.

Двумя днями позже в семейном поместье лордов Торнов за ужином произошёл серьезный разговор. Погода соответствовала настроению в семье, на улице лил сильный дождь.

– Нам сказали, что ты осенью женишься. Смешная шутка. Наконец-то ты опять начал общаться со своими друзьями, – начала леди Элизабет Торн.

– Это не шутка. Я действительно собираюсь жениться.

– Отец, ты слышал? Это не шутка. Я так и знала, что твоя первая любовь принесет нам еще проблем.

– О каких проблемах ты говоришь? Я просто тоже хочу любить свою жену. Как вы с отцом любите друг друга. И я нашел для себя такого человека. Мне теперь нужно познакомиться с вами. Я уверен, вы поймете мои чувства к ней и

примите ее.

– Прости, но кто она и откуда?

– Она из княжеского рода России. Но она не похожа на тех русских, о которых ты мне сейчас начнешь рассказывать. Она наполовину испанка.

– И ты хочешь сказать, что она полюбила бы тебя, будь ты дворецким или продавцом рыбы?

– Я уверен в этом. Как раз дело все в том, что ей все равно на светское общество, она не стремится туда.

– Значит, она просто стремится к твоим деньгам. Она еще не беременна?

– Нет, она не беременна и у нее есть свои деньги, она ни разу не дала мне понять, что я должен ей что-то оплатить.

– Чарльз, ну что ты молчишь?! Может, у тебя есть что сказать! Ведь грядет свадьба!

– Кристофер, я не уверен, что стоит так опрометчиво жениться. Закончи вначале свое обучение в университете. А потом поговорим о свадьбе.

– Да вы понимаете, что я не могу с ней расставаться. Я дышать без нее не могу!

– Раньше же ты как-то мог дышать, до знакомства с ней.

– Но теперь не могу.

– Кристофер, это всё блаж.

– Я все равно женюсь на ней! С вашего одобрения или нет! И не надо пугать меня наследством! Я буду работать! Просто решайте, нужны ли вам сын и дочь?! Или вы хотите

остаться совсем без детей?!

– Да у тебя горячка! Ты болен! Неизвестно, какими еще болезнями она тебя заразила! Тебя надо показать врачам.

– Мама, я никогда не думал, что ты можешь говорить и думать такие мерзости! Если тебе так интересно знать, то я у нее первый мужчина и хочу остаться единственным! Я пошел собирать свои вещи! Надеюсь, вы почтите присутствием нашу свадьбу.

С этими словами Кристофер хлопнул дверью.

– Дорогой, надо что-то делать! Он не в себе! Куда он сейчас поедет в такой дождь! Он попадет в аварию в таком состоянии! Надо его остановить как-то!

– Ты же знаешь его характер! Мы его не удержим, если только не запрем до утра, чтобы успокоился! А с утра попробуем поговорить спокойно!

Они поднялись на 3 этаж к комнате Кристофера и закрыли ее на ключ, пока Кристофер собирал свои вещи.

– Что вы делаете? Откройте! Вы совсем спятили?!

– Кристофер, дорогой, ну куда ты собираешься в такой дождь! Подожди до утра! С утра мы спокойно все обсудим!

– Откройте! Я не ребенок, которого можно наказать, заперев в комнате!

Кристофер дергал двери, но они были сделаны из массива дерева, очень добротные. Родители отправились выпить виски. Всё семейство жутко понервничало. Такого разговора и таких последствий у них в семье еще не было никогда.

Но Кристофер решил, что нельзя вести себя с ним как с непослушным ребенком. Он собрал небольшую сумку, открыл окно и собрался спуститься по крыше и плющу. Аккуратно он добрался до второго этажа, но крыша была очень мокрая и от этого скользкая. Он поскользнулся и упал на кусты под собой.

Он ударился головой и отключился. Из-за крайне неудачного падения он сломал ногу. И пролежал под дождем несколько часов, пока его не нашли. В результате он все-таки попал к врачу. Но с высоченной температурой, воспалением легких, переломом ноги и повторным сотрясением мозга.

Беата ждала Кристофера каждый вечер и очень переживала. Временами она прибежала в студию проверить, не было ли каких-то следов присутствия Кристофера, если уж не удастся встретить его самого. В одно из таких посещений ключ в двери начал поворачиваться. Девушка бросилась к двери, но дверь открыла красивая дама. По сходству с сыном Беата поняла, кто перед ней. И поняла, какой предстоит разговор. Она тут же вспомнила про свои манеры и постаралась напустить на себя степенность.

– Добрый день!

– Добрый день!

– Вы, видимо, Беата. Да, теперь я вижу, Вы и вправду очень красивая девушка. Мне кажется, Вы старше моего сына.

– Всё верно, Ваша Милость. Я старше Кристофера. С ним

все в порядке?

– К сожалению, нет! Он упал с крыши, пытаясь сбежать к Вам. Сейчас он в больнице. У него сильное воспаление легких, переломы и повторное сотрясение мозга.

Беата побелела. Элизабет продолжала.

– Нам понадобится увезти его в Швейцарию на лечение. Ему необходим горный воздух и лучшие специалисты. Не поймите меня неправильно, но к нашему нескорому возвращению из Европы я бы хотела, чтобы Вы поменяли квартиру или уехали из Лондона. Я ничего не имею против Вас лично. Просто поймите меня как мать. За последние полгода мой сын уже второй раз попадает в больницу с жуткими травмами. По этим причинам я не могу проникнуться к Вам любовью и доверием.

– Разве только по этим?

– О, Вы правы! Не хочу никого обидеть, но о русских дворянках, сбежавших от революции, идет определенная слава, которая не внушает никому из нашего окружения доверия. Я считаю, что мой сын заслуживает лучшей доли, чем Вы.

– Грубо, но я другого и не ожидала, ни от Вас, ни от кого-нибудь из Вашего круга общения.

Наступила пауза.

– Я понимаю, что переезд стоит денег, поэтому готова взять эти трудности на себя.

Леди Торн достала чековую книжку.

– А что будет со студией и с его картинами?

Леди Торн посмотрела на две картины, которые стояли на мольбертах. Увидев картину с изображением Беаты, Элизабет нахмурилась.

– Думаю, сохранить их будет неуместно.

Они обе замолчали. Беата думала. То, чего она боялась изначально, наконец-то ее настигло. Она и сама понимала, что впереди её ждет болезненное расставание с Кристофером по причине того, что ее не примут в его кругу, да она и не хочет никому ничего доказывать и чувствовать себя обязанной или униженной.

– Хорошо. Я перееду, но у меня будет к Вам два условия.

Беата говорила тихо. Она чувствовала, как волна дрожи накрывает ее, но она держалась изо всех сил, чтобы не показать это леди Торн.

– Первое – Вы отдадите картины мне. И второе – я очень надеюсь на Вашу порядочность. Мне не нужны Ваши деньги. Я в состоянии сама улаживать такие вопросы. Но я прошу Вас не врать Кристоферу и не говорить, что я отказалась от него из-за денег. Прошу Вас, не опошляйте наши с ним отношения. Пусть чувства наши оказались неуместны, но они были искренние.

– Хорошо! Я обещаю Вам, что Кристофер узнает правду о том, что Вы не стали брать деньги. И Вы можете забрать себе эти картины. Но давайте я уточню. Вы смените место жительства, так чтобы Кристофер Вас не нашел, и Вы сами не будете искать с ним встречи.

– Совершенно верно.

– Тогда мы с Вами договорились!

– Договорились.

Девушка положила на стол свой ключ от студии. В этот момент у Беаты в глазах стали проступать слезы. Она взяла два холста и поспешила удалиться из квартиры. Не забывая о манерах, у дверей она пожелала матери Кристофера всего хорошего.

Как Беата добралась до своего дома, она не помнила. Мир рухнул. Опять.

Ранним июльским утром в кабинет Джона Стенли пришел посетитель без предварительного звонка. Звали его Оуэн Райт.

– Доброе утро, мистер Стенли. Мне сообщили, что Вы собираетесь уехать в долгий отпуск, и я решил не откладывать наше знакомство. Я уверен, Вы знаете – кто я?

– Знаю.

– Это всегда очень интересно, как описывают тебя в свете. Большинство опираются на ассоциации других людей, хотя сами никогда с тобой не разговаривали даже. Очень забавно, как они добавляют от себя черты характера и додумывают твои поступки. Хотите узнать, что я узнал про Вас? Признаюсь, я очень люблю сплетни, в них много полезного можно узнать и о рассказываемом человеке и о рассказчике.

Джон сделал жест рукой, означающий «Валяйте».

– На данный момент Вы самая противоречивая и любопытная персона для всего высшего света. Вы успешны, очень умны, даже, наверное, талантливы, учитывая тот факт, с чего Вы вообще начинали. Да, о Вашем бандитском прошлом не забудут никогда. Сейчас это придает Вам опасного шарма и дает свои преимущества в политической карьере, ведь считается, что Вы как раз в курсе, как живут простые люди, и имеете право говорить от их имени. Вас побаиваются и уважают. О, это прекрасная оценка! Лично я считаю, что Вы относитесь к типу везунчиков, знаете, таких фартовых людей, которые врываются куда-то и меняют систему. Вы свежая кровь в высшем политическом кругу. И Ваш возраст – уже не молоды, но еще далеко не стары. А в парламенте полно старых мешков, которые кроме как заученных 30-40 лет назад речей, больше ничего не могут из себя выжать. Мы с Вами новая молодая кровь. Я бы сказал, ураганный ветер. Нам с Вами выпало снести всю рухлядь и построить новое общество Великобритании.

– Виски?

– Обязательно! Как Вы знаете, я будущий глава оппозиционной партии. И я хотел познакомиться лично. Не люблю переоценивать противников и недооценивать тоже.

Наступила пауза. Оба выпили виски.

– И вот еще любопытный момент. Вы считаетесь завидным холостяком. Светские дамы жаждут разгадать Вас, напускают на Вас таинственности и романтизма. И жажду эту

Вы утоляете крайне скудно, появляясь в свете редко и не уделяя ни одной из дам стоящего сплетен внимания. Трудно поверить, что можно так долго скорбеть об ушедшей жене.

– А что насчет Вас?

– Что именно?

Джонни с непроницаемым лицом выпил из своего стакана. Оуэн сделал то же самое.

– Вы планируете недолго скорбеть по возможному уходу Вашей жены?

– Это угроза или предсказание? – Оуэн улыбался. Видно было, что он очень доволен своим визитом и тем, что вывел Джона на разговор.

– Это просто фантазия. Насколько я знаю, Вы верный супруг, по своей воле или по воле Вашей супруги.

– Вы интересовались моими взаимоотношениями с женой. Я взволнован, но не удивлен. Что же еще Вам удалось узнать о ней и обо мне?

– Ваша жена, Элеонора Райт, под стать Вам. Хорошо образована для женщины. Прекрасно осведомлена о политических играх в Великобритании, Европе и Америке. Этакая молодая «леди Макбет» в масштабах современного общества. Она прекрасно дополняет Вас на светских приемах и деловых встречах. Все Ваши дела проходят ее одобрение. Теперь о Вас. Вы одаренный молодой мужчина, прекрасный политик и дипломат. Хотя в свете Вас скорее недолюбливают. Уж слишком амбициозны. Вы вероломны, умны и често-

любивы, и Вы не остановитесь ни перед чем для достижения своих целей.

– Все верно. Только Вы забыли сказать, что Элеонора еще чертовски хороша собой, – Оуэн улыбался широкой улыбкой. – Пожалуй, можно считать, что наше с Вами знакомство состоялось.

Несколько дней Кристофер находился в тяжелом состоянии. Из-за высокой температуры он провел несколько дней в бреду. Но потихоньку лекарства начали действовать. Когда родители пришли его навестить, Кристофер обратился к отцу с просьбой:

– Отец, дай мне денег.

– Зачем? Мы принесем всё, что ты скажешь.

– Я хочу передать записку Беате. Она с ума там сходит.

Они замялись.

– Беата..... она знает, что ты в больнице.

– Что? Она придет ко мне?

– Нет, милый, она не придет.

– Ты ее больше не увидишь. Мама встречалась с ней.

– Что?! Что ты ей сказала?

– Не кричи, тебе вредно кричать и нервничать. Температура опять поднимется. Я поговорила с ней, и она согласилась с тем, что она тебе не пара.

– Я тебе не верю!

Наступила пауза. Родители ерзали на стульях.

– Как ты могла? Как ты смогла вообще? Тебе мало, что я по твоей вине лежу сейчас в больнице, так ты еще решила и ее извести. Да что ты за человек такой? Я тебя совсем не знаю. Все эти жестокости ты прикрываешь материнской любовью. Да что ты знаешь о любви? Неужели если бы отец был не из знатного рода, ты бы не полюбила его? Я просто не могу смотреть на тебя. Меньше всего я ожидал, что именно вы двое причините мне столько страданий! Я не хочу вас видеть. Я не хочу вас слышать и говорить с вами. Вы хоть понимаете, что сломали жизнь двух счастливых людей!

С этими словами он закрыл глаза. В них стояли слезы.

Родители не знали, что сказать. В тот момент Кристофер достучался до них. Но этот эффект был недолгим. Очень быстро они начали себя оправдывать и верить в то, что сделали всё правильно.

Еще ослабленного и больного его перевезли в Швейцарию. Мать уговорила отца поехать с ними, так как очень боялась за Кристофера. После надлежащего лечения, оздоровительных процедур и по прошествии положенного для выздоровления времени ему стало легче. Легкие восстанавливались, нога заживала медленно. Постепенно он начал общаться с людьми и спустя необходимое ему время он начал потихоньку возвращаться к общению с отцом и матерью. Он для себя решил усиленно учиться, получить образование, устроиться на работу, но и, конечно, найти Беату через старика Веймина, как в прошлый раз.

Конечно, про Беату он не собирался забывать, но смена обстановки и круга знакомых, новая страна, новый опыт – всё это помогло ему немного отвлечься и почувствовать себя другим человеком.

Рабиб сразу всё понял. Хотя в этот раз Беата не старалась держаться. Разумеется, она не плакала при нем, но по ее опрокинутому лицу и стеклянному пустому взгляду было понятно, что сердце у девочки разбито.

– Я хочу тебе кое-что посоветовать – сказал, не выдержав, Рабиб. – Если внутри всё выжжено пожаром, надо найти себе дело, работу. Много работы. Я тебе говорю это не как твой начальник, а как человек, прошедший через пожар внутри. Я бежал на корабле в неизвестную страну, языка которой я не знал. Мне надо было выжить. Я работал и учился выживать на новом месте. И сейчас... Я хочу тебе кое-что показать.

Рабиб снимал помещение для жилья прямо над их конторой. Ливанец привел Беату к себе домой.

– Я еще никому это не показывал. Я думал раньше тебе показать, но ты влюбилась, и мне совсем не хотелось тебя отвлекать.

Рабиб отодвинул большую ширму, которая делила помещение чуть ли не пополам. А за ней стояли несколько манекенов с красивейшими платьями. Поодаль на комод и подобии стеллажа лежали разнообразные отрезки тканей и еще другие платья на вешалках, которые было не так хорошо вид-

но.

Платья были невероятной красоты. Интересный крой, яркие ткани, украшения из камней. И самое главное – они смотрелись легко и не громоздко. Казалось, что в них, помимо прочего, еще и удобно двигаться, и танцевать.

– Шитье женских платьев приносит мне истинное удовольствие. Тут даже есть два платья, на которые меня вдохновила ты.

Он указал на красное платье из струящегося шелка с голой спиной без рукавов, которое в принципе первым и бросилось в глаза. И другое – бежевое со светлой сеткой поверх. К сетке по всей юбочной части платья были прикреплены розово-сиреневые то ли бабочки, то ли цветы, также на юбке спереди имелся разрез чуть выше колена. А кристаллами была украшена верхняя часть платья.

– Они просто чудесные. Не верится, что твои руки на такое способны. Я никогда таких не видела. Почему ты не продаешь их?

– Я не знаю, с чего начать. Ты же знаешь, что богатые женщины без соответствующих рекомендаций ко мне не придут. Я разорюсь на аренде, если арендую магазин для продажи. Мне нужна персона, которая начнет носить мои платья в свете. Я думаю, что эта персона – ты.

– Я? Я сейчас еще дальше от высшего света, чем в период работы в Китайском квартале. Ты ошибаешься на мой счет.

– О нет! Я не ошибаюсь. Я хорошо вижу женщин. В тебе

чувствуется благородное происхождение. Ты за лохмотьями это не спрячешь. Ты обязательно найдешь свое место, а оно не здесь, оно там. Эти платья помогут тебе стать лучшей версией себя. Ты рождена для того, чтобы носить такие наряды. И ты увидишь, ты обязательно будешь носить мои платья. Я просто знаю, как будет.

– Спасибо, Рабиб. Ты хороший человек. От такой красоты и добрых слов у меня на время появилась надежда, что когда-нибудь у меня перестанет все болеть внутри. Спасибо!

– Ты еще удивишься, столько впереди тебя ждет счастья.

Несколькими днями позже вечером в дверь Беатиной квартиры постучали.

– Кто там?

– Я от старика Веймина.

Под дверь просунули записку.

«Сегодня у меня большой заказ для очень серьезных людей, а мое здоровье меня подвело. Я обращаюсь к тебе за помощью.

Веймин»

Беата быстро переделалась в свои серые штаны и кофту-кимоно и поспешила в закусочную.

– Добрый вечер! Что случилось, учитель?

– Надо доготовить и доставить 10 уток горячими в бар «Кабанья голова», он принадлежит Стенли. Мне нужно, чтобы ты помогла мне все приготовить, а потом на машине всё

им доставила.

– Я всё сделаю. А что с тобой?

– Кружится голова. Кислород не попадает в голову как раньше.

Когда всё было готово, Беата накрутила у себя на голове бледно-синий платок так, что он закрыл голову и лицо, оставив открытыми только глаза.

Зайдя в бар, она увидела большую компанию мужчин, человек 15. Девушка быстро поставила утки по одной на стол и уже собралась уходить.

– Стой-ка. Ты не старик Веймин. Ты кто такая?

– Я помогаю старику.

Мужчина стащил с ее головы платок.

– Глазастенькая. А откуда нам знать, что тебя не подослали к нам с отравленными утками?

– Я могу здесь и сейчас попробовать любой кусок от любой утки.

Несколько сидячих за столом мужчин уже распаковали уток и начали их нарезать на кусочки.

– Валяй! Попробуй от моей.

Беата поняла, что перед ней главный из этой компании. Скорее всего, это и есть Мэтью Стенли. Она подошла к столу, отрезала кусок утки и положила себе в рот.

– Вкусно! Только надо есть, пока она не остыла.

Беата собралась к выходу, но Мэтью вскочил и дернул ее за рукав.

– Оставайся с нами!

Беата попыталась высвободиться, но Мэтью держал ее сильно. И смотрел на нее пьяными сальными глазами.

– Нет, спасибо!

– Тебе не нравится наша компания? А у моего брата сегодня День рождения, правда, он уехал по делам и не почтил присутствием вечеринку в его честь.

– Я очень рада за него и за вас. Но мне пора.

Мэтью не отпускал ее.

– Я ведь могу не просить.

Беата начала сильно нервничать.

– Позовите себе на праздник специальных дам. Я уверена, они будут только рады.

– А ты, я так понимаю, не рада? Парни! Оказывается, она нам не рада!

Мэтью сжал ее руку еще сильнее и дернул сильно на себя. В этот момент тело Беаты само включило механизм самозащиты.

Она дала ему в шею, потом вывернула свою руку и освободилась от его захвата, потом подсечкой сбила его с ног и вывернула его руку назад в полете, пока он летел лицом к полу.

Парни не успели опомниться, как их босс оказался на полу с рукой, заведенной захватом назад. Наступила секунда шока у всех присутствующих. Затем парни потянулись за пистолетами.

Девушка отпустила руку Мэтью и сделала плавно шаг назад.

– Не стрелять в моем баре! – крикнул с пола Мэтью.

Беата начала медленно отходить к двери.

– Мне очень жаль. Я хотела просто доставить вам вашу еду.

Она подошла к двери и вышла из бара. На улице она обратилась в бег.

– Что будем делать с эти сраным китайцем и его помощницей? Они за ночь могут убежать из города.

– Спалим их закусочную.

– Нельзя! – сказал дядя Уильям. – Там полыхнет полквартала.

– Возьмем пулемет и расстреляем его забегаловку в щепки. – сказал Мэтью. – А сейчас надо есть утку, пока она не остыла, и выпить за брата!

Добежав до дома, Беата поняла, что произошло ужасное для нее событие, и в таких случаях надо собирать минимум вещей и бежать из города. Но у нее не было на это сил. Инстинкт самосохранения из-за разбитого сердца спал беспробудным сном. Она решила выпить чего-нибудь из крепкого алкоголя, чтобы хоть немного успокоить нервы и лечь спать. И подумать уже о своих дальнейших действиях отдохнувшей и успокоившейся. Разумеется, спала она беспокойно и поверхностно. Под утро она вспомнила про старика Веймина,

что за ее проступок ему тоже наверняка достанется.

Она решила надеть скромное платье. Ведь если ее убьют, ей бы все-таки хотелось умереть женщиной. Но был у такого решения и еще один повод – сегодня ее День рождения. 7 августа ей исполнилось 23. Еще месяц назад она думала, что встретит этот день совершенно по-другому. Собравшись, она побежала к Веймину.

Она издалека услышала выстрелы. Но постаралась бежать еще быстрее. Остановившись в нескольких метрах от стрелявшего мужчины с пулеметом, она заметила, как другой держит за рукав спокойно стоявшего и невредимого Веймина.

Мэтью повернулся к ней.

– Ооо! Наша помощница. А я думал, ты сбежала из города. Ты, похоже, тупая как пробка или смелая, но все равно тупая.

В том месте, где раньше была закусочная, весь первый этаж был будто порублен в щепки. Повсюду валялись осколки стекла.

– Ну что, старик, в следующий раз будешь лучше подбирать себе помощников. А что делать с тобой? Ты меня удивила и вчера, и сегодня. Посмотри, в платье стоит.

Мэтью был еще пьян. До утра с ним досидели двое молодых подельников, один из которых держал Веймина. Другой стоял просто поодаль и улыбался. Это был смуглый высокий и мускулистый парень не старше 25 лет, с очень красивыми

чертами лица. Звали его Калев.

– Ну, дорогуша, поскольку ты осталась без работы, я найду тебе работку, это в наказание за твой дрянной характер. Будешь убирать навоз на конюшне у дяди Уилла, пока я не скажу, что ты свободна. И это я еще добрый, в честь дня рождения брата. Можешь попрощаться со стариком и поехали к Уиллу.

Беата подбежала к Веймину.

– Прости меня, пожалуйста. Я не нашла вчера другого выхода.

– Ты не виновата. Мне не надо было просить тебя о помощи. Я знал, что нельзя тебя к ним отпускать. Ты молодец! Я очень-очень горд за тебя! И ты не убежала. Правильно. Нельзя все время убегать и прятаться.

– Куда ты теперь пойдешь? Возьми ключи от моей квартиры.

– Нет. Я уеду во Францию сегодня. Мне надо позаботиться о своем здоровье.

– Спасибо тебе за все, учитель! – она крепко обняла старика.

– Эй, помощница, давай, поехали!

– Пока, Веймин! Удачи тебе!

– И тебе. Она тебе очень нужна.

После того как Беата села в дорогую машину на заднее сидение вместе с Мэтью, Калев захлопнул дверь, обошел машину и сел за руль. У Беаты была надежда на то, что из всех

троих он пьян меньше всего. Также ее не покидала тревога, что они ее изнасилуют по дороге или по приезду. В голове она прокручивала варианты, чем из подручных предметов можно воспользоваться во избежание этого события. Чем больше она думала, тем больше адреналина вырабатывал ее организм. И к концу поездки она была уже готова перебить их всех на хрен, если только дернутся.

Уильям Стенли жил за городом. Доехали они достаточно спокойно, и, выйдя из машины, Мэтью закричал:

– Уилл! Уильям! Ты спишь, что ли?!

Мэтью зашел в самый приличный дом из всех. Жилье Уильяма Стенли представляло собой большой участок земли, на котором можно было кататься на лошадях, и комплекса зданий в виде буквы П. Слева строения напоминали скорее амбары и склады, куда иногда поставляли алкоголь, оружие и продукты для последующей отправки в Бар или еще куда понадобится. Посередине стоял двухэтажный дом, куда зашел Мэтью. Справа были конюшни и еще один дом, такой же скромный, как основной. Племянники предлагали построить или купить дом пошикарнее. Но дядя Уильям был человек старой закалки. Он организовал всё по своему удобству, и красота не имела никакого значения. А деньги он скорее потратил бы на новую лошадь.

Через несколько минут из дома вышли очень недовольный Уильям Стенли и Мэтью.

– Ты совсем ебнулся, что ли? На хера она мне здесь сда-

лась? У меня есть кому убирать навоз. Бешеной бабы мне здесь не хватало.

– Ну, а как я ее накажу? Навоз в больших количествах есть только у тебя. Ну, хочешь, застрели ее тогда прямо здесь?

Уильям оглядел ее.

– Ладно, посмотрим. Пусть остается. Ее навыки могут нам пригодиться. Ишь ты, в платье приехала. Джимми! Покажи ей, где конюшня и лопаты. Да, и освободи ей комнаты в старом доме с кухней.

Беата побрела за разнорабочим дяди Уильяма Джимми.

– Ты глянь! Не убежала! А что с закуской?

– Расстреляли в труху. Её даже искать не пришлось, сама прибежала на выстрелы. Кто она, интересно, такая? Драться, похоже, умеет профессионально. И внешне не уродина совсем.

– А по мне она весьма хороша собой! Я с ней провел ночь или две. И темперамент, похоже, горячий, – сказал Каллеб со знанием дела.

– Ладно, проваливайте отсюда. Я спать хочу, – распрощался с остальными дядя Уильям и пошел в сторону своего дома.

У Уильяма в конюшне было семь лошадей. Пять принадлежали ему, среди них был черный, не поддающийся тренировкам, своенравный вороной арабский скакун. Уильям назвал его Черным Говнюком за то, что он не дал ему себя объездить. И две другие лошади принадлежали Джону и его

сынишке Адаму. Адама часто привозили к дяде Уилу пока- таться на своей лошадке. Общение с животными помогает забыть на время свои беды и немного залечить душевные ра- ны. Возможно, общение с лошадьми поможет и Беате.

Днем того же дня Беата заметила, что Джимми выбегает из дома Уильяма и бежит к ней.

– Уильяму плохо! Только он сильно орет.

Беата вошла в дом. Там было достаточно чисто, но неопрятно.

– Мистер Стенли!

– Убирайся!

– Джимми сказал, Вам плохо.

Она пришла в спальню на его голос. На кровати лежал свернувшийся калачиком Уильям.

– Джимми идиот, разве ты не заметила? И я сказал тебе убираться!

– Похоже, Вам плохо. Я велю позвать врача.

– Подожди. Дай мне ведро. Меня сейчас вывернет.

Беата быстро принесла посудину, похожую на таз, и Уильям сделал все, как и говорил.

Беата побежала к Джиму и велела мчаться в город за доктором. Сама она вернулась к Уильяму.

Через полтора часа прибыл врач. Беата стояла под дверью. Чуть позже врач позвал Беату.

– У него приступ панкреатита. Он ел жирное накануне и пил алкоголь?

– Да, он ел утку по-пекински и, скорее всего,пил много виски.

– Это и спровоцировало приступ. Ему нужны будут вот эти лекарства. – Доктор протянул ей рецепт. – Принимать не меньше месяца. Никакого алкоголя и придерживаться диеты. Я напишу Вам. Вы будете ему готовить? Вы или кухарка?

– У меня нет кухарки. Она мне не нужна. – Уильям не сдавал позиции и прекращать ворчать не собирался. – И я не буду питаться как больной.

– Тогда попадете в больницу. То, что у Вас, это очень серьезно. Чтобы прошла эта опоясывающая боль, придется временно побыть больным.

– Я буду готовить ему, – сказала Беата. – Буду готовить себе и ему то же самое. Составлю ему компанию, чтобы не так обидно было.

– Вы уверены? Диета – это обычно не самая вкусная еда.

– Ничего. Я все равно не чувствую вкус еды с недавних пор.

– А что с Вами? Нервное или повредили язык? Давайте я осматрю Вас.

– Доктор, давайте сначала его вылечим, а потом я приду к Вам за лекарствами от нервов.

Доктор оставил все инструкции Беате.

– Вы не хотите заплатить доктору? – обратилась она к Уильяму.

– Ты его вызывала, ты и плати! Я не верю докторам. Мне

он не был нужен.

– И укол обезболивающий тоже был не нужен? Хорошо, я сама заплачу. Нет сил с Вами спорить сегодня. Мне еще надо лекарства купить.

– Ты мне не нравишься! – крикнул он ей вслед.

По какой-то необъяснимой причине грубость Уильяма Беату не злила и даже ужаса не внушала. Она понимала, что его беспомощность из-за болезни сильно его пугает и злит. И чтобы об этом никто не догадался, она пыталась напустить страху своими грубыми высказываниями. Станным образом такое ворчащее поведение находило в душе Беаты больший отклик, чем равнодушное воспитанное дружелюбие. После того, как она прожила два года с Веймином, она научилась умиляться ворчливым и капризным старикам. Защитная реакция людей, которые выпускают свои колючки при общении, чтобы их оставили в покое или обходили стороной, импонировала ей. И Беата знала, что если она оставит Уила в покое, то он себя угробит, поэтому приготовилась долго бодаться с ним.

Спустя полчаса Беата отправилась в город за своими вещами и лекарствами для Уильяма. На обратном пути таксист белел и краснел поочередно, когда узнал, куда ее надо отвезти.

Спустя неделю правильного питания и приема лекарств Уильяму стало намного легче, и он сменил гнев на милость в общении с Беатой.

Беата сама от себя не ожидала, как быстро она освоится на новом месте. Спустя две недели она полностью забрала свои вещи из квартиры, которую снимала, и переехала в старый дом Уильяма Стэнли. По дороге обратно она заехала к Рабибу, чтобы извиниться перед ним, что она так неожиданно пропала. Рабиб понял, что она попала в неприятную историю, про которую не хочет ему рассказывать ради его же безопасности и спокойствия. Он предложил ей помощь. Она отказалась. На прощание он сказал ей, что даже если появится возможность, то красное шелковое платье, которое он сшил для нее, он не продаст и будет ждать ее возвращения за ним. Они простились по-хорошему.

Помимо Джима, у Уила в подчинении было ещё по 2-3 вооружённых охранника, которые сменялись и занимались только тем, что сторожили склады слева. С Джимом она быстро подружилась на фоне их общей травли со стороны разболевшегося Уила. А с охранниками она почти не пересекалась и не общалась. С кем она действительно общалась – это лошади. Особенно ее привлекал Черный Говнюк. Его стойло находилось в самом конце конюшни. Джимми редко выпускал его побегать по загону и очень плохо за ним следил, так как Говнюк кусал его почти каждый раз, когда Джиму приходилось приближаться к нему.

Для начала Беата решила прикормить Говнюка и стала носить ему в стойло яблоки. Стала выпускать его побегать в загоне также часто, как и всех остальных лошадей. Тщательно

убиралась в его стойле и после этого уверенно, не дрогнув, даже если у Говнюка были опущены уши, загоняла его обратно вместе со всеми. Откуда у нее были такие познания в лошадях, она не помнила. Было ощущение, что она родилась с этими знаниями и навыками.

Спустя три недели Беата начала приносить Говнюку сахарок и накидывать на него после этого одеяло. Так продолжалось некоторое время, пока Беата не начала заменять одеяло седлом. Почти полтора месяца у Беаты ушло на то, чтобы Говнюк позволил ей на себе прокатиться. Удивлению Уильяма и Джима не было предела – на этой вороной бестии, оказывается, можно совершать прогулки.

Один раз, еще до того, как Беате удалось оседлать Говнюка, а Уильям почти выздоровел, к нему в гости привезли Адама Стенли. Это был очень милый, но молчаливый мальчик с серо-голубыми глазами и кудрявыми светлыми волосами. Он очень удивился, встретив у конюшни Беату. Они поздоровались друг с другом, и он побежал к своей лошадке.

Беата решила побаловать Уила и мальчика и пошла печь песочный пирог с яблоками и безе.

Когда все сели обедать, то Адам прямо-таки светился от счастья. Стол стоял на улице у старого дома, чтобы можно было донести еду с кухни и она не успела остыть. Для удобства Джимми надстроил шатер над столом, который укрывал от дождя и листьев. Уильям любил принимать пищу непременно в компании, хотя это не значило, что за столом он не

ворчал на окружающих.

– Я уже давно не ел за столом, за которым собиралось больше двух человек – я и мой гувернер.

– Я надеюсь, ты любишь яблочный пирог?

– Да, мне кажется, люблю! Но больше я люблю шоколадный торт, – сообщил Адам.

После обеда Адам сел на бревно у дерева и начал ковырять кору. Отрывая ее, он стал кидать кусочки перед собой.

– Можно, я к тебе подсяду?

– Давай! Тебя Беата зовут. Ты русская. Мне Джим сказал.

– А ты Адам. Почему ты обедаешь только с гувернером?

– Моя мама умерла давно, а папы постоянно нет дома.

У него нет времени на меня. Ни времени, ни желания. Мне иногда кажется, что я ему мешаю или я в чем-то виноват. Когда мама была жива, он меня любил. А как ее не стало – перестал.

– Может, он перестал любить не только тебя, но и весь мир без твоей мамы.

– Очень на это похоже. Он не улыбается и не отмечает праздники.

– Складывается впечатление, что ты потерял сразу обоих родителей.

– Так и есть.

– Я не могу тебя утешить, но у меня тоже нет ни мамы, ни папы. И нет ни брата, ни сестры. Так что я знаю, как это, когда у тебя никого нет.

– У меня тоже нет братьев и сестер.

– Я это поняла, раз ты обедаешь вдвоем с гувернером.

– А сколько лет тебе было, когда не стало родителей?

– 16.

– А сейчас сколько тебе?

– 23.

– Значит, ты уже 7 лет совсем одна.

– Боже! Я не думала, что уже так много лет прошло. А сколько лет ты один?

– Почти 5 лет.

– Половину твоей жизни почти. Это очень много.

– Мне нравится, как ты считаешь.

– А ты любишь математику?

– Да, она мне больше всего нравится.

– Можешь умножить в голове 55 на 19?

– Нет! Это очень трудно. Я могу на 10 умножить или на 20.

– Умножь 55 на 20.

– Так, это будет 110 и 0. Тысяча сто.

– Отлично! А теперь вычти из 1100 55.

– А почему 55?

– А потому что, если ты вычтешь 55 из числа, которое ты сейчас умножил на 20, то получится, что ты его умножил не на 20, а на 19.

– Я понял! 55 умножить на 11 это значит умножить на 10 и прибавить к этому 55. 605!

– Ты очень умный парень!

Уезжая вечером домой, Адам рассказал дедушке Уильяму, что через неделю он приедет к нему в гости и после прогулки на лошадях поедет с Беатой на ярмарку. Беата подтвердила, что они уже договорились между собой и нужно только одобрение Уила. Уильяму ничего не оставалось, как согласиться, учитывая то, что он был только рад, если кто-то составит парню компанию и отвезет его повеселиться. Но было выдвинуто одно условие – они поедут с охраной. Потому что сын Джона Стенли один на ярмарке – это неблагоприятно.

После ярмарки Адам и Беата вернулись уже настоящими друзьями. На первый взгляд, все прошло отлично, и охрана была не нужна, но кто знает, что бы случилось, гуляй они по ярмарке одни. Дядя Уильям сам не мог скрыть улыбку, видя, какой счастливый и болтливый вернулся внучатый племянник. И, разумеется, Беата испекла ребенку шоколадный торт. Она очень старалась, ей нравился этот ребенок. В заботе о детях и животных забываются любые невзгоды. Заботясь о ком-то, проще всего наполнить свою жизнь смыслом. Но уже начался учебный год. А это значило, что Адам будет приезжать крайне редко.

В конце сентября стояла на удивление теплая погода. Беата совершала прогулку на Говнюке по окрестностям. Услышав звук приближающегося автомобиля, девушка немного свернула с дороги для того, чтобы пропустить автомобиль, и

остановила коня. Автомобиль остановился, немного проехав мимо них. Из нового Роллс-ройса вышел тридцатитрехлетний мужчина со слегка посеребрёнными сединами висками, в дорогом костюме и пальто.

– Чья это лошадь?

У Беаты в этот день было дурное настроение, причиной чего был обычный предменструальный синдром. Хотелось причинять людям боль, а потом плакать от того, что все не так и вообще устала.

– Для начала – добрый день!

Джонни вздохнул. Ему было не очень приятно, хотя он и осознавал, что манеры украшают человека в любых обстоятельствах.

– Добрый день, мисс!

– Представьте, пожалуйста.

– Джон Стенли!

– Оу! Это лошадь мистера Стенли.

– Простите, мисс, но этого коня зовут Черный Говнюк?

– Да! Именно! Это Говнюк.

– А Вы кто будете, мисс? Вы случайно не моя новая те-тушка?

По лицу Джона можно было прочесть любопытство.

– Я работаю на мистера Стенли.

– Как зовут тебя? Представьте, пожалуйста! – передразнил он девушку.

– А я не хочу Вам представляться, мистер Джон Стенли.

С этими словами она нахмурилась, развернула лошадь и поехала к конюшне через поле в обратном направлении.

Джон Стенли наконец-то завершил свою вендетту и возвращался домой спустя почти два месяца. Его дорога вела мимо дома дяди Уильяма, и он решил заехать, передохнуть и разузнать, как продвигаются дела за время его отсутствия.

Дядя Уилл был просто счастлив видеть Джона. Он его крепко обнял и начал суетиться.

– Сейчас подъедет Беата и накормит тебя с дороги. Она, кстати, вкусно готовит запечённое мясо, сегодня как раз оно. Я слишком долго держался и сегодня могу позволить себе выпить виски с тобой!

– Значит, ее зовут Беата. Я встретил ее на проселочной дороге. Она ехала на Говнюке. Я глазам своим не поверил.

– Да, ты представляешь – она его объездила!

– Давно она живет у тебя? И что она вообще здесь делает? Она твоя невеста, старый ты развратник? И почему ты долго держался, чтобы не пить виски?

– Она у меня живет с твоего дня рождения. На нем мы и познакомились, – Уильям засмеялся. – Мэтью пытался к ней приставать, а она опрокинула его на пол и вывернула руку. В наказание за это Мэтью расстрелял в труху закусочную, в которой она работала. Мы думали, что она сбежит из города, но она не сбежала, и тогда Мэтью привез ее ко мне на конюшню навоз убирать.

Джонни развеселился.

– Значит, Мэтью с ней в итоге не справился? Я вас больше не оставлю одних, а то вы уже и с бабами справиться не можете.

– С бабами нет. Эта баба владеет Кунг-фу. Я думаю, она сможет нам пригодиться. По ней не скажешь. Красотка, если приодеть, а навалять она может по высшему разряду. Этаким неприятный сюрприз.

К конюшне подъехала Беата.

– А вот и она. Беата! Накрывай на стол! Ко мне дорогой племянник приехал! Пойдем к столу.

– Странная история. А откуда она вообще взялась?

– Она работала в закусочной, где готовят уток по-пекински. Мы их заказали на праздник в честь твоего дня рождения. И она доставила наш заказ в бар «Кабанья голова». Я знаю, что она из России, бежала от революции, а родители остались там и погибли. Но она не полностью русская, у нее родня в Испании.

– Обычно русские, сбежавшие от революции, ведут себя иначе. Я таких дюжину видел. И больно она не простая. Я наведу о ней справки. Ты не думал, может, она специально к нам попала?

– Да нет, ты что?! Мэтью ее застрелить мог в любой момент.

В этот момент к столу подошла Беата в фартуке, из кармана которого торчали приборы. В руках у нее было две больших тарелки с томленной в собственном соку нежнейшей го-

вядиной, запечённой картошкой и укропом.

– Принеси нам еще бутылку виски. Сегодня можно.

Беата строго посмотрела на Уила. Тот отвел глаза.

Через 3 минуты на столе уже стояли стаканы и бутылка дорогого виски. Еда была вкусная, и Уильям гордился этим как своим достижением. После того как все было съедено и выпито пару стаканов, Джон позвал Беату.

– Садись. Зачем ты здесь?

– Я отбываю наказание за свою выходку в адрес Мэтью Стенли.

– Так. А может, ты хочешь поближе подобраться к этой семье?

– По-моему, находясь в конюшне, это максимально неудобно. Если бы я хотела подобраться поближе, то можно было в самый первый вечер подлечь под Мэтью.

– Логично.

– Я могу идти?

– А почему ты хочешь уйти?

– Потому что я хочу принести грушевый пирог и чай. А еще потому, что не хочу услышать лишнего из вашей беседы. Мне кажется, весьма уместно уйти, если двое мужчин выпивают, а ты с ними пить не собираешься.

Беата цепляла Джона своей холодной и сдержанной манерой общения.

– Чувствуется, что она из благородной семьи. Ее манера общения и стать...

– Да ну тебя! Неужели ты заинтересовался ею? А я думаю, откуда столько вопросов! – старина Уил повеселел еще больше и не только от виски.

Джон одарил его своим фирменным скептическим взглядом.

– Она беззлобна, даже Говнюк это почувствовал. Видел, как лихо она держится на нем в седле? А мне он так и не даётся. Она выходила меня. Меня тут недуг прихватил, думал, кони двину. А она ухаживала за мной. Зачем ей это надо было? Умер бы, ей, поди, легче было бы. Или ну корчится там бандюга, так ему и надо. А она нет! Еду мне специальную готовить стала. А еще она с Адамом подружилась. Он говорит, научила его легко умножать в голове. И под охраной я их отпустил на ярмарку развеяться. Я его таким счастливым уже и не помню, когда в последний раз видел. Ему не хватает тебя, зря ты мальчика так забросил.

Джон слушал молча, курил и попивал виски.

Вскоре к столу подошла Беата с грушевым пирогом. И чашкой чая для Уила.

Когда Беата расстилала Джону кровать в одной из спален большого дома, к дверному проему подошел и остановился пьяный и уставший Джонни. Он с умилением, которое уже давно ни к кому не испытывал, смотрел на Беату.

– Ты не бойся. Тебя тут никто не тронет.

Возможно, он хотел сказать нечто иное или совершенно

иное, но получилось, как получилось. Он выразил свои добрые намерения как смог.

– Доброй ночи, мистер Стенли.

– Доброй ночи, мисс.

Утром без завтрака Джон засобирался домой к сыну. На прощание он сказал Уилу при Беате:

– Завтра я хочу собрать у тебя всю семью и посидеть за столом, отметить мое возвращение. Беата, приготовь, пожалуйста, на пять персон и одного ребенка.

Беата очень обрадовалась, ведь это значило, что приедет Адам, а она очень хотела похвастаться ему тем, что она приручила Говнюка. Надо было начинать готовить шоколадный торт.

К семейному торжеству было всё готово: запечённая курица в сладких специях, томленая говядина с зеленью, запечённый картофель с розмарином, фаршированные перцы, салат из запечённых овощей, салат с сыром и ананасами, бутерброды с прошутто и, конечно же, шоколадный торт.

Мэтью привез Джона, Адама и Шарлотту. Все были веселые и предвкушали, что будет замечательный день.

К Беате подошла Шарлотта и протянула руку для знакомства.

– Добрый день! Давно хотела с тобой познакомиться. Я очень рада, что ты дала Мэтью отпор, ему давно пора было схлопотать по щам за свое отношение к женщинам.

– Беата! Добрый день! – Она пожала Шарлотте руку, и они

обменялись друг с другом дружелюбными улыбками.

– Адам всю дорогу в машине рассказывал, как весело вы съездили на ярмарку. Спасибо тебе. Мне теперь стыдно, что я сама не догадалась отвезти его повеселиться. Чем ты занималась до того, как попала к дяде Уильяму?

– Я работала в одной компании, которая занимается текстильной продукцией. У меня есть бухгалтерское и экономическое образование.

В это время на Беату налетел Адам и обнял её.

– Привет! Ты приготовила шоколадный торт?

– Конечно, приготовила! Пойдем, я хочу тебе кое-что показать. – И она за руку потащила его в конюшню, чтобы продемонстрировать в загоне, как она приручила строптивного Говнюка. Адам был в восторге, смотрел на нее как на героя!

Спустя полчаса Беата начала накрывать на стол. Все расселись по своим местам. Одно место пустовало. Она расставила бутылки и блюда с едой и собралась уходить. Но Джон, сидевший во главе стола, находящейся дальше от входа в кухню, обратился к Беате:

– Присаживайся с нами. Шарлотте и Адаму будет с кем пообщаться.

– Спасибо! Я пойду немного переоденусь.

Она сменила брюки на длинную юбку оливкового цвета, а свитер на молочного цвета рубашку. Расчесала волосы и поспешила к столу. Говоря по правде, она была этому очень рада. Она с детства очень любила праздники и семейные обеды

и ей этого безумно не хватало.

Беата сидела с краю рядом с Адамом и напротив Шарлотты. Они разболтались с Шарлоттой о моде и одежде. Адам уплетал картофель. Девушки пили белое вино, мужчины виски, Адам яблочный сок.

– Девушкам только дай волю, они весь день будут о шмотках разговаривать, – усмехнулся Мэтью.

– А о чем ты, брат, предлагаешь нам общаться? О политике, погоде, работе?

– Да уж, с ней о работе не очень интересно разговаривать. – Мэтью засмеялся. – Но готовит она вкусно. Тут ничего сказать не могу.

– У Беаты, между прочим, есть образование. Она может работать в экономической сфере и вести бухгалтерию, – вступилась за нее Шарлотта.

– Ну и как сильно оно помогает ей на конюшне убираться? У меня вот нет образования, но я езжу на Роллс-ройсе.

– А еще она хорошо знает математику и быстро умножает в уме двузначные цифры, – не выдержал и вступился Адам.

– Давайте выпьем за возвращение Джона! Впервые за несколько лет мы вот так сидим за столом и улыбаемся, – дядя Уил решил оборвать этот разговор, предложив тост.

Все подняли бокалы и выпили.

В это время на задний двор к столу начала двигаться компания из восьми человек. Все они были вооружены пистолетами, которые наставили на сидящих за столом. У одного из

них в руках был пулемет.

– Вы можете пока оставаться на своих местах, но ваше оружие придется кинуть на землю нам под ноги. Давайте не будем медлить, но и дергаться не советую. Ваши занятные охранники лежат с перерезанными глотками. Так что надеяться на них не стоит, – сказал один из них, шедший впереди остальных с пистолетом. – Ваше время пришло, Стенли.

Стенли сбросили свои револьверы на землю и сидели молча.

– А если здесь есть не Стенли? – начала Беата. – Нам можно уйти?

– А кто здесь не Стенли?

– Я и мой брат, – она показала на Адама и привстала из-за стола.

– Я думаю, да.

Беата потянула Адама из-за стола за рукав. И прошептала ему на ухо: «Слушай только меня. Если крикну, прыгай под стол». Адам был в шоке от страха.

Беата уже миновала стол, как вдруг к ней подошел главный, который говорил и шел впереди.

– Ты точно не Стенли. Но ты меня обманула. Этот мальчик не твой брат. Как думаешь, я накажу тебя за ложь? – и он поставил свой пистолет напротив ее лба.

Беата начала просить не убивать ее и начала притворяться, как будто бы плачет.

Главный, усмехаясь, повернул голову к поделщикам:

– Она питит как мышка.

В это время Беата резко отклонила голову и схватила его за руку двумя своими руками. В этот момент она крикнула: «Под стол!». Когда главный повернул к ней голову, она уже овладела пистолетом вместе с его рукой, подставила ствол к его подбородку снизу и выстрелила вверх, прострелив голову. Потом она перехватила его труп и прикрылась им как щитом, держа его левой рукой, а правой направив пистолет в сторону человека с пулеметом. Она быстро выпустила еще три патрона, два из которых попали ему в голову, и он повалился на землю. В это время компаньоны убитых начали стрелять в Беату, попадая в труп своего предводителя. Труп потихоньку начал выскальзывать и заваливаться набок. Беата перестала отстреливаться и начала падать на землю вместе с телом, до конца прикрываясь им.

В это время послышалась пулеметная очередь. Мэтью быстро среагировал, когда Беата подстрелила мужика с пулеметом, и пополз к нему. Также прикрывшись его трупом, Мэтью развернул пулемет и начал расстреливать людей, пришедших убить его и его семью. Много времени ему не потребовалось, чтобы положить замятку всех.

Шарлотта тоже успела спрятаться под стол и прижимала к себе Адама, закрывая ему уши. Уильям и Джон просто присели на землю у стола.

Старшие Стенли поднялись и осмотрелись. Мэтью не выпускал пулемет из рук.

– Ну, охуеть! Я уже не думал, что выкрутимся! – выпалил он. – Ну, баба! Не зря... Не зря мы ее оставили! – он подошел к Уильяму и уперся своим лбом в его лоб. – Старина Уил!

Джон заглянул под стол.

– Иди ко мне, – сказал он сыну. И когда Адам вылез из-под стола, Джон обнял его и поднял. Адам вцепился в него, обнимая его руками и ногами, и начал плакать, уткнувшись отцу в плечо. Джон в это время смотрел на поднимающуюся с земли Беату, всю перепачканную кровью главного из погибшей компании.

Шарлотта, пребывавшая в глубоком шоке, тоже вылезла из-под стола и села на свой стул. Мэтью и Уильям взяли оружие и пошли посмотреть, нет ли кого ещё на переднем дворе.

Беата пошла в дом для того, чтобы отмыть лицо и руки. Сняв с себя одежду и умывшись, Беата молча сползла на пол в ванной комнате и обняла свои ноги, как на картине, которую рисовал Кристофер.

В голове у нее крутилось много мыслей. Она не чувствовала сожаления, жалости или какой-либо боли. Не чувствовала стыда или страха перед Богом. И даже ругала себя за это. «Неужели это такой защитный механизм?» Она считала, что ей должно быть очень жалко и совестно, что она убила людей. Еще она думала, что неужели это и есть то самое предсказание цыганки. И что ей теперь можно будет расслабиться. Но она почему-то совсем не хотела расслабляться. Она хотела заново начать тренироваться, чтобы всегда быть

начеку. «Неужели она увидела это как мой дом, а этих людей как мою семью? Да нет, не может быть. Хотя предсказания всегда являются чем-то скорее абстрактным».

В дом вошел Джон. Беата от шокового состояния совсем не подумала, что ей надо закрываться. Джон присел на корточки рядом с ней.

– Не вини себя. Они не оставили тебе выбора.

Они оба молчали. Джон поднялся.

– Спасибо, что хотела спасти Адама. Я ценю это.

Он немного помялся. Беата молчала и не поднимала глаз на него. Джон вышел из ванной и закрыл за собой дверь. После этого Беата поднялась и поняла, что ей надо бы одеться. Ее начало сильно знобить, и дело не в том, что она сидела на холодном полу в одном нижнем белье. Ее колотила настоящая нервная лихорадка.

После того как Беата оделась и накинула на себя одеяло, в дом ворвался Уильям со стаканом виски.

– На. Выпей, милая.

Похоже, Уильям действительно переживал за нее. Это было заметно даже по его интонации.

– В жизни так бывает.

Беата выпила махом весь стакан. Ей обожгло все горло, но в тот момент испытать небольшую боль ей было даже приятно. Вскоре виски начал действовать. Она начала выходить из ступора и понемногу согреваться. До утра Беата не выходила из дома. Она проспала и вечер, и ночь. Отключилась и не

видела снов. Ее мозг требовал абсолютного покоя и отдыха.

Пока она спала, приехали ребята, работающие на Стенли. Они убрали трупы и увезли их в лес, чтобы закопать.

Стенли этим вечером решили не разъезжаться по домам, а остаться у дяди Уила под усиленной охраной.

Ночью старшие Стенли, за исключением Шарлотты, сидели за столом и строили догадки. От кого были эти залетные убийцы? И кто знал, что вся семья соберется на заднем дворе у дяди Уила? В предательстве подозревали двоих, которые владели этой информацией. Один из них, как выяснилось позже, уже сбежал с семьей из города. Его поисками Мэтью займется позже. Они еще долго курили и пили виски. Под утро к ним пришёл Калев, сел с ними за стол выпить и доложил, что они все подчистили. Карманы у этих ребят были пустые. Так что понять, кем являлись эти покойники и от чьего имени действовали, им не удалось. Они пришли хорошо подготовленные. Узнать об этом предстояло, только поймав предателя-беглеца. Он был одним из охранников складов Уила.

Шарлотта тоже долго не могла уснуть и успокоиться. Она часто слышала выстрелы в юности, но не так близко. И еще никогда ей не приходилось прятаться от пуль. Братья всегда ее тщательно оберегали от своих дел и проблем.

Но Шарлотта переживала не из-за этого. Она выглядела вполне хорошо. Стройная, с достаточно милым и располагающим лицом. Как двойняшка Джонни, она была схожа с

ним, но тем не менее сохранила свою изюминку. У нее были очень грустные серые глаза. Она всегда жила в тени авторитета своих братьев. В юности за ней ухаживал друг детства, которого тоже звали Джон, как и брата. Он не боялся ее братьев, и они доверяли ему сестру. Но в то время, когда произошла большая разборка бандитских авторитетов и Ульям с братьями кровью выбивали себе место в новом бандитском мире, в одной из перестрелок был насмерть ранен Шарлоттин Джон. Она заиклилась на этом горе. Наверное, такая черта у этих двойняшек Стенли.

Прошли годы, а Шарлотта так и не начала жить. Ей было удобно под крылом у братьев. Она отвыкла планировать и вообще спрашивать себя, что она сама хочет. Единственный выбор, который она совершала, так это выбор одежды. Она, как и брат, сильно тяготела к дорогой одежде и обуви.

И вот сейчас, лежа в кровати, ее не отпускала мысль, что сегодня могла закончиться ее жизнь. Ей 33 года. А она как будто провела все эти годы во сне и только сегодня проснулась. Ей захотелось чувствовать любовь, страсть, нежность. Захотелось поездок и приключений. Итог, с которым она могла окончить свою жизнь, ее не устраивал.

После своего возвращения Джон стал гораздо реже ходить к проституткам. И даже полностью поменял свои предпочтения. Он нашел себе дорогую русскую проститутку, и во время секса с ней, находясь в позе позади нее, он случайно на-

звал ее «Беатой».

– Я Анастасия.

– Помолчи, пожалуйста, – сказал он, не прерываясь в процессе.

Неделю спустя Джон приехал к дяде Уильяму. Но прямым ходом отправился на конюшню. Разговор у него был к Беате.

– Привет!

– Добрый день, мистер Стенли!

– Ты как?

– Я в порядке, – это было не совсем верно.

– Слушай, мой бухгалтер давно просится в отпуск. Ей надо поехать полечиться в Европу, на месяц, может больше. Я хочу, чтобы на время отпуска ты заменила её в конторе.

– Я не уверена, что Вам нужна именно я. Мой опыт вряд ли сопоставим с такого рода обязанностями.

– Ну, я думаю, ты справишься. Работа в конторе давно отлажена. От тебя потребуется внимание и аккуратность.

– А я могу отказаться?

– Нет. Смотри, после того как отработаешь в конторе, я освобожу тебя от твоего наказания. Ты станешь опять свободной и сможешь вернуться к своей обычной жизни.

– Уильям в курсе?

– Пока нет.

– Ему нужно будет срочно найти кухарку. Иначе он угробит себя.

– Я распоряжусь, и к завтрашнему дню будет у него кухар-

ка. Так что собирайся! Надо тебя проверить. Неделю будешь принимать дела у Лили Тейлор. Это мой бухгалтер.

– Вас не затруднит меня немного подождать? Мне надо принять ванну, чтобы отмыться от запаха навоза. Думаю, пахнуть навозом в Вашей конторе неприемлемо.

– Разумеется, я подожду тебя. Пойду, переговорю с Уиллом.

Уильям совсем не оценил эту затею.

– Джонни, я тебя хорошо знаю. Я же понимаю, что дело не в бухгалтерии. Я хорошо понимаю, что ты задумал. Но, боюсь, у тебя не получится ее не обидеть. Она не похожа на других женщин. И твои обычные подкаты только приведут к тому, что ты обязательно обидишь её за несговорчивость. А ведь она и треснуть может, и убить. Сам видел.

– Успокойся, старина Уил. Во-первых, мне действительно нужен бухгалтер. А во-вторых, я знаю, что она не такая как все. Ты себе лишнего надумал.

Уильям только покачал головой. Все-таки Джонни уже давно был главный у них благодаря своим связям и уму. Джон докурил и выбросил сигарету, загадочная улыбка притаилась на его лице. Он действительно не мог найти замену на место Лили Тейлор, но он мог и не отпускать ее никуда, и не придумывать весь этот план, связанный с Беатой.

Спустя два часа на крыльцо старого дома вышла Беата. Впервые, почти за три месяца, она нанесла макияж, воспользовалась парфюмом и надела каблуки. Для поездки в конто-

ру Стенли корпарейтед она выбрала облегающее вишневое платье ниже колен, с широким воланом внизу юбки из того же материала и длинными рукавами и черные лаковые туфли на высоком каблуке. Волосы она аккуратно уложила волнами и заколола их красивой заколкой с правой стороны. В руках у нее был темно-бежевый плащ и дорогой кожаный саквояж. Также она надела на себя дорогие часы с бриллиантами и золотые серьги с бриллиантами и агатом, оставшиеся ей от матери, в шкатулке, которую та дала ей в ту страшную ночь.

Она действительно выглядела идеально. Красиво, дорого и со вкусом.

Можно смело сказать, что ее появление в новом образе произвело максимальное впечатление на дядю Уильяма и Джона.

– Уильям, я Вас очень прошу, не забывайте следить за собой и кушать вовремя. Я оставила обед на плите. Поухаживайте, пожалуйста, сегодня за собой сами.

Джон открыл пассажирскую дверь своего автомобиля для Беаты. Она села в машину. Джон захлопнул за ней дверь, а сам пошел и сел за руль. Джону очень хотелось с ней поговорить, оставшись наедине. Но он не знал, с чего начать и как к ней подступиться. Похоже, дядя Уильям глядел в самый корень. Джон действительно сильно увлекся ею.

– Адам передавал тебе привет! Интересовался, как твои дела?

– Спасибо! А как он сам?

– Учится. Через пару лет его надо будет отдать учиться в Итон. У детей есть уникальная черта – они быстро умеют забывать плохие события.

– Думаете, они забывают? Мне кажется, они просто прячут свои кошмары глубоко внутри себя, а сверху старательно забрасывают всякой мишурой. Они таскают свои кошмары в душе. Учат себя цинично ничего не чувствовать по этому поводу. Такой защитный механизм, чтобы страшно не было.

– Пожалуй, я с тобой соглашусь. У тебя так было, когда ты родителей потеряла?

Она посмотрела на него большими зелеными выразительными глазами. В этот момент она начала понимать, что перед ней очень пронизательный и умный мужчина. Разумеется, сомнений в его уме у нее не возникало и раньше. Но этот уровень ума ей импонировал, потому что был очень похож на мудрость. А мудрых мужчин она любила с детства, потому что узнавала в них черты отца.

– У каждого интересного взрослого человека есть свои спрятанные внутри себя кошмары, которые он или переборол, или начал спиваться. По мне, они передают глубину и многогранность личности. Мне хочется верить, что я свои переборол.

Дальше до конторы они ехали уже молча.

В конторе, которая находилась на третьем этаже высокого и респектабельного здания, Джон познакомил Беату с Лили. Лили Тейлор была тучная, ярко покрашенная, веселая

женщина с большим бюстом и с идеальным красным маникюром. Неудобства при первом общении у Беаты не возникло. Лили с радостью и невероятной активностью стала все доходчиво объяснять Беате.

В конце рабочего дня Джон заехал за Беатой в контору. Он сказал, что отвезет ее обратно к Уилу, потому что ему по пути. Но это было неправдой. Беате тогда в голову не пришло сопоставить, что загородный дом Уильяма не может быть по пути ни к чему.

– Подожди меня внизу, – сказал он Беате.

– Да можешь не уходить. Я и при ней скажу. Она отлично все схватывает. Умная девочка. Я поеду в отпуск со спокойной душой. Ума только не приложу, где ты ее нашел, а еще и уговорил заняться этой дрянной работой?

– До завтра, Лили, – сказал Джон, очень довольный тем, что он услышал от своего бухгалтера.

Джон ухаживал за Беатой, когда она садилась к нему в машину. Надо было решать вопрос, как Беата будет добираться с утра до работы.

– Я смотрю, вы с Лили поладили?

– Да! Она очаровательная женщина.

– Как тебе фронт работ?

– Сложно сказать в первый день, но Лили очень доступно все объясняет. Мне интересно.

– Приятно слышать. Слушай, я давно озабочен одним вопросом – что такая девушка, как ты, с часами с бриллианта-

ми могла делать в китайской закускойной?

– А что, по-Вашему, должна делать девушка с часами с бриллиантами? Ладно, не отвечайте. Я сыта по горло всеми этими параллелями с русскими аристократками. Хозяин забегаловки, старик Веймин, в тот вечер попросил меня помочь ему, потому что этот заказ был крайне важный.

– А почему именно тебя? Откуда он тебя знает?

– Два года он учил меня кунг-фу. Взамен я работала у него в закускойной бесплатно.

– А почему ты начала изучать кунг-фу?

– Мне хотелось уметь постоять за себя.

– Или ты боролась со своими детскими страхами?

Беата опять посмотрела на Джона. У нее сложилось ощущение, будто бы она маленькая девочка, а он взрослый дядя, который видит насквозь все ее хитрости. Которого не получится обмануть, даже если захочешь. Неприятное ощущение.

– Хватит уже про мои детские страхи.

– Надо подумать, как тебе добираться до работы. Я не смогу тебя подвозить туда каждое утро. Я могу найти кого-то из своих людей.

– Или я просто завтра сниму квартиру себе неподалеку.

– Хорошо. Я оплачу.

– Почему Вы? Я сама заплачу за свое жилье.

– У тебя есть средства, чтобы снимать квартиру в центре Лондона? Я не хочу, чтобы ты продавала свои дорогие часы.

– У меня есть средства. Но я не хочу переплачивать за центр. Недалеко от центра вполне меня устроит.

– А почему не хочешь, чтобы я оплатил твою квартиру? Гордость мешает?

– Не думала о ней. Я хочу приходить к себе домой и не испытывать чувства благодарности за крышу над головой. Не хочу, чтобы Вы ощущали себя моим благодетелем, считая, что я должна Вам что-то, если уж Вы платите по моим счетам.

– Ты неплохо знаешь мужчин. Есть опыт чувства благодарности к покровителю?

– Ну, а это можно посчитать и грубостью? Если уж Вы настолько прощупываете почву, то я Вам отвечу, что никогда я ни с кем не спала за деньги или покровительство!

– Прости. Мне просто надо понимать, кого я допускаю к своей бухгалтерии.

– По-моему, с людьми беседуют до того, как показывают им свои финансовые документы. Вы грубы и слегка опаздываете с вопросами.

– Я отвезу тебя завтра с утра на работу. Будь готова к 8:30.

– Чудесно.

Улыбка не сходила с лица Джона. Он был всем доволен. В данный период ему опять начала нравиться его жизнь.

Беата же была насторожена. Она чувствовала, что она совсем не понимает этого человека. Она понимала, что он очень хитрый и опасный. И ее тревожило, что он постоянно

где-то близко.

Утром, по дороге на работу, Джон предложил Беате квартиру в доме недалеко от дома Шарлотты. Это был центр, но цена была приемлемая.

– Мистер Стенли, мне кажется, что квартира в этом районе стоит дороже. А сумма, которую Вы мне назвали, только часть от настоящей стоимости. Остальную часть, я так полагаю, втайне планируете платить Вы? Зачем Вам это? Я должна быть под колпаком, пока работаю в Вашей бухгалтерии?

Джона удивил ход ее мыслей, он был вполне логичен. Да, он хотел, чтобы Беата была у него на виду, но совсем не потому, что он не доверял ей и опасался, что она может передавать кому-то информацию о его делах. То, как она мыслит, ему всё больше и больше импонировало.

– Нет. Тут речь идет не о доверии. После нашего семейного обеда я уверен, что могу спокойно тебе доверять. Я просто хотел поселить тебя рядом с сестрой. Мне показалось, вы вполне можете подружиться. Шарлотте это пойдет на пользу.

– Возможно, Ваши намерения и благородны. Только я хочу попросить Вас не обманывать меня. Знаете ли, неприятно, когда недооценивают твои умственные способности. Ложь в любом случае штука неприятная и она разрушает доверительные отношения.

– Я понял тебя. Договорились. Помочь найти жилье недалеко от моей сестры?

Беата улыбнулась.

Вечером Беата уже выписала чек и оплатила аренду одной очень милой квартирki, находящейся в двух кварталах от дома Шарлотты Стенли.

Это была светлая квартира, на втором этаже. С маленькой кухонькой и маленькой столовой зоной. В ней была розовая спальня и гардеробная. А на следующий вечер два парня по приказу Джона Стенли помощи перевезти все Беатины вещи. Расставаться с Говнюком было ужасно тяжело. Она пообещала себе и ему, что обязательно разбогатеет, построит конюшню и выкупит Говнюка у дяди Уила. А пока она обещала навещать его на выходных. Как оказалось, прощаться с Джимом и Уильямом тоже было тяжело, она уже успела найти им местечки в своем сердце. По лицам Джима и Уильяма тоже читалась тоска из-за предстоящей разлуки.

После недели передачи своих дел, Лили Тейлор, очень довольная, отбыла в долгожданный отпуск в Европу. Беата осталась на делах, хорошо подготовленная, с пониманием всей системы дел.

За прошедшую неделю Джон в конторе появлялся далеко не каждый день. Беата думала, что так и должно быть. Она складывала документы ему на подпись и занималась рабочей текучкой Лили. Объем однообразной работы был большой. Дела у компании шли очень хорошо.

В первый же день, как Беата осталась самостоятельно на делах, в обеденное время приехал Джон.

– Ты еще не обедала?

– У меня много работы. Я не хочу есть.

Так продолжалось неделю. Беата побаивалась его и избегала нерабочего общения. Он справлялся о том, как она устроилась на новом месте.

Каждый вторник и четверг вечером в контору приезжал Калев и привозил финансовые документы из других филиалов. По своей натуре Калев был в меру умен. Он жутко нравился женщинам, и они сами на него вешались. Все официантки, продавщицы и парикмахерши не уходили от его чар, и он ими с удовольствием пользовался, не забывая о том, что он им говорит, что обещает и как спокойно уходит к другой. Из-за его нежелания аккуратно общаться с влюбившимися в него женщинами были пролиты литры слез, разыгрывалась куча драм на почве ревности, но это его несколько не волновало, потому что предложения о любви так и сыпались на него.

– Привет! Я привез документы.

– Привет! Положи их на стол как обычно. Спасибо!

– Ты собираешься допоздна работать? Может, выпьем чего-нибудь после работы? Отметим твою новую работу!

Беата посмотрела на него. Он тут же улыбнулся своей стандартно красивой белозубой улыбкой. Взгляд стал с поволокой.

– Нет, спасибо. Я не хожу по вечерам в бар. Мне достаточно приключений.

Он засмеялся.

– Ну ладно. Может, в другой раз надумаешь. Бывай!

– Да, пока!

Калёб очень редко получал отказы и был ими огорчен как капризный ребёнок, которому отказались купить конфету. Вообще он не принимал «нет», брал напором и не слышал отказов. Но с Беатой он понимал, что она сейчас нужна боссу, потому что занимается важной работой, поэтому относился к ней аккуратнее, чем к своим обычным увлечениям.

Каждый раз, привозя документы, Калёб неотступно приглашал её после работы пройтись и даже в кино. Начал подбирать ключики к ней. Шутил. Рассказывал о себе. Но из конторы он уходил один и без договоренности о последующей встрече.

По своим каналам Мэтью, как и обещал, выследил предателя. Это был их охранник, проработавший на них лет 7. Поздно вечером он вышиб ногой дверь в их временный съёмный дом на берегу моря. Он тут же ринулся на кухню, где горел свет. За столом сидела ошарашенная супруга и бывший охранник. Мэтью тут же выстрелил ему в колено, и тот сполз со стула на пол.

– Спокойно, дамочка! Сидите молча и тихо. Привет, Фред! Ты хотел убить меня и мою семью, совершенно логично, что теперь я хочу того же. Но у меня есть к тебе предложение, потому что мне надо, чтобы ты рассказал мне, кто заплатил тебе за твое предательство?

– Зачем? Ты все равно убьешь нас.

– Вот и пришло время предложения. Я могу перестрелять всех в этом доме, но не насмерть, а просто сильно ранить. Вы будете все здесь медленно умирать, истекая кровью. Или, если ты ответишь на мой вопрос, я так расстреляю только тебя, а твои родные в целости и сохранности побегут за врачом, чтобы тебя спасти.

– Я не верю тебе, ты все равно убьешь нас всех.

– Ну, ты можешь посмотреть в лицо своей жены и рискнуть. Ты же рискованный парень, как я посмотрю. Я думаю, что твоя семья не виновата, что ты такой пидор. Поэтому я буду стрелять только в тебя, если ты расскажешь мне всё, что ты знаешь о тех людях, которые оплатили твои долбаные услуги.

– Хорошо! Я расскажу, только не трогай детей и жену. Те люди, которые пришли убивать вас, были профессиональными наемниками из Ирландии. Их дорогие услуги оплатил Рей Браун.

– Чушь! Браун слишком жадный, чтобы отвалить такие деньги.

– Да, и поэтому он сдружился с Биллом Коллином. Про Билла я знаю, что он большая шишка в Америке. Занимается оружием, автомобилями и алкоголем. Метит в сенат. Ему очень мешает законопроект, который двигает Джон Стенли. Рей и нашел Билла, для того чтобы отомстить вам за смерть братьев и заодно занять ваше место.

Мэтью выстрелил ему в левое плечо и в правую ступню.

– Теперь заработанные тобою деньги уйдут на лечение, если твоя жена решит их потратить на тебя и потом всю жизнь возиться с калекой.

С полученной информацией Мэтью поспешил в Лондон. На семейном совете Джон сказал, что на одном из приемов он был представлен Биллу Коллину, и тот пытался с ним договориться об изменении этого законопроекта, прощупывая, можно ли Джона подкупить. Но Джон не напрямую дал понять, что очень дорожит этим законопроектом и верит в то, что он принесет пользу его стране. Про Билла на той встрече он успел понять лишь то, что он везунчик по жизни, невероятно умен, но не кровожаден, и то, что он жуткий бабник. Будучи женатым мужчиной, он перед тем, как вернуться домой к своей жене, обязательно трахнет другую бабу. Где бы он ни был, в любом городе он обязательно снимает люксовый номер в отеле для себя и супруги и хорошую квартиру, куда приводит женщин, даже находясь проездом в новом городе.

В один из выходных каждой недели Беата приезжала к Уильяму Стенли с коробкой безе или пастилы из французской кондитерской и пакетом яблок для Говнюка. После угощения она каталась на Говнюке по окрестностям до вечера. Новая кухарка хорошо справлялась со своими обязанностями, но Уил все равно ворчал на неё и еестряпню.

В один из таких выходных туда специально или случайно

приехал Джон с Адамом тоже покататься на лошадях, пока погода была приемлемая.

– Привет, мой хороший! Прости, я не знала, что ты будешь, я бы обязательно привезла тебе шоколадных пирожных, – сказала она, обнимая Адама.

– Привет! Я соскучился и просто рад тебя видеть даже без торта!

– Но я привезла дедушке Уилу коробку пастилы и безе. Может, он с тобой поделится?

– О! Классно!

– Привет! Ты балуешь старика сладостями?

– Добрый день, мистер Стенли! Да, обязательно балую, он от них меньше ворчит. Шутка! Ничто не может заставить его меньше ворчать!

– Вот именно!

Они улыбались и были рады друг другу!

– Ты его так совсем разбалуешь.

– Ну, я так выражаю то, что я скучаю по нему.

– Поедешь покататься на лошадях с нами вместе?

– Да, с удовольствием!

На протяжении всей прогулки у Адама не закрывался рот. Он рассказывал о школе. Об уроках, учителях и одноклассниках. О лошадях. Об исторических событиях. Вел себя поделовому. Рисовался перед Беатой. Джон заметил, что Адам тянется к Беате, а Беата к нему. В его компании она тоже становится ребенком в поведении и общении. Разница в 12-13

лет, похоже, была не существенна для их общения. Для Джона это стало важным, что женщина, которая ему очень сильно нравится, любит его сына, а сын ее. Он решил заходить со своими ухаживаниями к Беате через своего ребенка.

– А ты знаешь, пап, что у Беаты день рождения на день позже твоего! У тебя шестого августа, а у нее седьмого. Только в этом году у нее не получилось его отпраздновать.

– Седьмого августа? Действительно? – обратился Джон к Беате.

– Да.

– А так было бы здорово, – продолжал Адам. – Два дня рождения подряд. Два торта. Гостям можно не расходиться. Только ты свой день рождения, пап, никогда не празднуешь.

– Знаешь что, сынок, теперь я обязательно буду праздновать свой день рождения.

– Правда? Урааа! А потом мы пойдем праздновать к Беате. Теперь август будет мой любимый месяц, после декабря. Ведь в декабре Рождество.

После этого выходного дня Беата и правда стала относиться к Джону теплее.

Со второй недели самостоятельной работы Беаты без Лили, Джон стал приезжать через день в контору. Спрашивал о делах, подписывал документы, сообщал о рабочих моментах. Ну а после проведенного втроем выходного, ко всему этому прибавились еще и разговоры про Адама.

И спустя почти месяц от начала работы Беаты в конторе,

Джон приехал к ней в обед и сказал, что не принимает никаких отговорок и они едут обедать в одно интересное место, где ему очень нужна будет помощь Беаты.

Этим местом оказался русский ресторан «Две балалайки».

– Ты должна помочь мне с меню. Я без тебя один не разберусь!

– Хорошо! Значит ли это, что я могу заказать нам с тобой что угодно по своему вкусу?

– Абсолютно!

– Ну, хорошо!

Она была возбуждена как озорной ребенок. Было件нятно, что с русским рестораном Джон попал в точку!

К ним подошел молоденький официант Дмитрий. Беата заговорила с ним на русском, не переставая широко улыбаться и пуская счастливые искры из глаз.

– Так, Дмитрий, нам два борща с пампушками, шесть по пятьдесят рюмки первачка, на второе пельмени со шкварками и сметаной – две порции. И на десерт два медовика, два чая из самовара с вишневым вареньем. Не вздумайте принести борщ без рюмок первака! Спасибо! – она отдала меню Дмитрию, он с улыбкой быстро удалился.

– Я сто лет не говорила на русском! Будем обедать, как положено у русских!

– Водку, что ли, будем пить?

– Не водку, а первак. Это самый чистый и нежный само-

гон.

Джон был обрадован. Он не ожидал, что в скором времени ему удастся с ней выпить алкоголь. То, что она пьет с ним, говорит о том, что она его уже подпускает близко. А потом, как известно, алкоголь раскрепостил не одну даму.

Официант принес борщ в горшочках, нарезку из сала с горчицей и тарелку с горячими пампушками, политыми сливочным маслом с чесноком и зеленью. И, разумеется, графинчик с перваком и два лафетника по 50 мл. Он разлил по первой и удалился.

– За здоровье!

Они чокнулись. Выпили залпом. Джон притормаживал, наблюдая за Беатой в ее естественной среде.

– Берите пампушку и надо быстро закусывать горячим борщом.

Через какое-то время Беата велела Джону наполнить их стопочки. Они чокнулись и выпили еще. После борща принесли горшочки с пельменями.

– Как Вам борщ с пампушками, мистер Стенли?

– Я думаю, после этого ты можешь называть меня – Джон.

– Я постараюсь.

– Борщ – вкусная вещь! Особенно с перва...?

– Первачком!

– Могу я про тебя кое-что узнать?

– Так?! Только я подумала, что ты позвал меня на обед совсем бескорыстно, как вдруг...

– Нет, я позвал тебя не бескорыстно. Я же сказал, что мне нужна твоя помощь в этом русском ресторане. А из моих знакомых, с которыми я хочу обедать, я знаю только тебя!

– Задавай свой вопрос!

– Расскажи про себя. Про свое детство в России.

– Зачем тебе?

– Интересно.

– Ты правильно сделал, что накормил меня и напоил в русском ресторане. Без всего этого я бы отказалась рассказывать.

Джон закурил, абсолютно довольный собой, что выражало и его лицо.

– Я родилась в замечательной семье. Отец любил маму до конца. И мама отвечала ему взаимностью. Она ему нелегко досталась, и он ценил ее очень сильно. Она была испанка из католической дворянской семьи из города Сеговия. Против их свадьбы были абсолютно все. Папе вставляли много палок в колеса, чтобы он на ней не женился. Но отец не отступил. Даже после их свадьбы их союз не принимался, как положено. В браке у них родилась только я. Отец меня очень любил. Я похожа на него. И мама меня очень любила и баловала. Меня все баловали вокруг. Бабушка, мама отца, души во мне не чаяла. Собирались меня выдать замуж непременно по любви и за достойного дворянина. Но в 16 лет за одну ночь все изменилось. Отец посадил меня с документами и чековой книжкой на лошадь и отправил с верными слугами

к бабушке в Испанию. Мама подарили те часы с бриллиантами. Отца она не оставила. Больше я их не видела. Вскоре бабушка сообщила мне, что их убили. Давай выпьем.

Джон опустошил графинчик. Они выпили, молча и не чокаясь. Официант принес им самоварчик с чаем, на котором висели баранки, два блюда с тортом, вазочку с вишневым вареньем и два стакана для чая в медных подстаканниках.

– Интересные стаканы, – заметил Джон. – Почему ты уехала из Испании от родни?

– Кузены активно пытались пристроить меня замуж. Повторю, мне было 16. Я была совсем ребенком. Озлобленным на весь мир ребенком. И я не хотела, чтобы меня трогал и целовал посторонний мужик. Я очень брезглива. Я уговорила бабушку отправить меня учиться, а всех женихов распугала, изображая невменяемость. Иногда не изображая.

– Из совокупности всех этих ситуаций, ты выросла очень интересной и необыкновенной женщиной, – Джон затушил сигарету.

Беату этот необычный комплимент смутил и заставил ее немного закрыться. Джон почувствовал это, поспешил предложить ей скорее попробовать десерт и начал мучиться с самоваром. Беата успокоилась и помогла ему разобраться с этой диковиной. Вообще десерты действуют на девушек очень умиротворяюще.

Вскоре подошел Дмитрий. Узнал, всё ли гостям понравилось. Джон попросил счет. После расчета мистер Стенли

оставил Дмитрию большие чаевые. Беата обратила на это внимание, хотя Джон сделал это без умысла, для него это был само собой разумеющийся ритуал. Джон всегда оставлял официантам и гардеробщикам щедрые чаевые.

Когда у гардероба Джон помогал Беате надеть пальто, она повернулась к нему и посмотрела в глаза. Она оказалась к нему так близко, как никогда раньше с ним не была.

– Спасибо! Мне было очень приятно поддаться ностальгии.

Джон кивнул. Он почувствовал, что лед тронулся. А еще он почувствовал, что от первака ноги были немного ватные. Он отвез ее в контору. Но, уходя, он четко знал, что приедет за ней вечером. Поводом будет то, что он переживает, как она себя чувствует после выпитого. Предложит проводить ее домой или позвать поужинать.

Вечером Калевб привез документы позже обычного. Он был пьян.

– Привет! Пойдем выпьем после работы?

– Привет! Я же уже говорила, что не хожу по барам.

– А, ну да! Ты же только по ресторанам ходишь.

Беата поняла, что слух о том, что она обедала с Джоном Стенли, разлетелся молниеносно.

– Может, хватит уже ломаться? Ты не хочешь в бар, хочешь в ресторан! Пойдем в ресторан, если тебе надо в ресторан.

– Калевб, ты пьян. Успокойся, пожалуйста.

– Ты не хочешь со мной идти? А с боссом хочешь? Потому что у него бабок много?

Он схватил ее за предплечья и сильно потрянул. Беата была очень неудобно одета. Узкая юбка карандаш, туфли на высоких каблуках, шелковая блузка с кружевами.

Она попыталась выбраться из его захвата. Но Калеб развернул ее к себе спиной и сильно ударил об стену. Было удивительно, что она не потеряла сознание, но ушиблась она прилично. Кровь потекла из носа. Она перестала трепыхаться и обмякла. Сделано это было нарочно, чтобы Калеб ослабил хватку. Так и произошло. Она резко развернулась в пол оборота и локтем ударила его под дых. Он отошел на шаг и согнулся. Ему было не просто дышать после такого удара. Беата развернулась к нему полностью и ударила с размаха правой рукой в нос так, что у него тоже потекла кровь. Но Калеб бросился ей в ноги и свалил на пол.

– Сука!

Калеб уже полз по ней. Она отпихивала его. Но он был гораздо сильнее, а движения ей плюс ко всему сковывала одежда. Калеб сел на нее, ударил ее кулаком в челюсть. Разорвал на ней блузку. Схватил ее руки и прижал к полу. Беата трепыхалась уже гораздо слабее. Он сильно ее ударил. И тут он начал приближаться к ее лицу. Она ударила его своим лбом еще раз в нос. Он отпрянул и схватился за него. Она среагировала и выбралась из-под него. Он схватил ее одной рукой. Но она взяла его руку в захват и сломала в локте.

– СУКА!

В этот момент в кабинет ворвался Джон, он еще с лестницы услышал странные звуки и ускорился, предчувствуя беду. Перед его глазами предстала недвусмысленная картина. Беата, с кровью, идущей из носа и испачкавшей уже пол-лица, в разорванной блузке, тяжело дыша, сидела на полу. Рядом с ней на полу, скорчившись и обхватив свою руку, лежал Калев, также с перепачканным кровью лицом.

– Калев, блядь! Ты совсем охуел!

Беата поднялась, поправила разорванную блузку и, шатаясь, пошла к выходу. Джон перехватил ее. Взял ее аккуратно за подбородок и осмотрел, как сильно ей досталось, судя по ушибам и крови на лице.

– Я отвезу тебя к врачу.

– Не надо. Я в порядке, – это было, конечно, неправдой. Она начала надевать пальто.

Джон за шкурку поднял Калеба и, уже сжав руку в кулак, замахнулся на него. Но увидев, что Калев и так ноет от боли, остановился.

– Калев, я тебя убью. Чтобы ты ее больше никогда не трогал. Ты меня понял? ТЫ МЕНЯ ПОНЯЛ?!

– Я понял.

Джон закрыл кабинет на ключ и потащил Калеба за шкурку вниз по лестнице. Беата уже спускалась ниже. Выйдя на улицу, Джон закинул Калеба на заднее сидение в свой автомобиль. Беата уже побрела в сторону дома. Джон догнал ее.

– Подожди, пожалуйста. Тебе надо показаться врачу. Ты же сама понимаешь. Я не отступлю. Я отвезу тебя, а потом довезу до дома. Одну тебя сегодня на улице я не оставляю.

Она согласилась. Сил не было спорить. Она села на переднее сидение, и Джон отвез эту кровавую парочку к врачу. Калеба оставили там до утра. Ему начали накладывать шину на перелом, а гипсовать собирались утром.

Черепно-мозговых травм у Беаты не было, сотрясения мозга, каким-то чудом, тоже. Она отделалась ушибами лица и синяками по всему телу.

Джон молча повез ее домой. В машине она устала держаться и к глазам подступили слезы. Но она не хотела плакать при Джоне. Джон молчал. Он не знал, что делать. Он прекрасно понимал, что хоть это и не он ее обидел, но то, что он приблизился к ней сегодня, откатит его опять назад, после пережитой ею сегодня попытки изнасилования.

Джон, как всегда, оказался прав. Беата стала сторониться людей. Но в большей степени из-за того, что у нее были синяки и опухлости на лице после ударов Калеба.

Когда Беата приехала покататься на Говнюке, Уильям был с ней очень обходителен. Ему было жалко эту девочку. Он, конечно, уже знал, что произошло пару дней назад в конторе Джона.

Когда она сидела за столом с Уильямом и они пили чай с пирожными, привезёнными как всегда Беатой, она начала странный разговор.

– Может, ты женишься на мне, Уил?

– Что ты говоришь?

– Почему бы нет? Можешь не оставлять мне наследство.

Если я тебе не нравлюсь как женщина, то вообще не страшно, я буду заботиться о тебе и не изменю. Замужество с тобой принесет мне покой и избавит от приставаний других мужчин.

– Ты еще слишком молода, чтобы хотеть покоя. Ты устала. Тебе нужен нормальный муж. Я не хочу красть твою молодость. Хотя я и признаю, что мне очень лестно, что ты выбрала меня для замужества. Я не женюсь на тебе.

– Может, подумаешь ещё?

Уильям покачал головой.

При встрече с Джоном дядя Уильям отчитал его, что тот не предупредил парней о том, чтобы ее и пальцем никто не смел трогать. Она видная девушка и вызывает спортивный интерес. А ещё он рассказал племяннику о разговоре, который возник между Беатой и ним в момент ее отчаяния и душевной уязвимости.

Такого поворота Джон от нее не ожидал. Что она вот так спокойно может выйти замуж за дядю Уильяма. Его это зацепило до такой степени, что он переваривал эту эмоцию в себе несколько дней и не смог с ней справиться. У него опустились руки. В его жизни еще такого не было, чтобы он так бился над тем, чтобы расположить к себе девушку, а она в итоге не оценила и не заметила этого. Взлеты и болезненные

падения.

Лили должна была на днях вернуться из Европы, а это значило, что Беата станет свободна от отработывания наказания у Стенли. А поводов для встреч с ней у него почти не будет. Всё это накатило на Джона, и он напился с друзьями и братом в «Кабаньей голове». Под действием алкоголя Джон поехал к Беате. Он испытывал к ней жгучий прилив нежности.

Он деликатно постучал в ее дверь. Она, наверное, уже спала. К двери она подошла не сразу.

– Кто там?

– Это Джон.

– Что-то случилось?

– Беата, открой дверь!

– Мистер Стенли, Вы пьяны? Вы меня пугаете!

– Я выпил, но я не пьян. Открой дверь!

– Скажите, зачем?

– Беата, отойди от двери, я стреляю в замок.

Джон вытащил револьвер и выстрелил в замок. Ногой он вышиб дверь. Не имеет смысла говорить о том, что Беата напугалась.

Увидев ее в черной кружевной сорочке, он смягчился и даже растерялся.

– Мистер Стенли, Вы немного пьяны. Давайте Вы спрячете револьвер.

– Ты боишься меня? Ты не доверяешь мне? Но почему?

Я ни разу тебя не обидел ни словом, ни делом, а ты все равно держишь меня на расстоянии. Иногда бывает, я чувствую, что ты оттаяла, а потом опять разговариваешь как с посторонним. Ты мне уже все мозги скрутила. Ты же постоянно вот в этой голове, – он револьвером указал себе на висок. – Мой сын! Мой сын любит тебя и скучает по общению с тобой! А ты собираешься выйти замуж за Уила. Знаешь, что я тебе скажу?

Его глаза были бешенные, он завелся не на шутку. Он много жестикулировал, размахивая при этом револьвером, не замечая его. Беата же глаз не сводила с револьвера. Она не могла проникнуться до конца его речами, потому что оружие в руках пьяного человека ее пугало. Они стояли в полумраке, шторы были не задернуты, и свет от уличных фонарей и луны освещал квартиру Беаты.

– Ты боишься жить! Ты боишься мужчин после смерти отца! Я видел твои глаза в русском ресторане! Я понял, какая ты можешь быть! И я могу тебе помочь, но ты мне этого не даешь! Боишься меня больше остальных! А я хочу, чтобы ты перестала меня бояться!

С этими словами он заметил, что все еще размахивает револьвером. Он засунул его обратно под руку в кобуру и подошел близко к Беате. Она часто дышала. Сердце ее готово было выпрыгнуть из груди. Она сама не понимала своих чувств. Ее тело тянулось к нему со страшной силой, но голова боялась до такой степени, что в тот момент, когда Джон попы-

тался только слегка к ней приблизиться губами для поцелуя, она залепила ему сильнейшую оплеуху. После чего выбежала в одной сорочке на улицу.

Удар оказался очень сильный. Беата вложила в него весь свой страх к нежелательной страсти к Джону. Джон опустился на пол и облокотился о стену. Достал сигареты и закурил. Он спокойно затянулся. Он больше не знал, что ему делать, чтобы понравиться ей. Джон Стенли сдался.

За окном был ноябрь, а Беата бежала в одной сорочке к дому Шарлотты.

К тому времени, когда Шарлотта проснулась и открыла ей дверь, Беата уже вся тряслась от холода.

Беата ей рассказала всё как было. Что она испугалась и ударила Джона. Шарлотта дала ей одежду и плед, но Беату не переставало трясти. Она заикалась. Шарлотта гнала от себя эти мысли, но ее не покидало ощущение, что из Беаты как будто бы выходит дьявол – до такой степени подействовала на психику Беаты эта ночная сцена и слова Джона.

Они сидели на кухне, Шарлотта достала бутылку виски, потому что не знала, что еще можно сделать, лишь бы Беата перестала, заикаясь, говорить одно и то же и трястись.

– Милая, успокаивайся. Я совершенно уверена, что после того как ты ударила Джона, он тебя по стенке не размажет, как ты говоришь. Во-первых, ты спасла нас всех тогда на семейном обеде. А во-вторых, я очень хорошо знаю Джона, я как-никак его сестра-двойняшка. Мне кажется, нет, я совер-

шенно уверена, что ты ему сильно нравишься. Поверь мне, он очень изменился и в лучшую сторону, как раз с тех пор, как познакомился с тобой.

– Я не могу поверить, что я могу ему нравиться. Просто пацанский интерес – кто все-таки ее завалит? У Мэтью не вышло, у Калеба не вышло, а у меня получиться должно. Привычка получать то, что он хочет.

– Ты сейчас неправа. Он привык не получать, а добиваться того, что он хочет. И своего он добивается не беспринципно. Я тебе даже по-своему завидую. Ты знаешь, после того случая на нашем семейном обеде я будто бы очнулась. Я поняла, что жизнь может раз – и оборваться. А я практически и не пожила. Понимаешь, я всегда шла по пути наименьшего сопротивления. Я не делала никогда выбор. Я только сейчас, в 33 года, поняла, что я не знаю себя. Я не задавала себе вопросы, что моё, что мне по нутру, а что нет. За меня всё решали братья. И меня это устраивало. Мне всегда казалось, что они лучше меня всё знают и разбираются в реальной жизни. И меня никогда никто не добивался из мужчин и не видел во мне ничего удивительного. А у меня сейчас просто сердце разрывается от недолюбленности и потраченных лет. Я хочу уволиться, хочу, чтобы меня полюбил мужчина, хочу выйти замуж и родить ребенка.

Шарлотта заплакала. Она впервые произнесла свою боль вслух. Беата под села на корточках к ней и обняла ее. Слезы тоже полились из глаз Беаты. Обе были несчастливы, каждая

по-своему. Но им обоим не хватало своего мужчины и своей семьи.

С утра Шарлотта собиралась на работу. Беата тоже встала, чтобы приготовить ей завтрак и спросить, как она себя чувствует.

– Трудно вспомнить, когда кто-то готовил мне завтрак. Может, мы проживем вдвоем какое-то время? Я не хочу оставаться одна.

– Если меня Джон не накажет и оставит в живых, я с удовольствием проживу с тобой. Ты знаешь, после того, как я пожила в доме Уильяма, я вспомнила, что я очень люблю жить в доме, где ходят люди.

– Уверена, Джон не накажет. Или я заступлюсь за тебя. Он обалдеет, когда увидит, что я ему противостою.

– Ты знаешь, у меня есть одна идея, как открыть свое дело по продаже платьев. Но я не справлюсь одна. Может, ты уволишься и рискнешь со мной? Не отказывайся сразу. Я еще сама не все продумала. Дай себе время, чтобы поразмыслить и решиться.

– Я согласна. Вечером ты мне все расскажешь.

В этот момент в комнате чувствовалась какая-то новая энергия. Они обе были нужны друг другу. Просто необходимы именно в этот момент. И то, как они себя ощущали вместе и какие идеи их объединяли, было, по их собственным ощущениям, волшебным и судьбоносным.

Шарлотта написала заявление на увольнение. Ее перепол-

няла решимость, но Джон в тот день так и не пришел на работу в свой кабинет в здании, где располагались члены парламента Палаты Общин. Чтобы ничего ее не остановило, она оставила заявление в папке у него на столе и по истечении рабочего дня пошла домой.

Подойдя к дому, она увидела машину Джона. Джон вышел из машины.

– Привет!

– Привет! Тебя не было на работе.

– Да, сегодня можно было не появляться.

– Все в порядке?

– Да. Беата у тебя?

– У меня. Как ты догадался?

– Куда она может убежать в ноябре в ночной сорочке?

– Что ты планируешь с ней делать? Имей в виду, я говорю с тобой абсолютно серьезно, я не дам ее в обиду!

Джон с удивлением взглянул на сестру. Та не отвела взгляд и не улыбнулась, показывая свою решимость.

– Я не собираюсь ее обижать. Пойдем?

Шарлотта открыла дверь. И ее сразу обдал вкусный запах разнообразной еды, особенно вкусно пахло корицей и яблоками.

Беата выскочила ей навстречу и замерла, увидев Джона Стенли.

– Можно с тобой поговорить? – спросил Джон низким голосом, не поздоровавшись.

Беата кивнула. Они вдвоем прошли в зал, и Джон закрыл за собой стеклянную дверь. Беата была напряжена и приготовилась бороться за себя.

– Я принес тебе деньги за работу в конторе и новые ключи от квартиры. Я хотел сказать, что ты свободна. Твое наказание закончилось.

Беата не двигалась. Джон положил деньги и ключи на камин, около которого стоял. Немного помедлив и ожидая от нее хоть какой-то реакции, он кивнул ей головой на прощание и удалился из дома сестры. Беата так и стояла. Меньше всего она ждала именно такого исхода. Она ожидала, что он ее оскорбит или припугнет, но то, что он принесет ей деньги за работу и будет выглядеть виноватым, очень сильно ее потрясло. Похоже, только в этот момент она разглядела, что нравится ему и какой он на самом деле мужчина. И именно в этот момент в ее сердце что-то щелкнуло. Ее охватил стыд за свои подозрения и слепоту. Как она могла его не разглядеть! Она вспоминала день их знакомства, и прогулку на лошадях с Адамом, и поход в русский ресторан, и то, как он налетел на Калеба, и другие нюансы их отношений.

Она стояла и не обращала внимания на деньги. Из этого состояния ее вывела заглянувшая в зал Шарлотта.

– Ну, как все прошло?

– Шарлотта, я такая дура!

На следующий день Джон в своем кабинете разговаривал

со своей сестрой по поводу ее увольнения.

– Ну, ты действительно уверена?

– Абсолютно!

– Надеюсь, это протест из-за нашей ссоры с Беатой?

– Нет! Совсем нет! Вы просто с ней два идиота. И я не могу вам ничем помочь. Я давно хотела уволиться. А осознала это окончательно только после той перестрелки на семейном обеде у дяди Уила. Жизнь могла оборваться так просто, а я ещё и не попробовала ничего из того, что действительно хочу. Мы с Беатой будем работать вместе. Она меня просто подтолкнула и придумала, с чего нам начать.

– И чем вы планируете заниматься? Это же не секрет?

– Мы откроем магазин! Вернее, даже магазин-клуб для женщин. Вход только для женщин. Выкупим этаж в центре в каком-нибудь особняке. Отремонтируем и обставим его красиво. Добавим аксессуаров и живых цветов. Я давно мечтала о свадебном платье, только не смейся. Эти платья меня завораживают. Мы в своем клубе будем продавать свадебные и вечерние платья. Девушки будут пить шампанское и есть пирожные во время примерки. Беата знает, где достать шикарные вечерние платья. А я, наконец-то, буду сама искать и выбирать свадебные платья для наших клиенток.

Джон смотрел на сестру счастливыми и нежными глазами.

– Я очень рад, что ты решилась заняться своим делом. Наверное, давно было пора. А сейчас ты готова. Я очень рад этому.

Он подписал её заявление. Обнял и поцеловал в щеку.

Торны завтракали в снятом ими на время пребывания в Швейцарии доме.

– Скоро Рождество! – начала леди Торн торжественно. – Как бы ты хотел его отпраздновать, дорогой? – обратилась она к сыну. – Может, ты хотел бы провести его в гостях у своей новой подруги из Америки? Все время забываю ее имя.

– Джоанна. Ее зовут Джоанна. И она не хочет меня больше видеть.

– А что произошло? Вы поссорились? Ты ее обидел?

– По ее словам я понял, что она не хочет больше быть просто подругой. А я и не собирался в нее влюбляться и сейчас не собираюсь. Мы вместе ходили на процедуры и были одного возраста. Я не думал, что это, по ее мнению, судьбоносное стечение обстоятельств.

А сказала Джоанна Кристоферу следующее: «Кристофер, я так долго ждала, что ты обратишь на меня внимание и полюбишь меня. Но от тебя этого дожидаться невозможно. Ты слепой! Знай, я люблю тебя с первого дня нашей встречи. И я уже устала носить в себе это безответное чувство. Пусть эти знания хотя бы теперь поднимут твою самооценку! Я больше не желаю тебя видеть!»

– А на Рождество я хотел бы один подарок от вас! Я хочу съездить в Париж! И пойти в кабаре. Я уже выбрал, в какое именно!

Сказать, что родители удивились, не сказать ничего. Это был весьма оригинальный поворот беседы за завтраком при обсуждении Рождества. Родители в свое время договорились поддерживать любые идеи сына, лишь бы он не навредил себе больше и переключил свое внимание с Беаты.

– Я предлагаю Вам за компанию пойти со мной. Я слышал, туда часто ходят супружеские пары для получения эротически-эстетического созерцания. Будет что обсудить вместе и вспомнить.

– Конечно, сын, мы с удовольствием пойдем с тобой за компанию, – ответил отец.

Элизабет Торн сидела белая, как скатерть. Позже муж убедил ее в пользу этого мероприятия. Им надо было возвращать дружбу и доверие сына.

Разодевшись празднично, Торны втроем прибыли в кабаре, в котором около трех лет назад работала Беата. У родителей горели глаза. Они очень давно, а может быть, и никогда не пускались в такие авантюры. Ну, а как может не понравиться легкое безвредное хулиганство? Оно так омолаживает! У Кристофера не было восторга. В его сердце скорее была тоска. Придумав поехать в это кабаре, Кристофер хотел почувствовать связь с Беатой, которой ему безумно не хватало. Он цеплялся за малейшие ниточки. Хотя трудно поход в парижское кабаре назвать малозначительной и малоприятной ниточкой.

Когда началось представление, во время музыкального выступления артисток, Кристофер нетерпеливо ждал Сильвию. И когда он увидел эту пластичную красотку, то не мог поверить, что ей нравятся женщины в сексуальном плане. Потом он обратил внимание, что на официанток никто и правда не обращает внимания. Они, как невидимки, приносят закуски и напитки. Кристофер попробовал выпечку, которую специально заказал. Из-за принимаемых лекарств ему пока что еще нельзя было употреблять алкоголь. А вот родители вошли в раж и заказали себе аж две бутылки шампанского. Кристофер никогда их такими не видел. И они ему нравились такими.

Одним из последних номеров в программе кабаре был номер, где Сильвия танцевала страстное танго с партнершей. Кристофер мысленно заменил партнершу Беатой и ощутил прилив сильного возбуждения и легкой ревности. После этого номера он какое-то время не мог встать из-за своего столика из-за выпирающих в районе ширинки штанов. Он хорошо знал, с какими фантазиями он будет засыпать сегодня ночью.

За несколько дней до Рождества произошло чудо, и Шарлотта с Беатой смогли купить понравившееся им здание пополам. Они выкупили два этажа в двухэтажном здании. Цокольный этаж им был не нужен, да и он уже был занят.

Беата нашла Рабиба и выкупила у него все пошитые им

платья. За те платья, которые Рабиб сшил для нее, он взял оплату только за материалы, его работа была в подарок. Беата рассказала о своих планах и предложила сотрудничество. Но полностью можно будет бросить предыдущую работу после того, как к ним пойдут покупательницы и дело станет налаженным. Расстались они довольные своим сотрудничеством и с полной уверенностью на скорую встречу.

После Рождества в клубе должен был начаться ремонт. Братья Стенли не оставили сестру без помощи и нашли ей подходящих работников, которые будут работать честно и не завышая гонорар.

Клуб было решено назвать «Клуб у БеШа» у Беаты и Шарлотты. Заказали красивую вывеску.

На первом ярусе клуба будет находиться приемная с гардеробом, дамская комната и подсобное помещение для хранения бокалов, тарелок, чашек, шампанского, алкоголя для коктейлей, чая, кофе, пирожных, бутербродов. Из прихожей будут вести две двери в два приемных зала. Первый зал поменьше и потемнее. В ярко-розовых тонах с пёстрыми обоями на потолке, с люстрой из кристаллов и павлиньих розового цвета перьев. С бархатным розовым диваном, креслами и атласными подушками цвета фуксии на них. С тремя большими зеркалами на колесиках, резной вешалкой и ширмой для переодевания с экзотическим рисунком тропических растений. Второй зал – светлый с белыми стенами и большими окнами, классической светлой дорогой мебе-

лью с вставками из настоящего дерева и кожи. Сдержанный на аксессуары, но с красивыми перламутровыми раковинами на столиках. Также с несколькими большими зеркалами и белой ширмой для комфортного переодевания. Из залов вели двери в одно подсобное помещение, где был склад на небольшое количество платьев, чтобы можно было подобрать и приносить варианты покупательницам.

Когда дела пойдут в гору, девушки займутся вторым, купленным ими, этажом. Там они планируют поделить помещение еще под склад и под комнату, где профессионально можно накраситься и сделать прическу и сразу отправиться на торжество.

На Рождество Джон позвал семью к себе. Шарлотта хотела взять Беату с собой. Но Беата выкручивалась, как могла. Уж больно неудобно теперь ей было сидеть за одним столом с Джоном. Шарлотта не стала настаивать. Всему свое время.

На Рождество Беата поехала с рождественским пудингом к Джиму, и, конечно, привезла яблоки и сахарок для Говнюка и остальных лошадей в конюшне Уильяма. Сам Уильям был у Джона, так что в его доме было тихо и спокойно.

В начале января проходило ежегодное собрание представителей правительства обеих Палат. На повестке дня было подведение итогов за год и обозначение новых планов.

Собрание проходило в большом зале. На первом этаже сидели члены палат. На втором этаже располагались простые

люди, которые могли прийти с улицы и послушать отчет о выполненной работе членов партий.

Джон выступал на этом собрании не первый год, как глава своей партии. И ежегодно его приходили послушать Мэтью, дядя Уильям и еще несколько мужчин из их «корпорации». Делали это они из-за большой гордости за Джона и для охраны. Они располагались в разных местах на втором этаже и смотрели, чтобы никто не пальнул в Джона в такой уязвимый момент. Охране Собрания Стенли не доверяли.

В этом году Беата пришла послушать выступление Джона. Ее тянуло к нему, но она старалась узнавать, какой он человек, издалека. Он пробудил в ней сильные чувства, и она не знала, как себя с ним вести, поэтому личного общения не допускала.

Дядя Уил заметил ее в толпе. Благодаря своему обаянию она смогла продвинуться в самый первый ряд с правой стороны на балконе. Она смотрела на Джона очень сосредоточенно. Слушала его отчет и дальнейшие предложения о перспективах в работе его партии и какая будет польза от этого для их великой страны. Ее заворожил ум, уверенность и спокойствие этого мужчины. После его выступления она ещё какое-то время смотрела на него, когда он вернулся на занимаемое им место в зале, среди членов его партии.

Все прошло без происшествий. И когда Уильям заехал за Джоном в резиденцию его партии, он рассказал ему, что Беата приходила на него посмотреть, а после его выступления

ушла.

– Похоже, лёд тронулся, – лукаво заметил дядя Уил.

Джон затянулся сигаретой и улыбнулся глазами, ничего не сказав.

Дела у девочек с их клубом шли скорее плохо. Ремонт был окончен. Платья и игристое вино закуплены. Но за первые две недели открытия они смогли продать только два платья, и то благодаря тому, что их клуб разрекламировала парикмахерша Шарлотты своим клиенткам, за небольшую плату.

В двадцатых числах января в один из вечеров субботы Шарлотта и Беата немного повесили носы и выпивали шампанское на кухне у Шарлотты.

– Ты знаешь, что нам нужно? – осенило Беату. – Нам надо пойти на танцы! Нам надо выходить в свет! Нам надо там демонстрировать наши платья!

– Но я всегда очень теряюсь на светских приемах. Хотя и не помню, когда последний раз там была. По-моему, жена Джона еще была жива, и прием был в их старом доме.

– Сейчас другое дело. Ты другая! Мы другие! И нам нужно показать наши платья потенциальным покупательницам!

– Постой! У меня есть два пригласительных билета на какой-то бал. Джон отказался идти, и я положила их в ящик на работе. А когда уволилась, должна была принести их вместе со своими личными вещами.

Шарлота ушла в кладовую комнату, где стояла коробка с

ненужными вещами с бывшей работы. Через три минуты она вернулась, и в руках у неё было два пригласительных билета.

– Что там?

– Боже! Они на сегодня. «Послесвяточный Бал» начнется сегодня через полчаса.

– Шарлотта! Вот как ты...? Это наш шанс. Пока мы подшофе и не струсили, и не придумали отговорки, нам надо ехать. Берем косметику и бежим в клуб. Я знаю, какие платья мы наденем.

Организатором «Послесвяточного бала» была маркиза Кэтрин Рочестер. Бал проходил в торжественном зале в самом центре Лондона. Предыдущие годы Джон Стенли пропускал это мероприятие, но в этом году решил развеяться, тем более, как правило, его туда очень зазывали, и всегда пеняли, если он его игнорировал. В высшем свете Лондона Джон Стенли был одним из самых завидных холостяков. Поэтому всем было очень интересно, кому же он уделит свое внимание и что из этого последует. Джон без труда достал себе еще пригласительный, посетовав на то, что предыдущие куда-то подевались.

Прием был роскошный. Обычные светские беседы, обмен незначительными новостями и сплетнями. Хорошая музыка, еда и танцы.

В толпе Джон заметил Оуэна и Элеонору Райт. Элеонора была невысокой, худощавой женщиной, с идеальными во-

лосами цвета золота. Одета она была в оранжевое атласное платье, которые было очень ярким для ее типа внешности. Джон старался как можно дольше обходить их, чтобы они не испортили ему настроение.

Бал был в разгаре, когда вдруг разговоры в зале резко оживились. На балу появились две дамы. Одна незнакомка в ярко-красном легком платье из струящегося шелка с открытой спиной, с аккуратно собранными в прическу волосами. Во второй даме узнали Шарлотту Стенли. Она была в ярко-зеленом платье из плотной роскошной парчи с пышной юбкой и достаточно высоким разрезом. Плечи были открыты, а область груди украшало что-то наподобие венка в тон платью. До локтя спускались пышные рукава-фонарики. Это платье необычайно красило Шарлотту.

– Джон, не твоя ли это сестра? И с кем, интересно, она пришла?

Джон не сразу узнал Шарлотту. Он был ошарашен ее красотой. Такой он ее еще никогда не видел. Но потом его сердце замерло, потому что в красном платье стояла самая красивая женщина на свете из всех, которых он видел. К ним уже подошли двое молодых мужчин, чтобы познакомиться. Беата улыбалась и была раскована, наверное, ее дворянское прошлое не позволяло ей стусеваться в обществе, Шарлотта, напротив, была умилительно зажата.

К ним подошли познакомиться два самых смелых и быстрых молодых человека. Хотя один из них обычно не отли-

чался решительностью. Это был скромный молодой человек, звали его Томас Найветт. В свете он был известен только несостоявшейся помолвкой, которую расторгла его невеста, когда им было по 22 года. Полной противоположностью был его друг – веселый, энергичный, шумный.

– Здравствуйте, мисс Шарлотта. Вы меня не помните? Мы виделись несколько раз на работе в Палате Общин.

– Вы Томас Найветт?

– Совершенно верно. А это мой друг Антуан Морли.

– А это моя близкая подруга Беа...

– Беатрикс Бальса.

Шарлота подняла брови и ничего не сказала.

– Я очень рад, что Вы пришли. Я долго не знал, как к Вам подойти, чтобы пригласить на чашку чая. А когда, наконец, собрался, мне сказали, что Вы больше не работаете у мистера Стенли.

– Да, я уволилась, чтобы заняться своим делом.

Чувствовалось, что они оба очень смутились. Томас был моложе Шарлотты на 6 лет, но это совершенно не бросалось в глаза, так как Шарлотта выглядела прекрасно и моложе своих лет.

– Дорогие леди, не желаете ли чего-нибудь выпить? – предложил Антуан, готовый брать ситуацию в свои руки.

– Честно говоря, Антуан, безумно хочется шампанского, – ответила ему Беата.

– Мы с Томасом отлучимся, чтобы принести вам шампан-

ское. А вы, милые дамы, пожалуйста, никуда не уходите. Бата, Вы же понимаете, что просто обязаны потанцевать со мной? – сказал Антуан, удаляясь за шампанским.

– Какая неожиданная встреча! Мисс Стенли! – к Шарлотте подошел Оуэн Райт с супругой.

– Здравствуйте, мистер Райт! Миссис Райт!

– Вы нам не представите свою удивительную компаньонку?

– Моя близкая подруга – Беатрис Бальса.

– Рад знакомству. Откуда Вы, Беатрис? Мы не видели Вас раньше.

– Я из Сеговии. Это в Испании.

– Что привело Вас на наш туманный Альбион?

– Простите, мне не хочется говорить о делах в такой прекрасный вечер.

– Но такие вечера как раз созданы для того, чтобы говорить о делах! – вмешалась первый раз Элеонора Райт.

– Я вынуждена с Вами не согласиться, миссис Райт. Каждый сам для себя решает, для чего он приходит на бал. Кто-то не может не думать о делах, и в каждом собеседнике видит себе подобного. А кто-то приходит на бал для того, чтобы повеселиться. Потанцевать. Завести новые знакомства, не сильно полагаясь на дальнейшую пользу от этих знакомств.

– А к какому типу принадлежите Вы, Беатрис?

– На данный вечер я пришла потанцевать. И не сильно рассчитываю отвечать на вопросы.

В глазах Элеоноры вспыхнуло негодование. Возможно, если бы Беата не была так красива, и платье на ней было бы не из красного шелка, то на ее слова не последовала такая бы реакция от женщины, привыкшей превосходить всех и задавать тон.

Вовремя вернулись молодые люди с шампанским. И Райты решили понаблюдать за этой четверкой со стороны.

– Дорогая, я вижу, ты недовольна. Неужели тебя задела эта девчонка?

– Дорогой, ты становишься примитивным, когда дело заходит о красивеньких девочках. А это совсем не простая девочка.

Беата и Антуан протанцевали не один танец вместе. Он прекрасно умел танцевать и нашел себе партнершу под стать. Еще когда Беата была совсем юной, её очень хвалили хореографы. Танцевать она очень любила, и у неё это прекрасно выходило. Ее красное платье и она сама привлекали всё больше внимания.

– Здравствуйте, мистер Стенли. Наконец-то у нас появилась возможность познакомиться.

Миссис Райт протянула руку Джону. Он нежно пожал ее пальцы.

– Теперь я понимаю все эти восторженные отзывы о Вашей персоне. Но вынуждена признать, все разговоры о вашей внешности весьма приуменьшены.

Она смотрела на него с неподдельным интересом. Он дав-

но интересовал ее как главный оппонент ее мужа и как человек, которым интересуются все окружающие в ее кругу.

– Я польщен, миссис Райт! – сказал он с непроницаемым лицом.

– О, прошу Вас – Элеонора. Я могу называть Вас Джон?

– Я предпочел бы мистер Стенли.

– Понимаю. Вы весьма скрытный человек, и стать Вашим другом не так-то просто. Хотя мне бы этого очень хотелось. Мне кажется, у нас с Вами много общего.

– Я в этом не уверен.

– Дорогая, ты, по-моему, забыла о приличиях.

– Оуэн, дорогой, не надо со мной так разговаривать. Ты прекрасно знаешь, что я всегда знаю, когда и что сказать. И знаю, что я могу себе позволить, а что нет.

Она прямо-таки пожирала Джона глазами. Этот взгляд Джону не приносил ни малейшего удовольствия. А неудобство, которое испытывал Оуэн Райт, не сулило ничего хорошего. Разумеется, Оуэн держал лицо, но его глаза выдавали злость на публичное вожделение его супруги. Тем более объектом ее вожделения был не простой мужчина, а его политический соперник.

– Я прошу меня простить, – Джон кивнул им обоим и абсолютно спокойно удалился в сторону стола с напитками.

Наконец-то Беата с Антуаном взяли передышку от нескольких танцев подряд. В это время к Беате подошел невысокий прекрасно одетый старичок.

– Добрый вечер, мисс. У меня к Вам одна просьба. Не откажите старику в танце. Мною овладело совершенно неожиданное желание потанцевать с незнакомкой в красном платье.

– Не откажу, разумеется.

– Откуда Вы, юная леди? Смею предположить, это Ваш первый выход в свет, потому что о Вас никто не знает.

– Вы противоречите сами себе. Если я начну Вам рассказывать о себе, то перестану быть незнакомкой. А уговор был именно о незнакомке.

– Вы сообразительны и забавны. Меня зовут Сэр Чарльз Арчибальд. Вижу, это имя Вам ничего не говорит.

– Прошу меня простить, Ваша Милость, за мое невежество.

– О, моя дорогая, Вам с вашей внешностью можно простить всё что угодно.

– Вы, пожалуйста, не обижайтесь, но я слышала, что мужчинам, достигшим определенного возраста, все двадцатилетние девушки кажутся красивыми.

– Ха..Ха..Ха.. Что же, прекрасно!

– Что именно?

– Ваше чувство юмора. И то, что Вы отчасти правы. Я сражен Вами. В моем возрасте со мной общаются излишне вежливо, подхалимничают и лицемерят. Я рад, что Вы общаетесь со мной по-иному.

– А подхалимничают перед Вами из-за наследства, скорее

всего.

– Совершенно верно. Каждый надеется, что у меня поедет крыша и я составлю завещание на совершенно постороннего человека.

– Почему постороннего? У Вас нет родных?

– Увы, нет! Жена погибла от гриппа. А сын на войне.

– Я Вам сочувствую.

– Чему именно?

– Что у Вас нет семьи.

– А у Вас, дорогая, есть семья? Судя по тоске в Ваших глазах, у Вас её тоже нет.

– Неподходящую тему мы выбрали во время танца.

– Согласен. Я приношу Вам свои извинения. Я уже разучился, как надо вести себя во время танца.

Танец закончился, и Беата, поддерживая Чарльза, отвела его в сторону. Старик немного запыхался. Но Беата решила не подавать виду, что заметила, как он устал.

– Спасибо Вам за танец, Сэр Чарльз Арчибальд.

– Вам спасибо, милая.

Беате очень хотелось пить, и она заметила сквозь толпу стол с напитками.

– Простите, Вы не могли бы...

Она замерла. Мужчина, которого она просила подвинуться, обернулся. Перед ней стоял Джон в красивом костюме, который ему очень шел.

Наступило неловкое молчание. Они уставились друг на

друга.

– Шампанское?

Джон передал ей бокал со стола. В горле у нее пересохло окончательно. Она сделала большой глоток.

Они оба стояли, не зная, что сказать, но расходиться им не хотелось.

– Любишь танцевать?

– Да! С детства, – Беата отчего-то залилась краской.

Они оба улыбнулись и посмотрели друг на друга.

– А Вы танцуете, мистер Стенли?

– Крайне редко. И ты можешь называть меня Джон! После всего того, что между нами было. Я имею в виду то, что я уже несколько раз видел тебя в нижнем белье.

– Очень забавно. Я думаю, ты прав, Джон.

– Какая неожиданная пара! Мы с Оуэном тоже решили взять себе что-нибудь выпить, – к ним подошли Райты.

– Знаете, Беатрис, Вы и мистер Стенли сегодня самые обсуждаемые персоны. По отдельности, конечно. До этого момента.

– А теперь, Вы хотите сказать, нас будут обсуждать вместе?

– Нет. Совсем нет. То, что Вы с кем-то поговорили, никто и не заметит, наряду с тем, что Вы без усталости танцуете с разными партнерами.

– Я вижу, что я Вас лично задела. Только не пойму, чем? Тем, что я позволяю себе, будучи не замужем, танцевать с

несколькими партнерами или потому, что стою рядом с Джоном?

Глаза Элеоноры вспыхнули. Мало кто из дам давал ей отпор, тем более так дерзко.

– Джон, помнится, мы договорились с Вами потанцевать.

– Да, именно, – подыграл он ей. – Вы позволите?

Он поставил свой и ее бокалы на стол, взял ее руку и молча повел ее в самый центр зоны для танцев.

В голове Джон быстро сопоставил, во что может вылиться эта ситуация. Беата пыталась успокоиться, она понимала, что Элеонора хотела унижить ее перед Джоном. А она не собиралась никому такого позволять, а в его присутствии особенно.

– Я хочу попросить тебя обходить Элеонору Райт стороной. Она опасна.

– Я поняла тебя. Я просто не смогла себя сдержать. Она же пыталась меня унижить.

– Да, я это видел. Она назвала тебя Беатрис?

– Да. Я представлялась сегодня как Беатрис Бальса. Меня так называла бабушка, а Бальса – это ее фамилия. Я знаю, как ко мне начнут относиться, услышав русскую фамилию.

– Я думаю, ты абсолютно права. Беатрис Бальса, – он посмотрел на нее загадочно и нежно.

Потом он прижал ее ближе, и она, трепеща от счастья, положила свою голову ему на плечо.

По завершении танца Джон поцеловал ее руку. И удалился.

Трудно передать, как давно в обществе ждали подобного события, которое происходило бы у всех на виду, которое могли бы обсуждать все очевидцы и которое так волновало бы и тот и другой пол. Заманить Джона Стенли на светский прием уже было событием, а увидеть, что он перестал скорбеть по жене и танцует с дамой, было скандалом. А еще девушка, с которой танцевал столь обсуждаемый персонаж, вызывала вопросов не меньше. Все это обречено было вызывать бурю домыслов, споров и пересудов.

Главная устроительница торжества ликовала. Баронесса Кэтрин Рочестер поспешила подойти к Беате.

– Добрый вечер, мисс.....?

– Бальса. Беатрис Бальса.

– Откуда Вы, Беатрис Бальса?

– Простите, а с кем я имею удовольствие общаться?

– О, это мило. Я леди Кэтрин Рочестер. Устроительница этого торжественного вечера.

– Рада знакомству, леди Рочестер. Чудесный бал!

– Так откуда Вы, юная леди?

– Я из Испании. В Лондоне я живу и работаю.

– А чем Вы занимаетесь?

– У нас с Шарлоттой Стенли свой клуб для женщин. В нем можно купить платье за бокалом шампанского.

– Ваше сегодняшнее платье из ассортимента Вашего клуба?

– Да! Именно из него. И у Шарлотты тоже.

– Я хочу платье, похожее на Ваше.

– У нас есть точно такое платье, но в ярком синем цвете.

Мне кажется, ярко-синий подойдет к Вашему цвету глаз и волос гораздо больше, чем именно этот оттенок красного.

– Посмотрим. В понедельник я заеду, посмотрю Ваш Клуб.

Томас Найветт не отходил от Шарлотты на протяжении всего вечера. Они потанцевали три танца. По Томасу было видно, что он старается взять от этого вечера всё. Он удивлялся сам себе. Ему нравились свое решительное поведение и нежные глаза Шарлотты. Они много разговаривали на разнообразные темы. И договорились обязательно встретиться и сходить в определенное кафе, в кино, и даже в парк, он обязательно хотел показать ей какую-то скульптуру.

Беата решила, что ей лучше покинуть вечер на пике интереса к ней. И с этим решением она подошла оповестить Шарлотту. Разумеется, Шарлотта не хотела уходить. Беата поцеловала её в щеку и пошла к выходу, убедившись, что Томас торжественно обещает проводить Шарлотту до дома. По пути она встретила взглядом с Джоном, они проводили друг друга глазами до того момента, пока это было возможно физически.

Джон увидел, что с праздника она ушла одна. Ему это было приятно, но он не удивился.

В понедельник с утра Беата и Шарлотта очень пережива-

ли, действительно ли к ним приедет маркиза Рочестер. И как все пройдет. Ведь от ее мнения теперь зависело, сможет ли их Клуб стать популярным или она поставит на нем крест.

Леди Рочестер не обманула и приехала в понедельник после трех часов. После субботнего вечера все только и говорили о новых людях на этом мероприятии. И леди Рочестер надо было знать все раньше всех. И информацию о них и их нарядах она решила получить из первых рук. Хозяйки отвели ее в большой белый зал. Она отказалась от шампанского и чая и попросила кофе. Кофе как раз у девушек не было. И тогда Беата, которая уже заранее развесила платья для такой важной гостьи, побежала в соседнее кафе за чашкой кофе. Угощением к кофе Беата выбрала пахлаву и рахат-лукум с фисташками, который купила у Рабиба для себя и Шарлотты.

– Оригинальные у вас угощения, юные леди. Совершенно не ожидала. Приятное разнообразие.

Складывалось ощущение, что пока Леди Рочестер всем приятно удивлена.

– Леди Рочестер, я взяла на себя смелость и выбрала для Вас самые, на мой взгляд, оригинальные и роскошные платья, которые подойдут именно Вам.

– Очень на это надеюсь.

Шарлотта почти ничего не говорила, она очень нервничала. Маркиза была высокая женщина, с прекрасными чертами лица, синими глазами и аккуратно подкрашенными волоса-

ми пепельного блонда. Она была очень ухожена и прекрасно выглядела для женщины, у которой две уже взрослые, выданные замуж дочери, и уже есть внучка.

– Почему Вы выбрали этот ярко-розовый цвет? В моем возрасте, да и вообще он очень яркий и вульгарный.

– Я очень Вас прошу, просто примерьте это платье. Этот цвет не такой вульгарный, как ярко-красный. В нем есть и синий, и фиолетовый. Он гораздо лучше подойдет к вашим глазам и тону кожи. К тому же впереди весна, а весной хочется быть ярче и свежее.

Маркиза с явной неохотой надела на себя платье цвета фуксии из матового материала. Силуэт был как у русалки, с двумя воланами внизу, они отходили от юбки выше колен и шли до самого пола. Таким образом, движения в нём были более свободны, а за счет пышности воланов оно смотрелось роскошно. Бретели завязывались на широкие, но элегантные банты на плечах. Но когда она увидела себя в зеркале, то тут же поняла, что это попадание в десятку. Платье ей очень шло, и цвет смотрелся свежо и дорого. Она любовалась собой.

– Вынуждена признать, что Вам можно доверить выбор платьев. Давайте следующее.

И она купила у них четыре платья: цвета фуксии, синее, фасона как у Беаты, жемчужного цвета платье – у него был поистине королевский дизайн, атласная юбка была сшита так объёмно на бедрах и складками красиво шла вниз, а из юб-

ки как будто отдельно выходил корсет, весь обшитый декоративным жемчугом, плечи были закрыты, а на руки спадала атласная ткань. И, разумеется, черное платье, оно было прямого кроя, но спереди на груди были рюши, напоминавшие собой веер, от края большой рюши дождиком свисали черные бисерины, которые интересно играли при движении.

Маркиза Рочестер получила больше, чем хотела. Она начала уже представлять все те приемы, куда она наденет каждое из этих платьев, и предвкушала восторженные комплименты. Она выписала им чек и попросила позвать ее шофера, чтобы он забрал платья.

– И знаете что, я заберу с собой ваши сладости. Они мне понравились и навевают настроение. Мне кажется, я придумала стилистику, в которой состоится мой прием, назначенный на первое марта – всё будет в восточном стиле. Интересно, платье цвета фуксии подойдет под эту стилистику?

– Мне кажется, нет. Оно более элегантно. Восточный стиль – это золото и шифон.

– А у Вас есть такое платье?

Шарлотта переглянулась с Беатой.

– Есть. Но это платье я купила себе, – ответила Беата нерешительно.

– Я хочу, чтобы Вы показали мне это платье. Мне кажется, Вы должны будете мне его уступить, если оно мне подойдет.

– Мне тоже так кажется, – ответила Беата.

Беата пошла за своим платьем. Это было платье-футляр с

голыми плечами из золотой фактурной парчи. А поверх него была пришита прозрачная темно-синяя накидка из шифона, которая перекручивалась на груди, а шифоновые рукава от локтя свисали до пола.

Леди Кэтрин, примерив платье, окончательно приняла решение устроить праздник в восточном стиле.

– Я беру его. И, в благодарность за Вашу уступчивость, я пришлю вам приглашения на свой весенний прием. У меня будет день рождения. Я думаю, вы будете как свежей ветерок на моем приеме.

– Это большая честь для нас. Мы с Шарлоттой очень Вам благодарны и с удовольствием придем на Ваш день рождения. В свою очередь прошу Вас принять это платье как подарок на Ваш праздник.

Леди Кэтрин зашла за ширму, чтобы переодеться.

– Ваш Клуб меня не разочаровал, – говорила она из-за ширмы. – Я посоветую его своим дочерям и племяннице.

Беата взяла пятое платье, чтобы упаковать его. А Шарлотта тем временем уже приготовила коробку с пахлавой и рахат-лукумом для того, чтобы передать шоферу Леди Кэтрин.

Все прошло очень хорошо! Так считали хозяйки клуба.

Через две недели в клуб приехали дочери Леди Кэтрин с подругами. Они пили шампанское и сами выбрали малый розовый зал для примерок новых нарядов.

После их приезда в клубе пришлось вести запись, чтобы посетительницы не ждали. А также понадобились три по-

мошницы. В приёмную и на телефон, и по помощнице в каждый из залов.

Беата приехала к Рабибу и за чашкой чая со сладостями рассказала ему об успехе его платьев, предложила бросить другую работу и заниматься только пошивом платьев. Рабиб спросил, чего бы хотела видеть в его платьях сама Беата? «Бисер, кружево и перья» – был её ответ. Рабиб был доволен, что его платья доводят женщин до восторга, но он всегда вел себя так, как будто бы ничуть не удивлен и как-то само собой знал об этом всегда.

У Беаты было много работы. Она старалась брать на себя работу Шарлотты, потому что Томас ухаживал за ней, часто приглашал на свидания. И Беата очень радовалась за неё и старалась помогать во всем. Про Говнюка и пирожные для Уильяма и Джима она тоже не забывала. Адам учился, они давно не встречались.

Время летело быстро. Приближалось первое марта, и хозяйкам «Клуб у БеШа» надо было подготовиться к выходу в свет. Томас Найветт не был приглашен. Зато приглашение пришло Джону Стенли. Леди Кэтрин очень хотела утолить жажду любопытства и пересудов у своих гостей, поэтому позвала самых обсуждаемых персон того периода – Джона Стенли и Беатрис Бальса.

Для этого вечера Рабиб успел сшить Беате платье из многослойного шифона. У пояса платье было серое, но потом цвет переходил в прелестно персиковый. Получилось нежно,

оригинально и эффектно. Сверху платье было без рукавов, у горловины вырез был лодочкой. Беате пришлось достать из маминой шкатулки старинные серьги с желтыми бриллиантами в обрамлении маленьких бриллиантов. Шарлотта выбрала сиреневое прямое платье, полностью расшитое сиреневым бисером. Рабиб был вынужден нанять себе помощников, потому что не успевал уже справляться сам с заказами из Клуба.

Однако Джон на прием не пошёл. На это время он с братом, дядей Уильямом и своими людьми уехали в пригород решать вопрос с мезью Рея Брауна. Он письменно извинился перед леди Кэтрин и прислал ей в подарок кольцо, изготовленное из золота и камней, добытых его корпорацией. Отсутствие Джона Стенли сильно расстроило предвкушавшую новую волну пересудов леди Рочестер.

Прием был шикарен. Стены и потолок в зале были украшены тканями фиолетовых и оранжевых цветов, полупрозрачных и плотных тканей с золотыми окантовками. Поверх тканей висели бусы в тон тканям. При входе в зал стоял манекен верблюда в реальную величину с накинутым на него ковром, украшенным разными по величине треугольными осколками зеркал. По периметру зала были расставлены многочисленные диванчики с наваленными на них подушками фиолетового, оранжевого, голубого и розового цветов. Между диванчиками располагались круглые невысокие столики с угощениями в золотых блюдах и вазочках. В

них красовалась, отдавая медовым блеском, разнообразная по форме и виду пахлава: ромбы, квадраты, гнезда с орехами. Разноцветный рахат-лукум сменяла мраморная квадратная халва. В вазочках горкой возлежал крупный розовый круглый и светло-зеленый вытянутый виноград, поверх фиолетового инжира. Одним словом, создать атмосферу восточного праздника: яркого, сладкого, богатого, щедрого – леди Кэтрин бесспорно удалось.

Беата чувствовала себя обезьянкой в зверинце, на которую все смотрят и перешёптываются. Было понятно, что пока обсуждают только ее платье, ожидая, что она что-то этакое отчебучит.

– Здравствуйте, моя дорогая! – к ней тяжело приближался Чарльз Арчибальд. – Вы уж не обижайтесь, но сегодня я не смогу с Вами потанцевать.

– Здравствуйте, Сэр Арчибальд. Вам сегодня нездоровится?

– Моя дорогая, я не собираюсь жаловаться прекрасной незнакомке на стариковские болезни.

– Ну, тогда давайте я с Вами все-таки познакомлюсь и перестану быть незнакомкой. Тогда можно будет поговорить совершенно обо всём. Меня зовут Беатрис Бальса. Но Вы можете называть меня Беата, мне так приятнее.

– Я очень рад знакомству, мисс Беата Бальса!

– А теперь давайте Вы мне расскажите, что именно у Вас болит? Спина?

– Поясница и колени! А Вы, милая, учились на врача?

– Нет. Но, скажем так, я имела честь немалую долю своего времени проводить со стариками. Простите за грубость.

– Ничего, милая. Мне уже так давно никто не грубил, – он улыбался ей очень добродушно.

– Давайте мы с Вами поступим так! Я пришлю Вам по адресу одну китайскую мазь для поясницы и колен. Терять, думаю, Вам нечего. Предлагаю рискнуть и довериться мне.

– Вообще-то мой адрес все знают. И мне очень удивительно, что Вы до сих пор не в курсе, кто я.

– Мне очень стыдно. Я обязательно разузнаю всё про Вас.

– Сообщите, когда Вы собираетесь нанести мне визит.

– Я думаю, что опять Вас шокирую, но я планирую передать мазь Вашему дворецкому и уехать. Я не хожу с визитом в незнакомые дома, к малознакомым мужчинам.

Чарльз громко рассмеялся, да так, что на них все оглянулись.

– Давно меня никто так не смешил, как Вы, дорогая. Даже приятно, что Вы подозреваете меня в страстных нападениях на Вашу персону, оставшись наедине. Мысль о том, что Вы представляете меня таким порочным хулиганом, омолаживает меня.

Беата засмушалась и искренне улыбалась Сэру Чарльзу Арчибальду.

Всех позвали к столу. За столом осталось два свободных места. Но тут дверь зала отворилась, и прислуга проводила

к столу опоздавшего гостя.

– Я прошу простить меня за мое опоздание, леди Кэтрин, – к герцогине Рочестер подошел Оуэн Райт и поцеловал ей руку.

– А где же Ваша драгоценная супруга?

– О, к огромному сожалению, она чувствует себя очень плохо. Мы до последнего надеялись, что ей полегчает и мы сможем прибыть на Ваш праздник вместе, но, к нашему с ней великому разочарованию, легче ей так и не стало. В этом кроется причина моего опоздания. Я очень спешил принести Вам свои искренние извинения. А также поздравить Вас с таким большим праздником для нас всех!

– Вы, как всегда, очень изящны в своих изъяснениях. Разумеется, я переживаю за миссис Райт, но я очень рада, что Вы, Оуэн, разделите с нами этот праздничный вечер! Присаживайтесь, пожалуйста! И давайте уже приступим к обеду!

Она сделала жест рукой, и обслуга начала разливать напитки и нести разнообразные блюда.

Пока Оуэн Райт шел к своему месту, он осмотрел всех присутствующих и остановил свой взгляд на Беате.

За столом начали вести светские беседы. И Оуэн Райт, подхватывая эти беседы, всегда смотрел на Беату. Подбрав удачный контекст, он при всех попросил рассказать Беату о своем происхождении, чем поставил ее в тупик и дал понять, что он знает про ее русское происхождение.

Он, конечно, застал Беату врасплох. Она не готовилась к

такому повороту и не могла придумать ничего подходящего и неглупого.

Ей пришлось рассказать про свои корни и детство в России. Но она делала акцент на том, что теперь она принадлежит к семье своей бабушки Гарсия-Бальса и никаких отношений с русской аристократией не поддерживает, потому что всю её сознательную жизнь ее воспитывали как испанку.

Общество, с благословения хозяйки торжества, это приняло. Но Беата поняла, что Оуэн наводил о ней справки и неизвестно, какой еще информацией он о ней обладает и зачем ему это было нужно.

После ужина Оуэн подошел к Беате.

– Не хочешь потанцевать?

– Не хочу.

– В танце было бы проще разговаривать.

– Я не уверена, что хочу с Вами разговаривать.

– Я бы на твоём месте не был бы настолько дерзок со мной.

Это тебе так, дружеский совет. Давай тогда прогуляемся по дому и поговорим.

– Ещё чего выдумали. Я не пойду с Вами за пределы этого зала.

– А чего тебе бояться? Ты же можешь уложить меня как брата Стенли.

Беата была ошарашена. А он улыбался, торжествуя.

– А теперь ты пойдешь переговорить со мной?

– И теперь не пойду.

– Ну, хорошо. Я навещу тебя в «Клубе у БеШа». Приготовься.

По дороге с праздника Беата рассказала Шарлотте о разговоре с Оуэном Райтом. Шарлотта её успокоила и сказала, что надо рассказать об этом Джону.

– Нет, Шарлотта, прошу тебя. Я сама с этим разберусь. Мне не нужна ничья помощь, только твоя поддержка.

Шарлотта обняла ее, но решила все-таки рассказать Джону по секрету.

Через день Беата, как и обещала, передала дворецкому в родовом поместье Арчибальдов пять баночек с мазью для сэра Чарльза.

Оуэн Райт выждал десять дней и навестил Беату после работы. По дороге домой два его охранника запихнули ее в его припаркованную машину. А сами остались сторожить снаружи, пока босс не поговорит.

Беата была напугана.

– Добрый вечер, мисс Бальса или лучше Вадбольская?

Беата замерла. Теперь уже не было сомнений, что он навел про нее справки. Но какую именно информацию он добыл и как сам искажил ее своим восприятием? Беата молчала и пыталась успокоиться.

– Тебе, наверное, не терпится узнать, почему я так грубо затащил тебя в машину? Я бы пришел в ваш дамский клуб, но ты держишь его напополам со Стенли. Я хочу тебе кое-что разъяснить, – он говорил спокойно и, похоже, даже немного

рисовался. – Дело в том, что моя жена беременна и не подпускает меня к себе. Меня не покидает ощущение, что ребенок не от меня. Она очень полезна мне в моей карьере и вообще я ее по-своему люблю. Как и она меня. Я ей тоже полезен, я перспективен и подхожу ей для выхода в свет. Мы с ней похожи по духу, но вот в постели... не совместимы, – он улыбался. – Мы очень заботимся о наших репутациях, о репутации нашей пары в целом. Но я чувствую, что мое честолюбие задето. И мне необходимо свести счеты с женой, но по-своему. Я хочу изменить ей, но мне важно, чтобы женщина, с которой я ей изменю, была не хуже моей жены. А это нелегко. Но я думаю, Вы, юная леди, подойдете на эту роль.

Он сделал паузу, надеясь, что Беата как-то отреагирует на такой комплимент.

– Ты меня очень интригуешь: избиеение Мэтью Стенли и публичный танец с Джоном Стенли. Что у тебя там за взаимоотношения с семейкой Стенли?

Беата молчала.

– У тебя знатная и богатая семья в Испании, но ты решила получить образование и уехать жить в Лондон одна. Ты выбираешь жизнь на своих условиях. И мне интересно, каким ты видишь свое будущее?

Она спокойно смотрела на него, не произнося ни слова.

– Как я и думал, сделать тебя своей любовницей будет не просто. Я не люблю причинять физическую боль женщинам, да и, на примере Мэтью Стенли, я понимаю, что с тобой луч-

ше так не шутить. Поэтому я решил, что найти к тебе подход проще всего будет через шантаж. Я хочу, чтобы ты сама ко мне пришла. И хочу тебе сказать, ты зря так упираешься и драматизируешь. Я уверен, что тебе со мной очень понравится.

Беата опустила голову и, грустно усмехнувшись, сказала:

– Почему ты в этом так уверен? Твоей жене, как я поняла, не нравится, – Беата подняла на него злые глаза.

– Ей нет. А тебе да! Я чувствую твой запах, и я знаю, о чем я говорю. Ну, что ж... Ты можешь идти и провести вечер со своими предвкушениями. До скорой встречи!

Беата молча вышла из машины и побрела к себе домой. В ней смешались обида, страх, отвращение и тупая злоба. После этого, с позволения сказать, разговора она чувствовала себя максимально опустошенной.

Придя домой, она закрыла за собой дверь, взяла стакан и бутылку виски и налила себе до краев. Она выпила его почти залпом. Крепкий алкоголь сильно обжёг ей горло и грудь. Она села на стул и просидела, рассматривая пустой стакан, минут десять. Когда она пришла в себя, то решила все-таки приготовить себе бутерброды, чтобы продолжать пить виски хотя бы не на пустой желудок. Когда бутерброды с хамоном и сыром были готовы, кто-то сильно постучал в дверь. Беата схватила нож и подошла к двери.

– Кто там?

– Это Джон.

Помедлив несколько секунд, она открыла дверь.

– Это для меня нож?

– Нет. Не для тебя.

Она пошла на кухню за бутербродами и вернулась к столу в зале.

– Виски?

– Да.

Она достала стакан для Джона и налила половину ему, половину себе. Джон отпил из своего стакана. Беата выпила полностью свою половину.

– Для Оуэна Райта? – он покосился на нож.

Беата замерла. В ее глазах читалось подозрение и негодование.

– Шарлотта рассказала мне, что произошло на празднике у герцогини Рочестер, и я установил за тобой слежку. Мои люди видели, что ты сидишь в машине, и никто тебя не трогает. Если бы тебя куда-то собрались увезти или если бы стало понятно, что в машине к тебе применяют насилие, то они бы вытащили тебя оттуда.

– Спасибо! Это очень обходительно с твоей стороны! Ты переживал, что я могу что-то рассказать после работы у тебя в конторе? Не беспокойся, речь шла не о тебе.

– Я этого и не боюсь. Чего он от тебя хотел?

Беата раздумывала. Но потом ей очень захотелось, чтобы кто-то вступился за нее. Ну или хотя бы подстраховывал. И она пересказала ему всё, о чем в машине вещал Оуэн.

– Ну и что ты об этом думаешь? – спросил Джон.

– Я думаю, что Оуэн Райт не из тех людей, которые говорят просто так. А еще меня очень смущает его откровенность насчет своей жены. В любом случае, я не хочу жить в ожидании какого-то подвоха и постоянно боязливо оглядываться.

Она налила себе еще виски и опять выпила залпом. Наконец алкоголь начал действовать на нее.

– У меня есть предложение. Через три дня я уплываю в Нью-Йорк и предлагаю тебе отправиться со мной. Во-первых, это будет непредсказуемый шаг с твоей стороны для Оуэна. Со мной ты будешь в безопасности. Я тебе обещаю! А во-вторых, возможно, ты выиграешь время и Оуэн переключится на кого-то другого. Попросим Шарлотту, чтобы на вопросы о твоём возвращении из Америки она отвечала, что ты уехала навсегда.

– А долго ты собираешься пробыть в Нью-Йорке?

– Месяца полтора. Хочу вернуться к летним каникулам Адама. Ну, что думаешь?

– Я согласна.

– Собирайся! До отъезда тебе лучше не выходить на работу. Поживешь у меня.

– А в путешествии у нас будут разные каюты?

– Каюта у нас будет одна, но в ней есть две отдельные спальни. Я плыву в Нью-Йорк инкогнито. И забронировал каюту первого класса на фамилию Вадбольская. Ты теперь

Бальса, а фамилия Вадбольская была бесхозная, вот я ее и позаимствовал. Так что то, что ты будешь сопровождать меня, очень даже удачно.

– Я могу заплатить за свой билет.

– Собирайся.

– Мне еще нужно забрать из клуба три платья.

– Я завтра отвезу тебя туда, заодно предупредим Шарлотту.

Прислуга была шокирована, когда хозяин привез домой пьяную женщину с вещами. Спальню ей приготовили отдельную от хозяйской и никаких вопросов задавать не стали.

Следующие полдня Беата провела одна дома у Джона. Он уехал по делам. Многого нужно было успеть до отплытия. Она познакомилась с немногочисленной обслугой. И страдала от похмелья. В середине дня она набралась сил и поехала предупредить Рабиба.

Он трудился в своей квартире-мастерской с двумя помощниками. Беата попросила его выйти в коридор.

– Дорогой мой Рабиб! Я опять влипла в историю. И поэтому я на несколько месяцев уеду в Америку. Если тебя кто-то спросит, кто угодно, ты скажи, пожалуйста, что я уехала без возврата. Навсегда.

– Ты не хочешь мне рассказать, что случилось? Может, я смогу тебе помочь? Это не дело, что ты сама всегда пытаешься со всем справляться.

Беата загадочно улыбнулась и опустила глаза.

– В этот раз мне помогают, и я поеду не одна. А случилось то, что я привлекла к себе много ненужного внимания мужчин. То годами меня никто не замечал, а сейчас наступил какой-то безумный период, что всем от меня надо получить то, чего я давать не собираюсь.

– Вселенная так устроена – то пусто, то густо! И ты права, всё в нашей жизни периодами, но я думаю, в твоём случае дело именно в тебе. Ты просто создана для беспокойной жизни. Даже если сама для этого ничего не делаешь. Все дело в твоей энергетике и красоте.

– Ну, спасибо! Успокоил!

– Я рад, что появился тот, кто берет на себя твои проблемы!

Они еще немного поболтали о работе, и Беата ушла.

В феврале Кристофер выздоровел окончательно. И Торны решили пожить несколько недель в Париже. Отметить день рождения Кристофера и весной вернуться домой, чтобы Кристофер успел сдать все экзамены в университете.

В Париже Кристофер много гулял, пытаясь предугадать, ходила ли здесь в свое время Беата и видела ли она то же самое. Он посещал музеи, художественные и научные выставки. В этом волшебном городе к нему вернулось желание рисовать. Сидя в разных кафе, он заказывал себе кофе, ванильные эклеры и делал зарисовки. У себя в голове он составил список мест, куда он обязательно приведет Беату, и картин,

которые он ей хочет показать.

В одном из музеев он познакомился с очень милой парижанкой по имени Мишель. Они разговорились на почве живописи. Пошли прогуляться по Парижу, посидели в кафе, опять пошли прогуляться. И в какой-то момент Мишель поцеловала его в губы. Он ответил на поцелуй. Мишель предложила пойти к нему или в отель. Кристофер отказался. Больше они не виделись.

Возможно, если бы поцелуй произошел уже в какой-нибудь подходящей для секса обстановке, то Кристофер бы спокойно мог отключить мозг и заняться спонтанным сексом с француженкой. Но в данной ситуации, когда для секса требовались приготовления, он не смог в голове переступить через свои чувства к Беате.

Дело в том, что Кристофер не расставался с ней и не ставил никакой точки в отношениях. Последний раз, когда он ее видел, они занимались любовью, все было хорошо и у него было твердое намерение на ней жениться. То, что Беата отказалась от их отношений, было сказано только его матерью.

В середине марта Торны вернулись домой в Лондон, где их заждались родственники и друзья. В первую неделю их возвращения Кристофер нашел предлог и улизнул на поиски Беаты. То, что его мама отказалась от аренды его студии и избавилась от картин, Кристофер знал давно. Первым делом он приехал в квартиру, которую снимала Беата. Выяснилось, что ее уже с августа снимает какая-то семья. Тогда Кристо-

фер отправился в Китайский квартал и был шокирован увиденным. Развалины вместо популярной закусочной и следы от пуль. Занять это место кому-нибудь было запрещено. Закусочная Веймина служила показательным уроком.

«Господи! Надеюсь, Беата жива! Что же здесь произошло?». Поскольку китайским языком Кристофер так и не овладел, спрашивать о том, что здесь произошло, было бессмысленно. Кристофер не узнавал свой город, в его сердце зародился страх и чувство безнадежности.

Отступать он не умел. Вскоре он приехал на ту улицу, где работала Беата, он встречал ее всего пару раз, не помнил точный адрес, только улицу. Он решил заходить в каждую дверь и спрашивать про Беату. Вскоре ему повезло и к нему вышел Рабиб.

– Добрый вечер, сэр! Я ищу девушку по имени Беата.

– Добрый вечер! Она здесь не работает больше полугода.

– А Вы не знаете, где я могу ее найти? У неё все в порядке?

Рабиб был умудренным по жизни человеком и понял, что перед ним стоит тот, кто разбил малышке сердце летом.

– Два дня назад она уплыла в Америку.

– Два дня назад?! А куда в Америку? Зачем?

– Я не знаю. Но она сказала, что возвращаться не будет, и попрощалась.

– Черт! Черт! Черт!!

– После расставания с тобой на нее было больно смотреть.

Она смотрела на мир своими большими зелеными глазами,

но совершенно мертвыми. Внутри нее была боль от пустоты. А потом она попала в большие неприятности. Но она смогла справиться с ними, и сейчас она начинает новую жизнь. Я думаю, ты должен это знать.

– Спасибо.

Кристофер был просто раздавлен. Рухнули все надежды, которые он питал последние месяцы. Похоже, в отношениях была поставлена точка. Кристофер не мог смириться, что больше не увидит ее. Всё, чем он жил, только что рухнуло. Он был абсолютно опустошён и сбит с жизненного курса.

Ему было стыдно перед собой как перед мужчиной, что его мать причинила его любимой женщине такую боль. Большие неприятности, о которых сказал Рабиб, и расстрелянная закусовая старика Веймина говорили о том, что пришлось пережить Беате, а Кристофера не было рядом. Это сильно задевало его самооценку. Он хотел думать о себе лучше, но чувство вины ему не позволяло.

Прибыв с охраной в порт Саутгемптона, где была целая туча народу, Джон и Беата поднялись на корабль. Люди Стенли должны были поплыть в Америку несколькими неделями позже.

Каюта первого класса, бронированная Джоном, состояла из двух спален на разных концах их собственного коридора, зала для приема пищи, в котором находились маленький бар и рояль, и кабинета, который был рядом со спаль-

ней Джона. Все было выдержано в одном классическом стиле, в бежевых, коричневых и бордовых тонах. Спальня Беаты представляла собой большую квадратную комнату с ванной комнатой справа от кровати, и гардеробной, находившейся слева параллельно входу в комнату. Также слева находились иллюминаторы, диванчик и будуарный столик. Большая кровать из красного дерева с балдахином стояла напротив двери у противоположной стены. Спальная комната Джона выглядела зеркально.

Корабль благополучно отплыл. Разобрав вещи, Джон и Беата стали собираться на ужин. Беата была возбуждена. Она была в восторге от океана и от путешествия по нему. И еще от возможности того, что можно отключиться от всех проблем.

Большой светлый обеденный зал на корабле находился рядом с залом для танцев за распахнутыми стеклянными дверями. В танцевальном зале играла живая музыка. Пройдя танцевальный зал напрямую, можно было попасть в курительную комнату.

В этот вечер Беата решила надеть новое платье. Оно было черное с пышной юбкой из нескольких горизонтальных рядов воланов с небольшим разрезом на ноге. Верх платья представлял собой корсет с красивым лифом на толстых бретелях. Все платье, от бретели до самой нижней рюши, было усыпано черными переливающимися камнями. Выглядела Беата шикарно и дорого.

При входе в зал Джон не придерживал ее за руку. Он не проявлял никаких знаков внимания к ней, которые бы могли ее смутить и обозначить свое ухаживание за ней. Они зашли в обеденный зал и направились к своему овальному столу, за которым, помимо Беаты и Джона, сидели еще шесть пассажиров первого класса.

Их пара вызвала моментальный интерес. Они пришли вместе, но держались отдельно. Окружающих сразу заинтересовал статус двух этих красивых людей. Некоторые пассажиры узнали Джона Стенли.

Во время ужина пассажиры познакомились между собой и разговаривали на темы, связанные с кораблем и океаном. Когда соседки по столу задали вопрос Джону о статусе их с Беатой отношений, Джон ответил:

– Мы компаньоны, попутчики и друзья с мисс Беатой.

После прекрасного ужина Беате очень хотелось потанцевать, но никто ее не приглашал. А Джон встретил знакомых и ушел в курительную комнату. Вечер, который поначалу казался чудесным, обернулся для нее сидением за столом и общением с малознакомыми соседками по столу на не интересные Беату темы.

Когда Джон наконец вернулся из курительной, Беата сказала, что хочет вернуться в каюту и лечь спать. Джон сказал, что проводит ее, и что он тоже не против отдохнуть.

На следующее утро, завтракая с Джоном, Беата позвала его прогуляться по палубе. Он отказался, сославшись на то,

что ему нужно поработать в своем кабинете.

Гуляя по палубе, Беата, как могла, наслаждалась видом океана. Увидев ее одну и явно скучающую, к ней решил подойти и познакомиться один молодой человек. За ужином он сидел за отдельным столом и, кажется, ее соседки что-то про него рассказывали, но Беата особо их не слушала прошлым вечером. Звали его Карлос Исидоро де Альварес. Они с Беатой разговорились. И очень скоро выяснилось, что они могут разговаривать между собой на испанском, что для Карлоса было очень удобно, потому что по-английски он говорил скверно и с большим акцентом. Наверное, поэтому он вчера показался всем высокомерным и отстраненным. Карлос был высоким стройным брюнетом, с черными глазами и пушистыми черными ресницами. Он был обречен привлекать внимание всех незамужних барышень и их мамаш, потому что был не только красив и загадочен, но еще и потому, что являлся неженатым сыном президента Аргентины. В компании с Карлосом Беата провела время весело и незаметно. Он вел себя с ней очень мило и достойно. Они договорились потанцевать за ужином, так как Карлос выяснил статус её спутника и был этому очень рад.

Беата удалилась, чтобы пообедать в каюте с Джоном. После обеда она планировала полежать в ванной и начать готовиться к ужину. Джон заметил, что у Беаты радостное настроение, и тоже повеселел. Они прекрасно пообщались за обедом на отвлеченные темы и позже разошлись по своим

делаю. Джон ушел на встречу со своим лондонским знакомым.

Беата решила надеть свое красное шелковое платье. Настроение у неё было веселиться.

Джон вернулся и был готов сопровождать Беату на ужин при полном параде. Увидев ее в красном платье, его охватило чувство легкого волнения. Он для себя понял, что он не любит, когда она в этом платье, уж больно она была соблазнительна в нем.

Ужин прошел, как и положено, вкусно, за легкими приятными беседами с соседями по столу. Джон уже собрался пойти в курительную комнату и дошел до стеклянных дверей в танцевальный зал. Незадолго до этого начала играть музыка, приглашающая на танго. По залу пошел шёпот. Сын президента Аргентины сам лично подошел к музыкантам и заказал танго. Зал охватило трепетное любопытство, кого же он собирается пригласить так демонстративно и кто сможет составить ему пару в этом откровенном для британцев танце.

Карлос подошел к Беате и протянул ей руку, приглашая на танец. Она ему лучезарно улыбнулась и в его сопровождении пошла в танцевальный зал, по пути даже не заметив Джона. Она хотела танцевать!

Гул от шёпота по залу стал громче. Джон не захотел идти в курительную комнату. Он прислонился к стеклянным дверям и не сводил глаз с одной-единственной танцующей пары на танцполе.

Карлос вел ее поначалу аккуратно, проверяя, насколько она владеет этим танцем. Они наслаждались танцем и друг другом. Танцевали они легко, не пошло, играючи. К середине танца им захотелось большего, и Карлос уже начал танцевать с разнообразными поддержками, которые смотрелись страстно, мастерски и эффектно. Они много кружились и широко улыбались друг другу. Закончили танцевать они нежно и трепетно. Карлос многозначительно смотрел Беате в глаза, которые находились слишком близко к его глазам.

Джона колотило изнутри. Это была стопроцентная ревность. Зал гудел. Карлос проводил Беату на ее место. Джон, полный негодования, но пытаясь остаться непоколебимым, пошел покурить. Он быстро вернулся за стол, за которым соседки уже пытали Беату, где она научилась танцевать танго.

– Ну, если быть с Вами откровенной, это первый раз, когда я танцевала танго с мужчиной. Вы мне не поверите, но много лет назад танцевать танго меня учила женщина. Это была моя подруга. По ночам она работала танцовщицей в кабаре, а днем учила меня танцевать танго.

– Боже! Как это все необычно и жутко интересно! А зачем Вам с ней это было надо? – спросила одна не совсем молодая соседка.

Беата посмотрела на Джона и старалась подобрать слова.

– Ну, я очень люблю танцевать. А она хотела сделать мне приятное.

– Но это такой страстный танец! – не унималась соседка.

– Я бы с удовольствием посмотрел, как наша дорогая Беата танцует танго с танцовщицей кабаре! – подхватил другой сосед.

– Позже, насколько я знаю, моя подруга поставила этот номер в кабаре в Париже. – поддержала разговор Беата.

– Он, несомненно, пользуется успехом! – смеясь, добавил всё тот же сосед.

Джон молчал и пил виски. Беата заметила, что его настроение переменялось. Она понимала, что он злится. И постаралась закрыть эту тему.

Чуть позже Джон опять пошел покурить. Он немного успокоился. Сигареты и виски сделали свое дело.

Проходя по краю танцпола, на котором уже танцевало много пар, он заметил красное платье. Карлос опять пригласил Беату, и она согласилась. Пройдя в обеденный зал, Джон попытался завести беседу с соседями за столом, чтобы отвлечься. И так продолжалось весь вечер: Беата танцевала с Карлосом, Джон пил много виски и ходил курить.

В каюту Беата, разумеется, вернулась с Джоном. Она немного волновалась, потому что Джон был замкнут и пьян. Они молча разошлись, Беата в свою спальню, а Джон пошел в кабинет.

Совершив свои ритуалы подготовки ко сну, Беата легла в кровать. Дверь спальни она не запирала. И не успела она уснуть, как открылась дверь, из коридора в темную спальню падал свет. Она села в кровати. Джон прошел в ее гардероб-

ную и зажег там свет. Она услышала странные звуки, через секунд десять в дверях гардеробной появился Джон, дорывающий руками ее красное платье. Бросив разорванное платье на пол, он ушел, хлопнув дверью.

Беата, босая, подбежала к платью. Его, разумеется, было уже не починить. Но ее волновали не платья, а те эмоции, которые Джон выплеснул на платье. Она поняла, что он сильно приревновал ее, и, как ребенок, сорвал злость за этот вечер на ее красном платье.

С утра они завтракали молча. Было видно, что у Джона болит голова и что он не хочет обсуждать вчерашний вечер. Джон просто попил сладкий чай, не притронувшись к еде. После завтрака Джон пошел еще полежать.

Беата пошла на кухню и сделала особый заказ на обед. Она вспомнила, как поправлял здоровье её отец после весело проведенных вечеров и приемов. После чего она вернулась в каюту и пробыла в своей спальне до обеда, читая книгу.

Когда настало время обеда и им начали сервировать стол, Беата постучала в дверь спальни Джона. Он не спал. В его спальне было сильно накурено.

– Там принесли обед.

– Я не хочу есть.

– Пойдем, я выпью с тобой за обедом и станет легче.

Джон согласился. Они сели за стол, на котором стоял запотевший графин с водкой, булочки и суп, который специально заказала Беата. Это был суп на крутом бульоне из ба-

ранины с вареным картофелем, морковь и зеленью.

Они молча чокнулись запотевшими стопками с водкой и приступили к горячему супу. После второй стопки Джону действительно полегчало. По окончании обеда Беата позвала Джона прогуляться с ней по палубе. И она дала понять, что не отстанет в случае его отказа.

Прогуливаясь по палубе, Беата, поёживаясь от ветра, взяла Джона под руку, сославшись на то, что так теплее. Джон наконец-то улыбнулся впервые с прошлого вечера.

– Расскажи мне о себе. Я про тебя ничего толком не знаю. Расскажи о детстве.

Уже очень давно Джона никто не спрашивал о детстве. И очень давно он о нем не вспоминал и тем более не рассказывал. Но сейчас это было самое подходящее время. Прогуливаясь, они прошли два круга. Джон и сам не помнил уже многих вещей, пока не начал их рассказывать Беате. Им было сейчас очень хорошо вместе. Просто и хорошо.

Под конец их прогулки с лица Джона не сходила добрая улыбка, его глаза заблестели. Зайдя в каюту, они пошли собираться к ужину.

На сегодняшней вечер Беата выбрала платье, созданное Рабибом, то самое бежевое со светлой сеткой сверху, с разрезом чуть выше колена, а к сетке по всей юбочной части платья были прикреплены розово-сиреневые бабочки. А верхняя часть платья блистала кристаллами. Платье сидело идеально по фигуре, что только подчеркивало ярко выраженную

талию Беаты. Она в нем смотрелась нежно, насколько ей это шло, потому что ее типуажу внешности не очень подходили нюдовые тона и нежные платья. Волосы она убрала заколкой на один бок и сделала выдержанный и нежный макияж.

Когда она вышла на стук Джона в дверь, в его глазах читалось нежное восхищение. В зал они вошли отдельно, хотя Джону очень хотелось взять ее под руку, но он не смог придумать неявного повода.

После ужина Джон, как всегда, пошел покурить и задержался там дольше обычного, так как возник интересный разговор между его лондонским знакомым и другим пассажиром с корабля.

Выйдя обратно в танцевальный зал, он начал искать глазами среди танцующих пар Беату. Но не нашел. Он поторопился в обеденный зал. У открытых стеклянных дверей стоял Карлос, скрестив руки на груди. Он с вызовом посмотрел на Джона. Джон не отвел взгляда и остановился напротив Карлоса в ожидании того, что Карлос что-то скажет и даст ему повод выйти с ним на палубу и дать ему по роже за вчерашнее танго и за сегодняшней дерзкий взгляд. Карлос отступил. Не теряя еще некоторое время зрительный контакт с Джоном, сын президента Аргентины развернулся и пошел за свой стол.

Подойдя к своему месту, Джон увидел, что Беата сидит за столом, облокотившись головой на руку, а другой проводит пальцем по своему бокалу шампанского.

– Скучаешь?

От неожиданности она немного встрепенулась.

– Нет, не скучаю.

– Не хочешь потанцевать?

– С тобой?

– Да.

– Пойдем.

Он взял ее за руку и повел на танцпол.

– Только я не умею танцевать танго, – уколол ее немного

Джон.

– А кто сказал, что я люблю танцевать танго?

Они танцевали спокойно, медленно, прижимаясь все ближе. Им не хотелось разговаривать, хотелось крепко прижаться и прижимать друг друга. По телу Беаты побежала дрожь. Танец закончился, и Джон посмотрел ей в глаза, они были полны любви. Взгляд был беззащитным. И она, не выдержав, резко поцеловала его в губы.

Он не ответил ей, но, не отпуская ее руку, быстро пошел к выходу, ведя ее за собой. Абсолютно молча они дошли так до своей каюты и вошли в ее спальню. Джон закрыл за собой дверь и остановился напротив Беаты. Через мгновение Беата первая дернулась навстречу Джону, он тут же отреагировал, и они начали жадно целоваться. Одежда стала им невыносимо мешать. Беата стащила с Джона фрак и приступила к бабочке. Он расстегнул ей платье и, когда оно упало на пол, посадил ее на себя за бедра и понес в кровать. Положив ее

аккуратно на кровать, он начал нетерпеливо снимать с себя рубашку, последние две-три пуговицы он просто порвал и скинул её с себя. Беата расстегивала ему брюки. Они раздевались быстро и нетерпеливо. Он расстегнул ей лифчик и стащил трусы. Она стащила с него по колено брюки, дальше остальное с себя он скинул сам и вернулся к ласкам Беаты.

Проведя рукой по её груди, он вошел в неё. И, наконец, они хоть немного замедлились. Как долго он ждал этого момента! Голова шла кругом. Он с мужественным трепетом и спокойствием смотрел в её глаза. Они блестели и были полны доверия и нежности.

Она обвила его ногами и обняла руками спину. Он двигался сильно, стараясь проникнуть в нее как можно глубже. Немного погодя она вцепилась в его бедра и начала тереться половыми губами об него в то время, когда он был максимально глубоко в ней. Её грудь прыгала, Джон любовался ей. Спустя время она застонала, прикусив себе губу и случайно немного оцарапав бок Джону. После этого она обмякла. Джон закинул ее сведенные ноги себе на плечи и стал входить еще глубже, вдавливая ее в кровать и прижимаясь все ниже и ближе к ней. Благодаря занятиям боевыми искусствами она была очень гибкой и не создавала никаких препятствий для вдавливающих движений Джона. Джон долго не мог кончить, но, когда это произошло, Беата очень нежно и трепетно смотрела на него.

Он слез с нее и подошел к своему пиджаку за сигаретами.

Потом вернулся в постель и лег на подушку слева. Закурив сигарету, он левой рукой подтащил к себе Беату и положил ее голову себе на плечо.

Беата водила рукой по его груди. Они молчали. Через несколько минут Беата спросила:

– Ты кончил в меня. Ты хочешь от меня детей? – в ее голосе был необидный упрек.

– Да.

Она вскочила и села, облокотившись на спинку кровати. Она как будто пришла в себя. Джон заметил, что она растеряна, и решил говорить начистоту. Он был спокоен и слегка сдерживал улыбку.

– Если ты будешь беременна, то это избавит тебя от сомнений, выходить ли за меня замуж.

Разговор был очень неожиданным. Джон затушил сигарету.

– А ты хочешь на мне жениться?

– Да, хочу.

– Это ты мне предложение сейчас делаешь?

– Нет! Предложение я тебе сделаю завтра.

Беата онемела. Шок был приятным, но, как ни крути, это был шок.

– Ты любишь меня, я люблю тебя. Моя семья души в тебе не чает, и ты отвечаешь им взаимностью. Так зачем противиться?

– Ты выглядишь очень довольным собой! Только посмот-

ри на себя!

Джон действительно был очень доволен и не мог этого скрыть.

– Ты давно это придумал?

– Давно. Но мне нужно было, чтобы ты сама тоже дошла до этого.

– Почему ты так уверен, что понимаешь меня полностью? – Беата изображала возмущение.

– Я видел сегодня твои глаза после танца.

Беата потупила взгляд и перестала даже шутливо сопротивляться. Она любила абсолютно всё в нем и спокойно приняла это чувство в себе. Она молча спустилась, легла обратно к нему на плечо и обняла его одной рукой. Ей хотелось быть сейчас только здесь и обнимать его именно вот так.

Проснувшись она раньше Джона и пошла в ванную комнату. Выйдя из нее, она вернулась обратно в кровать. Но Джон, оказывается, притворялся, что всё еще спит. Он схватил ее и посадил верхом на себя.

– Доброе утро!

– Доброе утро! Зачем ты встала с кровати? Я вообще планирую тебя из постели не выпускать.

– Ах, вот оно как?!

Они начали целоваться. Опять же без особых прелюдий он вошел в неё. В этот раз все происходило спокойнее, но все равно достаточно страстно. Они оба долго подбирали подход друг к другу и поэтому их тела были уже сильно истосковав-

шимися по тем моментам, которые рисовало их воображение. Они были жадными друг до друга. И, наконец, наступило единство телесного и эмоционального желания.

Когда Беата кончила, Джон положил ее на себя, чтобы она отдыхала, а сам продолжил двигаться интенсивнее, находясь в ней и держа ее за бедра. По окончании акта они продолжили целоваться.

Беате тоже не хотелось вылезать из постели с Джоном. Если бы не дикое чувство голода, она бы точно не двигалась с места. И даже на завтрак они попросили не сервировать им стол, а оставить всё на подносах на тележке. После ухода обслуживающего персонала Джон прикатил тележку к ее кровати, и они завтракали там.

– Расскажи мне о себе всё-всё! Я хочу все про тебя знать! Что это за история с танцовщицей кабаре, которая учила тебя танцам?

– Ну, я уверена, ты наводил справки обо мне.

– Конечно.

– Но откуда я знаю танцовщицу кабаре, тебе не известно?

– Нет. После обучения тебя направили в Париж в пекарню или кондитерскую. Потом ты жила и работала в Китайском квартале года два, может больше. Потом ты съехала оттуда и пошла работать в текстильную контору. Но старику в закуской всё равно помогала. Потом... ты решила поработать на мою семью в конюшне у Уила. Вернемся к вопросу про подругу, работающую в кабаре.

– Я тоже работала в кабаре.

– Вот как? – у Джона поднялись брови. – Кем?

– Официанткой. Я знаю, о чем ты подумал, услышав, что я работала в кабаре. На протяжении всей моей работы там я вообще была девственницей. И на официанток там никто внимания не обращает. Они как невидимки, приносят и уносят еду и напитки.

– Даже если бы ты работала в кабаре танцовщицей, мое отношение к тебе не изменилось бы. Я просто подумал, как бы сделать так, чтобы это никогда не всплыло в высшем свете Лондона.

– Приятно слышать. Так вот. Со мной подружилась одна танцовщица, которая научила меня танцевать танго.

– Странно всё это немного. Я никогда не пойму француз.

– Ну, это не так странно, если учесть, что ей нравились женщины. И обучение танго носило под собой корыстный подтекст. Позже она попыталась заняться со мной любовью. Но, слава Богу, я носила при себе нож. Это было до того, как я начала обучаться кунг-фу.

– Вот это уже интереснее. И что, ты отвергла ее, угрожая ножом? Или ты...

– Нет, я не пустила в ход нож, просто показала ей, что не надо меня трогать и что я немедленно хочу, чтобы она слезла с меня.

– Я бы посмотрел на это.

– Я сейчас оглядываюсь на всё это и понимаю, каким же я была ещё ребенком. Диким, запуганным. Я ведь даже не понимала до последнего, что я ей нравлюсь, и она трогает меня во время танца не просто так.

– Дружба ваша закончилась?

– Да. Она обвинила меня в воровстве и меня уволили. Слова танцовщицы против безликой официантки.

– Зачем ты вообще туда пошла? Тебе нужны были деньги?

– Нет. Я была в Париже, в городе с особой атмосферой. Меня попросили помочь один раз и подменить официантку. Мне было любопытно посмотреть, что же такое кабаре. И меня затянуло.

– А потом ты с кем-то лишилась девственности?

Беата покраснела.

– Не отвечай мне. Это я так... Я не хочу знать про твоих бывших любовников.

Джон сам перевел разговор на другую тему. Перед обедом они снова занялись любовью. А после обеда, который сопровождался шампанским, Джон подошёл к Беате и встал на одно колено.

– У меня нет обручального кольца, но я считаю, что это не повод откладывать свое предложение. Беата Вадбольская, ты выйдешь за меня?

– Да! Я хочу быть Стенли!

Они поцеловались.

– Я знал, что вначале тебя нужно будет покормить и опо-

ить, перед тем как сделать предложение.

– Ты всё правильно сделал! И мне безумно нравится то, какой ты хитрец!

Беата улыбалась, глаза её сияли.

– Прибудем в Нью-Йорк, купим тебе кольцо, какое только пожелаешь. Купим тебе платье. Пойдем в Консульство Великобритании и распишемся.

– Ты хочешь пожениться в Америке? Я думала, мы отпразднуем свадьбу в Лондоне с семьей!

– Мы непременно отпразднуем свадьбу с семьей, но я не хочу медлить. Думаю, лучше будет нам как можно быстрее расписаться. А потом, уже будучи мужем и женой, мы закажем большую свадьбу в Лондоне.

– А мы можем себе позволить закатывать небольшую свадьбу? Я бы хотела праздник в кругу своих близких людей. Я не хочу видеть тех, кого я не знаю, и полвечера улыбаться неискренним поздравлениям.

– Да, я думаю, ты абсолютно права. Мне это тоже больше по душе. И мы можем себе это позволить. Хотя я очень хочу торжественно представить свою супругу в обществе. Но это можно будет сделать на ближайшем светском приеме после свадьбы!

– Замечательно! – она его поцеловала.

Вечером они не стали собираться к ужину, а остались в Беатиной спальне. Они наслаждались долгожданным общением друг друга. Даже лежать в обнимку молча им было

спокойно и хорошо, как никогда. Каждый мог думать о своем, но все равно быть вместе с самым дорогим в жизни человеком.

Джон думал о том, что его отношение к Беате сильнее, чем предыдущая любовь к Еве, и он не понимал, почему он так устроен. Думал о том, как представит ее в свете, и представлял лицо Оуэна. Мысли о грядущих делах с Биллом Коллинсом он сознательно игнорировал.

Беата думала о том, как бы отреагировали родители на ее будущего мужа. Не обидится ли Рабиб, если она купит в Америке несколько платьев для себя и для продажи в клубе. Думала о реакции Уилла, Мэтью, Шарлотты и, конечно, Адама. И думала о том, что ей делать, если она увидит Кристофера.

До конца плавания Джон и Беата почти не выходили из своей каюты, за исключением тех редких случаев, когда вместе в обнимку прогуливались по палубе. Как-то раз после завтрака Беата обошла стол, села на коленочки перед Джоном и сделала ему минет. Она сама получала от этого процесса удовольствие. Беата проводила головкой себе по небу и потом на выдохе опускалась ниже и глубже, помогая себе рукой у основания подкручивающими движениями. Когда Джон кончил, она проглотила всё содержимое своего рта. Джону было любопытно и страшно узнать о ее опыте. Его жена была невинной, и Джон учил ее всему на свой вкус. В их интимной жизни все было прекрасно, но не было сюрпризов.

А в интимных отношениях с Беатой он не учил ее, а познавал ее вкусы и открывал для себя нюансы интимного знакомства с телом опытной любимой женщины, потому что с проститутками он о таких вещах, разумеется, не задумывался.

В последний вечер на корабле они все-таки решили выйти на ужин. Беата надела атласное платье в пол на тонких бретелях бронзового цвета, с отделкой из черного кружева на груди. Соседи по столу больше не интересовались их статусом. Перед ними сидела влюбленная пара.

По прибытии в Нью-Йорк Джон снял номер люкс в шикарном отеле. Интерьер был модным и стильным, но неудобным и каким-то чужим. Все зеркальное, блестящее в синих, серых стальных тонах.

Вечером перед ужином они отправились в ювелирный магазин покупать себе кольца. На следующий день Беата выбирала себе свадебный наряд, а Джон договорился в консульстве о церемонии бракосочетания, назначенной на завтрашний день на 12 часов дня.

Беата выбрала кружевное белое платье-футляр по длине чуть ниже колен, с длинными ажурными рукавами и ажурным вырезом лодочкой. Белая фата с кружевной окантовкой спускалась ниже пояса.

Джон купил ей букет из белых орхидей и к положенному времени они отправились в консульство. Сердце плясало от счастья, на глаза наворачивались слезы. Они испытывали абсолютную нежность друг к другу и прочувствовали этот тор-

жественный для их чувств момент.

Столик для свадебного обеда мистера и миссис Стенли Джон забронировал в дорогом ресторане, где подавали испанскую паэлью с морепродуктами.

Элизабет и Чарльз Торны по поведению сына поняли, что он искал Беату и не нашел. «Все-таки она сдержала слово» – подумала леди Торн. Кристофер замкнулся в себе. Но прошло уже слишком много времени с тех пор, как они виделись в последний раз. А травма головы, полугодовое лечение за границей стали создавать ощущение нереальности существования Беаты. Как будто она была в другой жизни или во сне.

Друзья, которые очень истосковались по Кристоферу и хотели узнать про его приключения в Европе, взяли его в оборот и не отпускали. На всех девушек в компании он действовал мистически притягательно. Травма, которую пережило его сердце, придавала ему глубину и шарм, который просто сводил сверстниц с ума.

И Анджела решила, что как раз сейчас то время, когда ей пора забрать Кристофера себе. Но будучи девушкой капризной и честолюбивой, она, разумеется, хотела, чтобы он сам проявлял ухаживания. Но, видя, что он сдержанно любезен абсолютно со всеми, она решила подтолкнуть его с помощью алкоголя и устроила вечеринку на 1 мая. На вечеринке она была в облегающем ярко-бордовом платье. Подстро-

ив все так, чтобы он сам пригласил ее на танец, в танце она прижималась к нему очень откровенно и терлась своим телом о его. Природа сделала свое дело очень быстро. Через пятнадцать минут они уже занимались сексом в ее комнате. И еще два раза этой же ночью. С утра после вечеринки Андже́ла нарочито обнимала его и целовала при всех, и после этого отказаться от отношений с ней было бы крайне неловко перед ней и друзьями. Да и не особо Кристоферу и хотелось. Ему нужен был секс. И в этот период его жизни ему была необходима девушка, которая будет его вести. Андже́ла любила верховодить и умела это делать мудро и красиво.

Летом после экзаменов, которые Кристофер сдал благополучно, Андже́ла начала распускать слухи об их с Кристофером помолвке. Родители, друзья и весь свет с радостью подхватили их. И осталось только дожидаться Кристофера, но он отшучивался и пока твердо решил для себя, что о помолвке говорить рано, и с предложением для Андже́лы не спешил. Мисс Дамори начала активно общаться с его семьей и подружилась с мамой Кристофера, так как часто бывала у них дома. И даже в его художественной мастерской, которую он организовал на первом этаже своего дома, переделав старую оранжерею, чтобы было больше света, Андже́ла почти всегда была рядом, кроме тех случаев, когда она общалась с Элизабет Торн.

Самостоятельно Кристофер теперь нигде не появлялся, везде и всегда его сопровождала Андже́ла. На светских вы-

ходах все восторгались их парой, считая, что это будет весьма гармоничный и удачный союз. Но Кристофер придерживался выбранного им курса.

После того как в Нью-Йорк прибыли люди Джона, он занялся делами. А именно выяснением отношений с Биллом Коллином.

В компании нескольких крепких ребят Джон навестил Билла в офисе его компании. Секретарша пыталась остановить их, но люди Джона остались с ней, чтобы она не начала звать на помощь и кому-нибудь названивать. Джон хотел поговорить с Биллом один на один.

Билл был крупным мужчиной в самом расцвете сил. Он был года на три-четыре старше Джона. С голубыми бесстыжими глазами, которые, казалось, никогда не бывают серьёзными.

– Доброго дня, мистер Коллин!

– О! Мистер Стенли!

Джон, не дожидаясь приглашения, сел в кресло напротив Билла.

– Скажу по правде, Ваш визит меня очень радует! Видит Бог, я обрадовался, когда узнал, что убить Вас не получилось. Мне очень не хотелось терять Вас так рано.

– Я польщен. Какие в дальнейшем у Вас планы на меня?

– Я слышал, Вы женились в Нью-Йорке. Думаю, Вам наверняка захочется наслаждаться жизнью, как и положено мо-

лодоженам. А законопроект, который Вы продвигаете, сильно ударит по моему благосостоянию и помешает мне наслаждаться жизнью в полной мере. Торговать на новых условиях станет весьма невыгодно. Мне кажется, что устраивать войну нам обоим сейчас неинтересно. Я знаю, что в Нью-Йорк прибыли Ваши люди. Я склоняюсь к тому, что они нужны скорее для подстраховки на случай форс-мажора.

– Мне был неизвестен Ваш настрой.

– Сейчас он более чем партнерский. И я уверен, у Вас есть интересное предложение для меня. Выпьете?

– Да! Джин с тоником, если есть.

– Разумеется, есть.

Билл поднялся со своего кресла и налил два стакана джина с тоником. Один стакан он протянул Джону. Оба подняли их в знак солидарности и отпили.

– Я бы не хотел сворачивать свой законопроект. Это плохо повлияет на мою деловую и политическую репутацию. Моё предложение таково. Я создаю в Нью-Йорке предприятие под своим именем, и через него Вы продолжите поставки своих товаров в Великобританию без каких-либо запретов со стороны моей страны.

– Какими будут условия?

– Кажется, Вы говорили про партнерский настрой?

– Нет, это слишком много. Дешевле будет опять кого-то нанять.

– Не факт, что новые попытки увенчаются успехом. А вре-

мени для утверждения законопроекта всё меньше. Для поддержания Вашей симпатии, о которой Вы распинались в начале разговора, я готов согласиться на гораздо меньший процент.

– Тридцать процентов от чистой прибыли Вас устроят?

– Вполне, – Джон допил свой джин.

– Тогда займемся оформлением. Я помогу Вам урегулировать все юридические дела в моей стране. Скажите мне честно, Джон, я же теперь могу рассчитывать на искренность?

– Разумеется.

– Почему ты пошел на мировую, тем более так быстро согласился с предлагаемым процентом? Я приготовился бороться с тобой до последнего, а ты слетел в самом начале.

– Дело в том, что моя семья нажила много врагов. И я решил сократить их количество, пока я в силе, чтобы можно было наслаждаться, как ты и сказал, жизнью с молодой супругой.

– Да, я слышал о безвременной кончине Рея Брауна.

– Завтра с утра к тебе подъедет мой юрист.

– Мои люди подготовят необходимые документы.

Джон встал с кресла и направился к выходу.

– Джон, я хочу пригласить тебя с молодой супругой на благотворительный прием, который устраивают моя жена и еще несколько неравнодушных жен буржуазного Нью-Йорка. Прием состоится в пятницу, я пришлю приглашения вам в отель.

Джон кивнул и удалился.

Пока Джон решал проблемы со своими врагами и партнерами, Беата занималась своей работой. Она вдохновилась Нью-Йоркской модой и ходила по бутикам в поисках оригинальных платьев для их с Шарлоттой Клуба. Какие-то модели она покупала и тут же оформляла доставку в Лондон на адрес Клуба. Какие-то она покупала для себя, ведь ей предстоит выходить в свет в статусе супруги члена парламента.

Когда Джон сообщил Беате, что в пятницу они приглашены на благотворительный прием, Беата этому очень обрадовалась. Можно будет потренироваться перед выходом в Лондоне.

Для приема она выбрала изумрудного цвета платье из фатина силуэта русалки, причем пышная юбка начинала расклешаться от середины бедра. Плечи были открыты. На открытую шею она надела кольцо из изумрудов своей матери и изумрудные серьги. Всё это очень красиво гармонировало с ее зелеными глазами. Свои густые волосы она убрала в прическу, открывающую ее шею и придающую ей возраста и благородства, но не умаляющую ее красоту.

На приеме всё было вычурно. Велся аукцион картин, деньги от продажи которых должны быть направлены на благотворительные нужды для жен и детей, чьи мужья и отцы погибли на войне.

Беате не понравилась ни одна из представленных картин. Очень скоро поприветствовать Джона и молодую мис-

сис Стенли подошел Билл Коллин со своей супругой Амандой. Аманда была хрупкая по строению женщина, с лицом, измученным жизнью, и большими грустными орехово-кари-ми глазами, в шикарном синем платье, которое, к сожалению, совсем ее не освежало.

Рядом с роскошной и молодой миссис Стенли Аманда немного стусевалась. И по ней было заметно, что это ее обычное состояние.

– Добрый вечер, мистер и миссис Стенли! Мы с Амандой очень рады, что Вы пришли! – Билл пожал руку Джонну. – Дорогая, познакомься, это мистер Джон Стенли и его супруга...

– Беата! Беата Стенли! – ответил Джон. Миссис Коллин пожала руки Джону и Беате в знак приветствия.

– Рада познакомиться! Билл говорил, что на днях вы поженились в Нью-Йорке. Я спешу вас поздравить!

– Благодарю! – ответила Беата. Ей было непривычно, но приятно.

– Ну, а я новый партнер Вашего мужа, Билл! – Билл взял руку Беаты и поцеловал.

Миссис Коллин вида не подала, но Джон и Беата заметили, что это было неуместно. Билл не сводил глаз с Беаты и смотрел ей прямо в глаза. Беата стусевалась. Овладеть этой неловкой ситуацией пришлось Аманде.

– Вы уже видели, какие в этот раз у нас представлены необыкновенные картины? – спросила она у Беаты и повела

ее под руку к месту, где они выставлялись. Аманда немного рассказала о каждой. Видно было, что она на совесть подготовилась к вечеру.

Джон и Билл перекинулись парой фраз о том, как идет оформление документов. Джон подготовил людей, которые останутся в Нью-Йорке и будут работать в новой компании. Билл познакомил Джона со своими приятелями, занимающими не последнее место в бизнесе и политике США.

Официанты разносили шампанское. Беата с удовольствием взяла себе бокал. Аманда оставила Беату одну, так как ей необходимо было поздороваться с кем-то из вновь прибывших гостей. Беата ходила среди картин и незнакомых людей и немного скучала. Остановившись напротив одной из них, Беата задумалась, глядя сквозь нее. Это было большое полотно, на котором было изображено огромное количество мазков, сделанных золотой масляной краской. При этом низ картины, примерно одна пятая от всего остального золотого пространства, плавно переходил от розового к фиолетовому.

– Вам нравится эта картина, миссис Стенли? Я куплю её для Вас!

Беата обернулась, за ее спиной стоял Билл Коллин.

– Спасибо, не стоит! Если мне понравится картина, я попрошу ее у мужа или куплю сама!

– Я ничуть не сомневаюсь, что у Вас и вашего супруга есть такая возможность.

Просто я как новый партнер Вашего мужа и гостеприим-

ный житель Нью-Йорка хочу преподнести Вам подарок на память о нашем знакомстве.

– Билл, давайте начистоту. Принимать такие подарки от постороннего мужчины мне, как замужней даме, неприлично. Будь Вы хоть сто раз партнер моего мужа.

– Вы решили со мной не церемониться. Что ж, давайте и я буду с Вами откровенен.

– А вот этого не стоит!

– Вы не считаете, что это несправедливо, Вы позволяете себе быть откровенной, а мне запрещаете? Я не могу понять, сколько Вам лет.

– А Вы, я смотрю, не отступаете и всё еще надеетесь меня заболтать.

– Постепенно становится понятно, что Джон Стенли в Вас разглядел. Ведь красивых мордашек полно, а Вы...

– А я, пожалуй, поищу своего супруга! Хорошего вечера, мистер Коллин.

Билл, не смущаясь никого, смотрел ей вслед похотливым взглядом.

Беата нашла Джона. Он, в свою очередь, познакомил ее со своими новыми друзьями. До конца вечера Беата не отпустила руку Джона.

Ночью в своем номере, во время того как они переодевались после приема, Джон спросил у Беаты:

– Билл приставал к тебе?

– Скажем так, он прощупывал почву. Я была с ним сдер-

жанна и даже слегка груба.

– Ты можешь говорить мне о таких вещах, и я сам буду разговаривать с мужчинами, а не ты. Тебе больше не надо самой обороняться. Ты должна доверить это мне.

– Ты знаешь, я боюсь опять становиться беззащитной. Мне это уже непривычно. Я так долго училась себя защищать, что отвыкнуть уже вряд ли смогу. Я еще до конца не осознала, что я жена, и что мой муж настоящий защитник.

– Давай ты будешь изредка давать мне такую возможность. Ты моя жена, и твои проблемы и неприятности – это то, что я решаю.

– Иди ко мне, – она обняла его и начала целовать.

Падая на кровать, она повалила его на себя. И они занялись тем, чем положено заниматься молодоженам всякий раз, оставшись наедине.

Перед отъездом домой Беата затащила мужа на постановку Бейского мюзикла. Как любая воспитанная девушка, Беата очень любила театр, мюзикл, оперу, балет.

Там они встретили Билла Коллина с красивой и роскошной мулаткой под руку. Его наглые выходы в свет с любовницами делали глаза его жены все грустнее, а ее лицо старше.

Билл обычно без стеснения и даже с некой гордостью знакомил своих любовниц с друзьями. Но было заметно, что перед Беатой он умудряется испытывать неловкость. Беата же, в свою очередь, проявила поистине дворянскую выдержку и не показала ни одним мускулом на лице, что удивлена или

возмущена его публичной изменой. Она вела себя воспитанно и приветливо.

Это немного расслабило Билла, и он предложил продолжить обсуждение впечатления от мюзикла в одном модном ночном клубе Нью-Йорка. Стенли приняли его предложение.

В ночном клубе было шумно, душно, накурено, но атмосфера была чертовски веселая. Музыкальный коллектив из афроамериканцев играл умопомрачительный джаз. На специальных стойках, похожих на высокие столы с лестницей, танцевали девушки в бархатном нижнем белье со стразами и на каблуках. Официанты разносили разноцветные коктейли в бокалах самых разнообразных и диковинных форм.

Билла в этом клубе очень хорошо знали. Сразу стало понятно, что он в этом клубе завсегдатай по количествужимающих ему руку или обнимающих его людей. А девицы, не стесняясь Латойя, так звали сегодняшнюю любовницу Билла, целовали его во время приветствия. Администратор проводил Билла и его гостей к его столику, который всегда был зарезервирован для Билла Коллина.

Беата для начала решила попробовать коктейль Clover Club; Латойя любила коктейль «Кровь и песок»; Билл – Негрони, а Джон – джин с тоником. После парочки коктейлей Билл попросил у Джона разрешения потанцевать с его женой.

– Дорогая, не хочешь ли ты потанцевать с Биллом? Он

обещает держать себя в жестких рамках приличий, – Джон выразительно посмотрел на Билла. Тот, в свою очередь, сложил руки как в молитве в знак смирения.

– Хорошо, как раз проверим, стоит ли верить его обещаниям, – коктейли сделали свое дело и у Беаты было дико игривое настроение, и жутчайшим образом хотелось танцевать под такую заводную музыку.

Билл же был очарован Беатиным замечанием про обещание. Он вообще настроился очаровываться Беатой. Ему очень нравилось, что она достаточно умна для своего возраста, мудра и смела в своих высказываниях, и вместе с тем он понимал, что под воздействием коктейлей в ней просыпается та еще заводная оторва. Свое обещание Билл, однако, сдержал и танцевал хоть и энергично, но без смущающих Беатину приватность прикосновений.

Во время танца трудно было разговаривать, но Билл решил не упускать эту возможность пообщаться с ней наедине в таком озорном её состоянии.

– Ты вызываешь у меня непонятные эмоции родом из детства. Такое ощущение, что я с тобой в нем был знаком. Понимаешь, о чем я?

– Ну, во времена твоего детства меня еще на свете не было.

– Напоминаешь ты мне кого-то из моего детства, поэтому у меня ощущение, что я тебя знаю.

– А Латойю ты тоже с детства знаешь?

Билл рассмеялся.

– Я понимаю, к чему ты клонишь! Нет, я не всем женщинам говорю одно и то же. Я тебе больше скажу, что того, что я сказал тебе, я еще никому не говорил. Я считаю, что всё, что касается детства и тех ассоциаций – это глубоко личное.

– Пойдемте выпьем?

– Хорошо, но не обращай ко мне больше на Вы никогда. Я не хочу от тебя этого слышать.

– Договорились, Билл.

Беата с Биллом сильно напились в этот вечер разными коктейлями, и Джону пришлось усаживать Билла в его машину с ведром для шампанского, потому что было очевидно, что его в дороге укачает. Он ловил такси для Латойи, а потом для себя и своей супруги, которая без поддержки не могла стоять на ногах.

Ехать до отеля им оказалось совсем недолго, и Беату не укачало в такси. Зато в номере отеля она долго пробыла в ванной комнате. Потому что, как любая воспитанная девушка, Беата не могла не поделиться своими эмоциями от посещения мюзикла. Ещё никогда её так долго и сильно не рвало. Ах, Нью-Йорк! Нью-Йорк!

Пришло время прощаться с Нью-Йорком и ехать сообщать родным о том, что они приглашены на свадьбу. Как раз у Адама начнутся летние каникулы, и после свадьбы можно будет забрать его отдохнуть на море и продолжить проводить медовый месяц.

Плавание прошло без происшествий. Джону очень хотелось удивить и обрадовать свою семью и друзей. Поездка оказалась весьма удачной. Беата возвращалась домой счастливая и окрыленная поездкой. Она обрела мужа, сына, семью, а также много красивых и моднейших нарядов. Ещё она накупила всем подарки и даже про Рабиба и Чарльза Арчибальда не забыла.

Джон один заехал к полковнику Уайтту и поделился с ним новостями. Они выпили виски, и Джон уехал, забрав у него временно гостившего после школы внука.

По дороге домой Джон завез Адама к дяде Уильяму, чтобы покататься на лошадях. Туда же он позвал Шарлотту и Мэтью. Беата должна была подъехать чуть позже. Подвести туда ее с подарками и сувенирами из Нью-Йорка должен был Кaleb, которому Джон первому из своих людей сообщил, что он теперь женат и его жена Беата. Кaleb поздравил его от души. Он был рад за босса.

– Ну что, родные мои! Я собрал Вас для того, чтобы сообщить, что вопрос с тем покушением на нашу семью урегулирован полностью. И в Нью-Йорке я женился!

У Шарлотты, которая знала, что они вместе с Беатой уплывают в Америку, округлились глаза по максимуму.

– Да иди ты! – воскликнул Мэтью. – Ты по пьяни, что ли, женился на американке?

– Не томи уже! – добавил дядя Уильям.

Адам растерянно стоял и хотел расплакаться от страха и

ощущения, что отец станет еще более чужим, чем был.

– Кaleb скоро привезет ее сюда, а пока я прошу вас вести себя прилично и не обижать её. Я люблю эту женщину. Сын, ты чего такой напуганный? А вот и она!

К ним приближались Кaleb, завешанный большими и маленькими бумажными пакетами, и явно волновавшаяся Беата.

– Знакомьтесь, миссис Стенли! – Джон обнял ее, и она уткнулась в него носом от стеснения.

– Да иди ты! – Мэтью разгоготался.

Шарлотта подлетела обнять их. В глазах у неё стояли слезы радости. Она расцеловала их в щеки.

Потом Адам не выдержал, бросился к отцу и расплакался. Джон отпустил Беату и обнял сына.

– Как ты уговорил её?! Это же бешеная баба! Дай я тебя расцелую! – Мэтью взял Беату за щеки и крепко поцеловал. – Ну, вы видали? Вот кого Джону не хватало-то!

Адам взял себя в руки, вытер рукавом слезы и протер им же нос. Беата присела на корточки и взяла его за плечи.

– Я тебе обещаю, что я никогда тебя не обижу! И всегда буду стараться быть тебе хорошим другом! Я сама очень боюсь, как у меня получится быть тебе второй мамой! Ты помоги мне в этом, если что!

– Я испугался, что вдруг папа женился на какой-нибудь ведьме, которой не нужен его сын. Но тебя я не боюсь. Ты хорошая. И я тоже буду тебе хорошим другом и сыном. Я

ведь даже люблю тебя.

Беата обняла его и прижала к себе. У него опять покатились слезы. Мальчишка испугался и переволновался.

– И я тебя очень люблю. – сказала ему негромко на ушко Беата.

Все смотрели на то, как Адам принял Беату. Потом Уильям подошел пожать Джону руку и обнять.

– Я рад, ты всё правильно сделал. Вы созданы друг для друга. Хорошо, что поняли это. Мои поздравления!

Потом он обнял и поздравил Беату. После некоторого смущения Джон сказал, что хотел бы сыграть скромную свадьбу для семьи и ближайших друзей, а потом забрать Адама и уехать на море отдохнуть на месяц-другой, скорее всего в Испанию.

Мэтью, довольный, подмигивал Джону.

Беата вспомнила про подарки и кинулась к пакетам. Больше всего пакетов перепало Адаму и Шарлотте. Им нужнее.

Для свадьбы Джон забронировал далеко не самый шикарный ресторан «Изумрудный лес». Но он находился недалеко от района, где он вырос и где в свое время он кутил с друзьями, после того как они утвердили свои позиции в бандитском мире. Беата наняла флористов для украшения зала. Дополнительно в «Изумрудный лес» из русского ресторана заказали вареники с картошкой и холодец. Торт на свадьбе, в угоду Адаму, Беата заказала шоколадный двухъярусный.

Рабиб не успел сшить наряд Беате, зато Шарлотта пришла в небесно-голубом платье. Этот цвет шёл ей больше всех остальных. Свадебное платье не играло уже такой особой роли, потому что Джон и Беата уже были женаты более двух месяцев. Шарлотта подобрала ей платье в пол из матового белоснежного атласа с открытой спиной, а спереди воротником под горло без рукавов. Волосы, уложенные волнами, Беата украсила цветком белой орхидеи.

На первой свадьбе Джон был очень зависим от отца невесты и от пожеланий самой Евы. Так что на его первую свадьбу пришел только брат, сестра и дядя Уильям, которым было скучно и некомфортно. Но на эту свою свадьбу Джон позвал всех оставшихся в живых друзей детства, а также друзей, приобретённых позже с женами и подругами. Свадьба обещала быть веселой!

Поскольку Беата не была католичкой, да и Джон был далеко не примерным католиком, церемонию провели в самом ресторане, где приглашенный святой отец был скорее как дань традициям. Клятвы были лаконичны. И началась само торжество.

Джон много танцевал с молодой женой. Помимо Джона, Беату еще пригласил Мэтью на один танец, во время которого он, уже изрядно подвыпив, уговаривал Беату не применять свои приемы на муже. Потом Беата пригласила Джима, Адама и, конечно, дядю Уильяма. Рабиб не пил, поэтому ушел достаточно рано. И правильно сделал, потому что уже

произошло пару потасовок. Друзья начали вспоминать прошлые обиды, но к большим дракам они не приводили. Почти все мужчины на свадьбе сильно перепились. Даже Томас Найветт попал под влияние дядюшки Уила и за душевной беседой напился до чертиков. Шарлотта не отходила от него, пока не утащила домой.

Когда братья Стенли и еще несколько друзей вышли на улицу подышать воздухом и покурить, Мэтью набрался наглости и спросил у Джона при всех:

– Расскажи, Джон, а она хороша в постели? Мне кажется, у нее такой темперамент, что она дает тебе жару! – он оперся о Джона.

– Мэтью, прекращай, – Джон шатался и улыбался.

– Не, ну интересно, она в постели огонь?

– Да она охуенная! Мне, правда, так ни с кем ещё не было, как с ней.

– Я так и знал, что она баба что надо! – И Мэтью уперся лбом в лоб Джона. С каждой последующей затяжкой сигареты они становились всё пьянее.

Беата почти не пила. Она считала, что обязана присмотреть за Адамом, да и к тому же после посещения ночного клуба в Нью-Йорке желание пить на время отпало.

Поздно вечером жених просто уснул на стуле беспробудным сном. Его родной брат немногим ранее уснул, лежа на столе. Друзья, которые могли еще ходить, а это Калев и еще парочка, начали грузить гостей по машинам.

Джим увез разбуянившегося Уила. И на прощанье пообещал Беате завтра дать ему лекарства и проследить, чтобы он поел хоть что-то.

Беата с бодрым и счастливым Адамом и с так и не пришедшим в себя мужем, погруженным в машину, отправилась домой.

Утро у Джона началось на следующий день ближе к обычному ужину. Пока он спал, Беата с Адамом сходили в кино, чтобы как-то развеяться.

Через несколько дней трое Стенли улетели в Испанию, чтобы познакомиться с бабушкой Беаты и ее кузенами. Это было решение Джона, Беата ему не противилась, потому что оно действительно было правильным.

Но, когда они приехали в Сеговию, Беату ждало горькое разочарование – бабушка умерла больше года назад. Кузены не смогли ее найти, чтобы сообщить об этом прискорбном событии. В наследство покойная Мария Белла Гарсия-Бальса оставила внучке одно поместье в Сан-Себастьяне. В нем Стенли и решили провести свои летние каникулы, а заодно вступить в наследство и освоиться.

Это был прекрасный дворец П-образной формы из тесаного камня песчаника. В нем было 8 спален, 3 зала, 2 кабинета, библиотека и помещения для прислуги. Все окна представляли собой полукруг. Трехэтажная квадратная башня была увенчана фамильным гербом. А внизу находилась галерея с полукруглыми кружевными арками и резными ко-

лоннами. Перед галереей располагался немного запущенный ландшафтный сад, который вел к перилам и лестнице, спускающейся к Бискайскому заливу. Место было живописное и уютное.

Беата провела в этом поместье около месяца со своей мамой, когда ей было столько же лет, сколько Адаму сейчас.

Стенли много купались в море, наслаждались солнцем, ходили гулять в город почти каждый день, посещали местные ресторанчики. С соседями Беата почти не взаимодействовала, ввиду того, что они не разговаривали по-английски, а Беата считала, что это доставляет неудобство её супругу и сыну. Хотя Адам потихоньку приступил к изучению испанского, потому что часто играл с соседской девочкой Вероникой Артаса-Хименес, которая была младше его на полгода.

Несмотря на прекрасно сложившиеся семейные каникулы, Беата начала переживать из-за того, что спустя четыре месяца попыток Джона сделать ребенка Беата всё еще не была беременна.

Когда Анджела Дамори уже была уверена, что свадьбы в ближайшем будущем не миновать, несмотря на отчужденность Кристофера в этом вопросе, она начала подыскивать себе изысканное свадебное платье. И с этой целью отправилась в «Клуб у БеШа», о котором в последнее время все дамы только и говорили. Клуб процветал. К концу весны бла-

годаря авторитету и вкусу леди Кэтрин Рочестер это стало самым модным местом для покупки платьев. У Шарлотты было полно работы. Многие невесты хотят играть свадьбы летом на природе, когда в аккуратных садах полно цветов. Так что Шарлотта вместе с усталостью и прибылью получала еще и неповторимое удовольствие, помогая невестам выбрать то самое платье.

В июле, когда Шарлотта была особенно завалена работой, Томас Найветт решил сделать ей предложение. Его родители были не то чтобы против, просто они желали своему сыну жену с более благородным происхождением. Но в то же время они уже начали опасаться, что он вообще может никогда не жениться и не подарить им внуков. Поэтому постепенно они приняли Шарлотту и даже полюбили ее. Свадьбу назначили на осень. Но очень боялись, что на ней будет вся семья Стенли. Шарлотта была счастлива. Еще год назад, если бы кто-то ей сказал, что ты будешь хозяйкой самого модного Клуба Лондона по продаже платьев и будешь готовиться к своей свадьбе, она бы не поверила абсолютно ничему.

Шарлотте не терпелось сообщить Беате и Джону о своей помолвке, и она очень ждала их возвращения, намеченного на 1 августа. К тому же ей уже хотелось, чтобы Беата сменила ее на работе, и Шарлотта смогла немного передохнуть и насладиться летом, перед тем как займется приготовлениями к своей долгожданной свадьбе.

Слух о том, что Джон Стенли женился во второй раз, как

гром среди ясного неба обрушился на мечтавших о нем девушек на выданье и их матушек. Хотя замужних дам эта новость волновала не меньше. Кого же в итоге выбрал себе в жены долго скорбящий богатый, уважаемый и красивый холостяк? На светских мероприятиях это была тема номер один.

И сколько бы об этом ни спрашивали Шарлотту пришедшие в Клуб клиентки, она не рассказала ничего, твердо указывая на то, что это дело Джона – представлять свою жену в обществе и только его.

Леди Кэтрин Рочестер была действительно расстроена отъездом Беатрис Бальса в Америку. Она была весьма избирательна и верна своим симпатиям. Поэтому покупка новых платьев без рекомендаций Беатрис её ничуть не радовала и не приносила того вдохновения. Поэтому Шарлотта позволила её секретарю и сообщила о возвращении Беатрис Бальса якобы из Соединённых Штатов.

В этот же день секретарь леди Кэтрин перезвонила в «Клуб у БеШа» и забронировала ей зал на завтра на 11-30 утра.

Беата опять готовилась к приему леди Кэтрин. Она купила большой букет белых гортензий, коробку свежайших ванильных эклеров и клубнику. Охладила игристое вино. И подготовила интересные платья, которые могли подойти леди Кэтрин.

Леди Кэтрин приехала, не опоздав, и по ней было видно,

что она в прекрасном расположении духа. Она не так давно вернулась из отпуска на Сардинии и ощущала потребность в переменах к лучшему.

– Здравствуйте, леди Кэтрин! Я очень рада Вас видеть!

– Здравствуйте, моя дорогая! Вы меня очень расстроили, так спонтанно всё бросив и уехав в Америку.

– Я прошу прощения, только серьезные неприятности могли вынудить меня так поступить!

– Я рада, что Вы вернулись, милочка! В следующий раз со своими неприятностями Вы можете обратиться ко мне. Мы обязательно что-нибудь придумаем!

– Спасибо, леди Кэтрин! Для меня это очень ценно! Надеюсь, больше случая не представится, но обязательно буду иметь в виду Ваше расположение ко мне.

– Приступим! Что Вы приготовили для меня?

– Платья уже висят за ширмой. Но я бы предложила Вам с дороги немного охладиться и угоститься игристым вином.

Леди Рочестер решила в этот раз принять предложение Беаты относительно вина. Пока леди Рочестер угощалась клубникой и игристым в запотевшем фужере, Беата выносила ей на вешалках одно за другим платья, чтобы удовлетворить её любопытство. Одно из них было оливкового цвета, который очень хорошо подошел к загорелой коже леди Кэтрин. Верх платья был кружевной, а юбка была с вырезом впереди и полностью сделана из перекрашенных в тон вверху перьев. Сочетание фактур и цвета делали его не вульгар-

ным, а роскошным. Все было выдержано на пике вкуса.

Леди Рочестер кивнула, давая понять, что позже она его померяет и что можно приносить следующее. Другое платье было из атласа красивого кораллового цвета. Силуэт -русалка, а верх украшал необычный вырез на плечах и складки. Третье представляло собой телесного цвета платье с плотной золотой сеткой, поверх которой были пришиты полосы из золотого бархата и золотого в тон бисера. Эти полосы расходились от талии наподобие солнечных лучей по всему платью.

– Мне кажется, золотое платье прекрасно подойдет для приемов, которые выпадут на осеннее время года, – заметила Беата.

И еще одно – насыщенного темно-синего цвета атласное платье с синими павлиньими перьями на рукавах и небольшим вырезом со складками на спине.

После примерки леди Кэтрин решила забрать все эти платья.

– Я хочу устроить прием 30 августа, как раз все уже возвратятся из отпусков и каникул. Вы с Шарлоттой приглашены.

– Большое спасибо, леди Кэтрин! Мы ни за что не пропустим.

– Кстати, на этом приеме Джон Стенли представит в обществе свою новую супругу. Вы случайно не знакомы с ней?

– Я, к моему сожалению, ещё не имела удовольствия познакомиться с миссис Стенли.

– Ну, вот на моем приеме Вам и представится такое удовольствие.

– Несомненно.

– Всего хорошего! И больше не пропадайте, Беатрис!

– Я даю Вам слово! Всего хорошего, леди Кэтрин!

В день рождения Шарлотты и Джона, который отмечали в ресторане с открытой верандой и выходом на сад с прудиком, Шарлотта и Томас Найветт объявили о своей помолвке! Никто не ожидал, что так обрадуется этому событию именно Мэтью. У него аж слезы выступили на глазах. Старший брат наконец-то мог успокоиться за свою сестру. На протяжении многих лет он очень переживал за неё, чувствуя ее неустрашенность в жизни. Но никто не мог и подумать, что это так сильно его волновало.

Вскоре в ресторане загорелись свечи и начала играть живая музыка. Беата пригласила на танец Уилла. Шарлотта по очереди танцевала со всеми своими братьями, дядей, женихом и племянником. Ей трудно было вспомнить, чтобы её день рождения проходил в такой теплой, уютной и веселой обстановке. Несмотря на то, что большущий шоколадный торт, по заказу Адама Стенли, был уже давно съеден, танцы продолжились до утра и плавно перешли в день рождения Беаты Стенли.

Днем, после того как Джон, Беата и Адам проснулись, у них был праздничный завтрак-обед, состоявший из пива и

жареной курицы для взрослых и нового шоколадного торта и сливочного мороженого для Адама.

Вечером того же дня Джон отпустил Беату отметить свой день рождения в кругу трех девочек из «Клуба у БеШа», Шарлотты и Рабиба. Он сам забронировал для них модный ресторан «Si Si» и договорился с руководством заведения об особом отношении и охране празднующих девушек.

У Беаты была одно условие – необходимо было всем быть преимущественно в розовом платье. Разрешалось даже брать платья из ассортимента Клуба. Разумеется, девочки выгребли все розовые платья от Рабиба. Беата надела узкое ярко-розовое платье по колено, украшенное розовыми перьями и кристаллами. Макияж у Беаты в этот вечер был непривычно яркий, а прическа представляла собой специально накрученные кудри, поднятые в высокую прическу. Шарлотта же выбрала атласное нежно-розовое платье в пол, с вырезом на груди в виде сердца и рукавами-фонариками. Рабиб надел белый костюм и розовую шелковую рубашку.

К приходу именинницы с гостями, стол в ресторане был сервирован разнообразными паштетами, сырами, фруктами, шоколадными конфетами и пирожными. А в нескольких ведерках со льдом охлаждалось розовое игристое вино.

Рабиб впервые познакомился с помощницами из «Клуба у БеШа», которые восхищались его платьями, но до сих пор не знали, как выглядит тот гениальный дизайнер этих шедевров. Одна из помощниц по имени Маргарет не сводила с

Рабиба искренне восхищенного взгляда. Её глаза не ушли от внимания Рабиба. И впервые за очень долгое время Рабиб позволил себе выпить игристого.

Для вечера Маргарет выбрала элегантное, но праздничное платье в розовом цвете с черной отделкой. В середине праздника она не выдержала и сама пригласила Рабиба потанцевать с ней медленный танец.

– Я совершенно искреннее восхищаюсь вашими платьями. Идея, дизайн и их мастерское, даже гениальное воплощение этих идей в жизнь. Откуда у вас такое чутье? И такой талант? – после выпитого игристого вина она набралась смелости, что было ей свойственно, но в весьма сдержанной манере.

– У меня на родине мой дед, мой дядя, мой отец и мои братья были портными. Я тоже родился портным и не думал заниматься ничем иным. Мастерству шитья меня обучали с детства. А что касается идей и дизайна моих платьев, это мой посыл женщинам. Моя любовь к ним. Я считаю, что женщины в красивых платьях приносят райскую благодать в свою жизнь и в жизнь тех, кого они любят. Так что мои платья – это своего рода основа счастья женщины, а от счастливой женщины счастье будет и в её доме.

Маргарет заулыбалась. Она была очень рада, что Рабиб не начал воспевать некую музу, а оказался таким глубоким и чувствительным мужчиной.

В этот же вечер повеселиться в ресторане «Si Si» решила и

Анджела Дамори. Она подбила ребят из компании. Это было абсолютно не сложно. И, разумеется, молодого лорда Торна уговорили пойти в одно из самых модных мест Лондона.

Мероприятие, где праздновала свой день рождения Беата Стенли, проходило в закутке большого уютного зала, украшенного множеством хрустальных светильников, которые, в свою очередь, не сильно освещали зал, но придавали гламурный полумрак в ресторане. У стола Беаты был отдельный танцпол. И дополнительно, по настоятельной просьбе её супруга, между остальным залом и её столиком было освобождено много столов и стояла оговоренная охрана, которая совершенно не привлекала внимания празднующих день рождения, но бросалась в глаза остальным посетителям ресторана.

Когда Анджела вошла в зал ресторана, в котором она, разумеется, уже бывала, она его не узнала и была поражена метаморфозами, произошедшими с залом в этот вечер. Возмущенная Анджела задала вопрос встретившему их администратору:

- Простите, голубчик, а что у вас происходит?
- У нас очень важное частное мероприятие!
- А зачем столько охраны?
- Это условие, которое было предъявлено нашему ресторану. А мы всегда стараемся угодить нашим уважаемым гостям!
- Кто же оплатил это частное мероприятие с такой степе-

ную безопасности и приватности?

– Мистер Джон Стенли.

– Ах, вот оно что! Он, конечно, невероятный мужчина – красивый, властный, загадочный! – надеясь вызвать ревность у Кристофера, сказала Анджела. Хотя её слова совпали с тем, что она на самом деле думает.

Администратор проводил компанию молодых людей к забронированному ими столику. В связи с особым мероприятием, проходившим под большой охраной, в ресторане в этот вечер, помимо столика, забронированного компанией во главе с Анджелой Дамори, обслуживались еще три стола. Поскольку ресторан пользовался большой популярностью в этот период времени, все столики были заняты, и за всеми ими проходило обсуждение того, как мистер Стенли может позволить себе или своей, пока еще никому не известной, жене посещать рестораны.

Все гости за оставшимися четырьмя столиками старались разглядеть людей, уединившихся для проведения своего мероприятия. Но видны были только силуэты в розовых одеждах.

К концу вечера в ресторан приехал мистер Стенли. Он хотел лично поздороваться с владельцем заведения и проследить, чтобы все гости его супруги были рассажены по такси, чтобы благополучно добраться домой в этот поздний час.

Появление Джона в ресторане вызвало волну возбуждения среди присутствующих дам. Его крайне редко можно

было увидеть в обстановке модных заведений Лондона, тем более в столь позднее время. Спустя час, когда гости приватной вечеринки стали собираться домой во главе с Джоном Стенли, остальные гости ресторана пытались рассмотреть среди гостей в розовом, кто же является женой мистера Стенли или что это вообще за люди и какое отношение к мистеру Стенли они имеют. Но мистер Стенли и компания людей в розовом прошли слишком быстро.

Кристофер, в отличие от Анджелы, не проявил к этой процессии никакого интереса и никого не рассматривал.

– Кажется, я увидела новую жену мистера Стенли, – сказала Анджела.

И девушки из их компании начали обсуждать, та ли это женщина в платье с перьями.

Беата была счастлива в этот вечер. Какая всё-таки удивительная штука жизнь! Ещё год назад в свой день рождения она была совсем одна и в перспективах у неё была только уборка навоза. Но спустя всего-то год она замужем за любимым мужчиной, у неё есть сын, семья, драгоценные друзья и своё дело, которое набирает обороты и пользуется успехом. Выходя из ресторана, она не смотрела по сторонам, она смотрела только на Джона, который вел её за руку домой.

Подкрался конец лета, и пришла пора Адаму готовиться к новому учебному году. Парень заметно воспрял духом. Стал уверенным в себе. Не стеснялся себя и окружающих. Иногда

это было даже чересчур. Наверное, наверстывал за предыдущие года. Ребенок, которого любят и ждут дома, выглядит и ведет себя совершенно иначе, чем вел себя до этого Адам. Он стал с радостью открывать мир и открываться ему в ответ.

Элеонора Райт была на последнем месяце беременности и в свете появлялась крайне редко из-за плохого самочувствия. Вначале ее мучил сильный токсикоз, а на более поздних сроках появилась ужасная изжога, отеки и головокружения. Оуэн Райт не сильно беспокоился о её самочувствии, считая, что она заслуживает ещё большие муки. Потеряв Бэату из виду, он, недолго думая, закрутил роман с молодой оперной певицей, гордостью Лондонской оперы. Что сказать про их совпадение в постели – во время оргазма она брала высокие ноты и выдавала их Оуэну на ухо. В первый раз его это напугало, в последующие разы заводило и радовало самолюбие, а потом начало жутко раздражать. По этой причине, да и по многим другим, включая ее капризный характер и свое бесчувственное к ней отношение, он пытался закончить этот роман так, чтобы не разразилось никакого скандала со стороны истерично настроенной Дивы.

Лето шло к концу, заканчивалась беззаботная пора и все жители Лондона, кто мог себе позволить беззаботное лето, стали возвращаться к своим отложенным делам и планам. Анджела Дамори, не ослабляя свою хватку, начала подбивать общих друзей заводить разговоры о помолвке Кристо-

фера и Анджели. Сделано это было с тем прицелом, чтобы Кристофер как можно быстрее свыкся с этой мыслью и даже не думал выступить публично против такого хода событий в его жизни. В ближайшее время Анджела планировала окончательно припереть его к стенке так, что отшучиваться от помолвки было бы уже не смешно.

Джон принял предложение леди Кэтрин представить на её приеме новую миссис Стенли. И был весьма доволен поводом и заинтересованностью леди Рочестер.

Джон решил опоздать на прием часа на полтора-два, чтобы у гостей леди Кэтрин разыгралось еще большее любопытство. Беата выбрала, с одобрения супруга, золотое платье с пышной юбкой с множеством отдельных золотых воланов гармошкой. Верх платья был облегающий и подчеркивал талию. Вырез на груди был достаточно глубокий, рукавов не было. Волосы Беата убрала в прическу и надела красивые золотые серьги с бриллиантами, которые ей подарил супруг специально для этого выхода в свет.

Прием был масштабен и, как всегда, изысканен и шикарен. Чарльз, Элизабет, Кристофер Торны и Анджела Дамори прибыли на прием одни из первых. Элизабет Торн являлась давней подругой леди Кэтрин, и хозяйка праздника была просто счастлива видеть на нем свою подругу, по которой она очень соскучилась. Торны тоже очень изголодались по светским мероприятиям и новостям. Им хотелось показать, что их сын здоров, что в их семье всё благополучно. Тем бо-

лее в скором времени они планировали объявить о помолвке сына с достойнейшей, на их взгляд, девушкой. Анджела гордо разгуливала с Кристофером под руку среди вновь прибывающих гостей.

– Лизи, дорогая! – леди Кэтрин с бокалом розового вина в одной руке обняла леди Торн и прислонилась к ней щекой вместо поцелуя, чтобы не испачкать ее помадой.

– Кэтрин!

– Я так рада, что вы пришли! Чарльз, ты не меняешься с годами, всё такой же красавец! А вот и возмужавший Кристофер! – она прислонилась щекой и к нему. – Боже, мальчик мой, ты превратился в красивого мужчину! Как поживаешь?

– Спасибо, тетя Кэтрин! У меня все хорошо!

– Кристофер закончил учебу! И осенью пойдет работать при верховном суде! – похвасталась сыном Элизабет.

– А это Анджела Дамори! Как поживаешь, детка?

Леди Кэтрин не любила семью Дамори. Уж больно примитивно хитрыми и наглыми они были. И искренне сочувствовала Кристоферу, если Анджела станет его супругой. Кристофера она знала с детства и любила как родного. Он часто играл с ее дочерьми, которые относились к нему как к младшему брату.

– У меня все прекрасно, леди Кэтрин! И будет еще лучше!

– О, милая, никогда не переставай надеяться! Кстати, Лизи, у меня прекрасная новость: в «Клуб у БеШа» вернулась Беатрис Бальса, помнишь, я тебе рассказывала. Она просто

волшебница в выборе платьев. Кстати, это платье – её работа, – леди Кэтрин немного покрасовалась оливковым платьем и перья от ее движений красиво зашевелились.

– Платье просто изумительное, Кэтрин!

– Очаровательно и шикарно! – заметила Анджела.

– Дорогая Лизи, ты должна непременно к ней сходить! Я ее просто обожаю! Кстати, она сегодня будет. Я пригласила ее! Обязательно тебя с ней познакомлю!

– Я бы тоже хотела с ней познакомиться, – вклинилась Анджела.

– Пойду, поздороваюсь с другими гостями! И если найду мисс Бальса, то непременно Вас с ней познакомлю. Кстати, сегодня Томас Найветт и Шарлотта Стенли будут здесь. Они объявили о помолвке. Только представьте, она настолько старше его. А еще мистер Стенли представит в свете свою новую жену! Это будет своего рода сенсация вечера.

– Я рад за Джона! Ему давно пора было перестать скорбеть! Очень не терпится его увидеть! – наконец-то поддержал беседу Чарльз Торн.

– Терпение, мой дорогой Чарльз! – и с этими словами леди Рочестер упорхнула к другим гостям.

Беата очень нервничала. Как её примут в новом статусе? И будет ли на приеме этот мерзкий Райт?

Джон и Беата вошли в зал. Он был полон людей, и почти сразу Беата ощутила волну любопытства и внимания к своей персоне. Все, не стесняясь, смотрели и оглядывали ее с ног

до головы, пока она под руку с Джоном медленно продвигалась по залу. Все кивали им и здоровались. Потом начали подходить к Джону и пожимать ему руку в знак приветствия, после которого Джон знакомил этих людей с Беатой как с миссис Стенли.

Спустя полчаса медленно и не спеша, со всеми приветствиями, Стенли дошли до середины зала, где уткнулись в устроительницу приема и её супруга.

Леди Кэтрин ахнула!

– Вот так приятный сюрприз! Джон, я поздравляю тебя! У тебя по-королевски красивая жена!

– Спасибо, леди Кэтрин! Сэр Рочестер!

– Дорогая Беатрис, ну как Вам удалось захомутать этого завидного холостяка и заставить его улыбаться? – все засмеялись.

– Леди Кэтрин, я бы хотела попросить Вас называть меня Беатой. Мне так привычнее! Разумеется, если Вас это не очень затруднит.

– Беата! Ну, хорошо! Так Вы не удовлетворили моё любопытство.

– Честно сказать, я влюбился в нее с первого взгляда. Она ехала верхом на лошади, а я проезжал мимо на машине. Я остановился задать ей вопрос про лошадь и не поздоровался. А она меня отчитала за такое невежество. Тут я сразу и влюбился.

– Ах, вот в чем секрет? Нужно было просто поставить Вас

на место, а до неё этого никто не решался сделать! Боже, какая прелесть! А почему Вы уплыли в Америку?

– Я же говорила, что у меня были неприятности, из-за которых я вынуждена была уплыть. А Джон прямо-таки спас меня. Там мы и поженились!

– Как это все захватывающе и интересно! Дорогая Беата, я хотела познакомить Вас со своей близкой подругой! Пойдемте! Джон, Вы можете следовать вместе с нами.

Леди Кэтрин подвела Джона и Беату к семье Торнов и Анджеле Дамори.

– Знакомьтесь! Это миссис Беата Стенли! Это близкие друзья нашей семьи Чарльз, Элизабет и их сын Кристофер Торны.

Кристофер застыл, он даже не старался сдержать свой шок. У него отпала челюсть, округлились глаза. Казалось, что он не здесь и вообще не понимает, что происходит. Он просто уставился на Беату, не сводя с неё глаз и не закрывая рта.

Беата сжалась. Она не могла вдохнуть в себя воздух. Сердце вначале остановилось, а потом застучало с бешеной скоростью, к глазам подступили слезы, которые она попыталась скрыть, широко улыбнувшись и прищурился от улыбки глаза.

Элизабет Торн занервничала, она узнала миссис Стенли. Ее глаза стали больше обычного и забегали. Она начала сильно сжимать руку своего супруга. Чарльз понял, что что-то не так, но не подал виду. Он радостно приветствовал Джона и

поздравил его с красавицей женой.

– А эта юная леди – мисс Анджела Дамори, – продолжала леди Кэтрин знакомить присутствующих.

– Я рада знакомству с Вами, миссис Стенли!

– Элизабет, ты представляешь, жена мистера Стенли и есть та самая волшебница из «Клуба у БеШа», которую я так долго ждала из Америки! Дорогая Беата, Вы обязательно должны подобрать прелестные платья для моей подруги.

– Я уверена, – голос у Беаты сел. Она кашлянула, и он немного восстановился, – что смогу подобрать для леди Торн то, что ей обязательно подойдет.

– О, миссис Стенли, я бы тоже хотела попасть к Вам в руки. Мы с Кристофером готовимся к одному знаменательно-му для нас обоих событию, – перехватила разговор Анджела.

Беата широко улыбалась, и от напряжения она немного оступилась. Джон держал ее крепко под руку. Он давно ощутил ее скованность, а потом дрожь по телу. Краем глаза смотрел на Кристофера, который даже не удосужился взять себя в руки. Джон решил поздороваться с ним, чтобы у парня хотя бы изменилось выражение лица.

– Здравствуй, Кристофер! Я рад видеть, что ты поправился.

Кристофер вышел из ступора, но был абсолютно растерян. Он посмотрел сначала на Джона, потом на его супругу, потом опять на Джона.

– Ах, да! Добрый вечер! – он продолжил смотреть на Бе-

ату, стараясь уловить её взгляд.

Беата симулировала веселое настроение и старалась ни в коем случае не смотреть на Кристофера.

Анджела, заметив, что Кристофер просто неприлично смотрит на жену мистера Стенли, начала дергать его за рукав.

На секунду все присутствующие ощутили некую неловкость, кроме Кристофера.

– Прощу нас простить! Я обещал своей жене танец.

Джон увел Беату на танцпол. Вся компания смотрела им вслед. Кристофер вырвал свою руку из руки Анджелы и ушел на балкон, но буквально через минуту он вернулся в зал и пошел напрямик к танцполу. Ему было необходимо смотреть на нее и убеждаться, что это действительно она.

Элизабет Торн зашептала на ухо Чарльзу:

– Это та самая Беата, в которую был влюблен Кристофер.

– Не может быть! Боже, я его понимаю, она роскошная женщина. У нас, похоже, большие проблемы. Мы даже не представляем, какие большие. Ты знаешь репутацию мистера Стенли и знаешь, какой Кристофер упрямый?

– Что нам делать, Чарльз?

Во время танца Джон начал разговор:

– Больше года назад ко мне приходил лорд Торн и рассказал, что его сына побили из-за какой-то девушки в Китайском квартале. Просил помочь. Потом юный Трон хотел на ней жениться, но упал с крыши и его увезли лечиться в Ев-

ропу. Судя по тому, как он на тебя смотрел, та роковая любовь юного Торна – ты.

– Я обожаю тебя за то, какой ты умный. Да, это я.

В танце он вел свою жену достаточно страстно, сильно прижимая ее к себе. Держал руку со стороны спины на шее.

Многие мужчины и женщины смотрели на них, не скрывая вожделения и зависти. Среди них стоял, получивший очередной удар судьбы, Кристофер Торн. И мистер, и миссис Райт.

– Почему ты так необычно танцуешь? Создается впечатление, что ты танцуешь не со мной, а напоказ для других самцов.

– Так и есть! Я показываю, чья ты! После танца подойди к Элизабет Торн и отведи ее в укромное место для разговора. Уговори ее никому не говорить, что ты с Кристофером была знакома. Всё остальное ей объяснит лорд Торн. А я поговорю с Чарльзом. Кристофера обходи за несколько метров. Не смотри на него и не разговаривай. Надо действовать очень быстро. Я тебе объясню возможные последствия. Насколько я помню, молодой Торн чертовски упертый малый.

После танца Джон поцеловал Беату, положив ладонь ей на щеку.

В толпе они углядели Торнов и увели каждого для разговора. Элизабет растерялась, но всё поняла и на всё согласилась.

Джон с Чарльзом ушли в кабинет. Джон посмотрел за

шторами и под столом, чтобы там никого не оказалось.

– Чарльз, у нас проблема.

– Да, Джон! Элизабет мне рассказала про твою жену.

– Я помню, что твой сын чертовски упрямый юноша. Но дело сейчас идет о его и моей жизни. Ты должен поговорить с ним и убедить его никогда и ни при каких обстоятельствах не подходить к моей жене. И никому, ни одной живой душе не говорить, что у них был роман. Дело в том, что у меня много политических соперников, которые хотят от меня избавиться, но это не так легко сделать. А вот убив любовника или поклонника моей супруги и свалив его смерть на меня, как на ревнивого супруга красавицы жены – вполне возможный вариант. Понимаешь, о чем я?

– Боже милостивый, Джон!

– Кристофер может стать удобным орудием, чтобы убрать меня. Ты должен объяснить ему это. Ради его собственной жизни, он не должен подходить к моей жене и разговаривать с ней.

Джон сделал паузу, чтобы у Чарльза в голове уложилась логика вещей.

– Поговори со своей женой и сыном. Надо действовать быстро, пока они никому ничего не успели рассказать. В случае чего держи меня в курсе. Я даю слово, что я Кристофера пальцем не трону.

Они вышли из кабинета. В зале все внимание было устремлено на танцпол. Миссис Стенли танцевала с Сэром

Чарльзом Арчибальдом. Старик растекался от радости, выглядел он бодрее обычного.

После танца Джон подошел к ним.

– Я надеюсь, Вы не против, мистер Стенли, что я похитил на танец Вашу жену?

– Он покрывает меня. Я сама его пригласила.

– Сэр Арчибальд, на Ваш счет у нас с женой существует договоренность – Вы единственный мужчина, после моего сына, кому можно танцевать с моей супругой без спроса.

– О! Это весьма приятно слышать! Я буду чаще пользоваться своими привилегиями. Она Вам не рассказывала, как передала мне китайскую мазь, благодаря которой у меня началась вторая молодость?

– Нет, не рассказывала! Наверное, отнеслась к этому как к врачебной тайне! – все трое рассмеялись.

– Вы должны пообещать мне, что навестите меня в моем доме! А то Беата отказывалась навещать меня, ссылаясь на то, что негоже одинокой девушке ходить по домам малознакомых мужчин. И она, безусловно, права в своем благоразумии. Но теперь-то вы можете навестить меня своей семьей. Не откажите одинокому старику!

– Сэр Арчибальд, я беру это на себя. Обещаю, на следующей неделе мы обязательно выберемся к Вам.

– Я буду ждать вас и готовиться.

Чарльз Торн отвел жену в тот же кабинет и пересказал ей свой разговор с мистером Стенли. После этого они вместе

пошли искать Кристофера. Он молча стоял на балконе, а на него кричала Анджела. Увидев Торнов, он подбежала к ним и выкрикнула им в лицо:

– Свадьбы не будет!

Выглядело это так, как будто бы со свадьбой было уже всё решено, а она сама вдруг решила больше не быть невестой Кристофера.

– Что тут произошло, Кристофер? – спросил отец.

– Ей стало неприятно, как я смотрел на миссис Стенли, и Анджела начала меня отчитывать за то, что я никак не сделаю ей предложение. Что все вокруг уже в недоумении, почему мы тянем. А я сказал ей, что я не сделаю ей предложение и никогда не собирался.

– Пойдем, Кристофер, у нас к тебе есть серьезный разговор.

В том же кабинете, проверив всё, как мистер Стенли до этого, Чарльз убедился, не прячется ли кто-нибудь под столом или за шторами. Леди Торн стояла в закрытой позе спиной к двери и прикрывала рот рукой. В её глазах блестели слезы. Чарльз объяснил сыну всю суть и важность их новой проблемы.

– Вы сейчас шутите, да?! Вы разлучили меня с ней! Она вышла замуж за бывшего бандита! И сейчас я даже не имею права подходить к ней и разговаривать! Вы совсем с ума сошли все?!

– Говори тише. Речь идет о твоей жизни. Ты можешь стать

разменной монетой в политических играх или бандитских разборках. Всё очень серьезно на этот раз, сын!

Силы духа разговаривать хватало только у отца. Мать с диким чувством вины стояла неподвижно и молча роняла слезы.

– Сначала Вы разлучаете нас потому, что она не подходит мне, чтобы выходить с ней в ваш круг общения. А сейчас все в вашем кругу пляшут возле неё. Леди Кэтрин приглашает ее на свои приемы и искренне радуется, что она пришла. Сэр Арчибальд от нее в восторге. Почему ТОГДА вы решили за меня?! За нас! Вы разрушили мою жизнь! Представьте, как мне теперь дальше жить, когда любовь всей моей жизни принадлежит другому. Я её вижу и даже дотронуться до неё не могу, а он может. А ведь она была моей! Она любила меня, я это знаю точно.

Родители горько молчали. Кристофер схватился за голову. Торны замерли, боясь, что сын обрушится на них в ярости или, еще хуже, на Джона Стенли. Кристофер поднял голову.

– Вот вам мое слово, я ни на ком не женюсь, кроме неё. Я так решил. Пойду, напьюсь.

Торны пропустили его. Но решили всё же следить за ним издали.

Кристофер весь вечер смотрел на Беату и пил виски один бокал за другим. Она старалась не отпускать руку своего мужа и не смотреть по сторонам.

Ближе к концу вечера Райты подошли поздравить Стенли со вступлением в брак.

– Только посмотрите, какая получилась интересная супружеская пара, – сказал вместо приветствия Оуэн Райт.

– Мистер Райт! Миссис Райт! – Джон кивнул обоим в знак приветствия. – миссис Стенли! – он представил Беату Райтам в новом статусе.

– Поздравляю Вас! Вы отхватили самого удачного вдовца! – съёрничала миссис Райт.

– Спасибо, миссис Райт! Вы прекрасно выглядите!

– Вы очень добры! Но беременность не украшает женщину, на мой взгляд.

– О, дорогая, не пугай новую миссис Стенли! Скоро она окажется точно в таком же положении, как и ты! – Оуэн смотрел Джону в глаза. В его взгляде был вызов.

– Мне всегда интересно, на кого будет похож малыш, когда появится на свет? На мать? Или всё-таки на отца? – Джон тоже посмотрел Оуэну прямо в глаза.

Элеонора немного сжалась. Оуэн прекрасно понял, что Джон в курсе его семейных дел. И, похоже, даже знает, кто именно отец ребенка, и что убийцы, нанятые Оуэном, сделали с этим бедолагой. Это было не удивительно, что люди Стенли следили за Оуэном. Оуэн делает то же самое. Когда работаешь в парламенте, очень может пригодиться знать про своего оппонента некий компромат. И то, что Райт специализируется на шантаже, было ни для кого не секретом.

– Желаю хорошего вечера молодоженам! Миссис Стенли! – Оуэн кивнул Беате и, взяв свою супругу под руку, повел ее дальше по залу.

– А ты знаешь, кто отец ребенка? – спросила тихонько Беата, когда Райты отошли достаточно далеко.

– Да, знаю. Это был Майкл Робертс. Посол в Швейцарии и друг детства Элеоноры. Люди Оуэна проломили ему череп и бросили в реку в пригороде Лондона. А Элеонора недоумевает, куда он пропал и почему не отвечает на ее письма. Хотя, наверное, уже догадалась. Она женщина не глупая.

– Какой ужас.

– Поэтому не стоит недооценивать Оуэна. Со мной связываться он не будет и тебя не тронет. Но если подвернется случай убрать меня, он вцепится в него как бульдог и доведет дело до конца.

Беата кивнула. Она смотрела на Джона широко открытыми и без того большими глазами.

Чарльз Арчибальд подошел попрощаться с ними. Он уже утомился и собрался поехать домой. Но еще ему хотелось на прощанье напомнить, что он ждет их у себя на следующей неделе в гости.

Кристофер сильно напился, как и собирался, но домой с родителями не поехал, а решил с друзьями продолжить вечер в одном из ночных клубов Лондона. Друзья подумали, что он переживает из-за ссоры с Анджелой. В ту ночь Кристофер напился до беспамятства и проснулся в квартире од-

ной танцовщицы из того клуба. Имени её он не помнил, как, впрочем, и лица. Он молча оделся и поехал к себе домой. Голова его болела как никогда.

Когда молодой Лорд переступил порог родового поместья, к нему навстречу вышли родители. По Элизабет было видно, что она проплакала всю ночь, дожидаясь сына. По отцу тоже было видно, что он провел бессонную ночь, полную тревог.

Оценив их внешний вид, Кристофер ничего им не сказал. Поднявшись к себе, он принял ванну. Ему не было их жалко. Ему ещё долго не будет жалко вообще никого. То, что произошло в его жизни, убило в нем большую часть человеческих чувств. В горячей ванне лежал совершенно новый человек, который ещё сам себя не знал таким.

Когда головная боль отступила, Кристофер начал придумывать план, как ему встретиться с Беатой и поговорить с ней. Далее он планировал предложить ей сбежать вместе ото всех в Париж и начать вдвоем там новую жизнь. Он решил прислать к ней на работу коробку ванильных эклеров из той самой кондитерской, в которой всегда их ей покупал. А в коробку положил записку, в которой предлагал ей встретиться в среду в 16-00 в конкретном месте сразу за пределами Лондона.

Когда Беата в «Клубе у БеШа» получила коробку с эклерами, она сразу поняла, от кого она. Сердце ее сжалось, и на глазах выступили слезы. То, что их любовь оборвалась на

пике чувств друг к другу, без объяснений и прощаний, не могло исчезнуть из ее сердца навсегда и бесследно. Она всё еще любила его. И все воспоминания у неё были нежные и наполненные тоской. Час она проплакала на втором этаже в одиночестве. Потом миссис Стенли сожгла письмо и вернулась к работе.

Вечером она рассказала мужу про записку.

– Это не удивительно, что он отрицает то, что сказал ему отец. Он не хочет в это верить и надеется услышать опровержение от тебя. Но, похоже, он всё-таки прислушался к нему, раз не заявился самолично к тебе в Клуб. Я поговорю с ним сам, а там уже пойму, уgomонится он на твой счет или ...

– Джон, ни ты, ни твои люди его пальцем не тронут! Что бы он тебе ни ответил! – по Беате было заметно, что она настроена воинственно и собирается отстаивать себя, вернее, отстаивать Торна.

Джон посмотрел на нее строго и вопросительно.

– Ты всё еще любишь его!

– Нет! Я люблю тебя! Но он дорогой мне человек и мне совершенно не безразлично, что с ним!

Впервые после свадьбы Беата и Джон выясняли отношения и смотрели так сурово друг на друга.

– Я понимаю тебя. Только прошу об одном – не запутайся в своих чувствах и не принимай поспешных решений.

– Я хочу быть только с тобой. Твоя ревность понятна и справедлива в сложившейся ситуации. Но вместе с тем, я не

могу позволить тебе причинить Кристоферу боль. Пожалуйста, доверяй мне! Я не собираюсь с ним встречаться и разговаривать. Я никогда тебя не предаю. Но если бы вдруг появилась Ева, как бы ты себя вел?

– Не сравнивай, пожалуйста! Это не одно и то же!

– Прости! Ты прав! Это не одно и то же! Но я не уверена в том, кого бы из нас ты бы выбрал. А в моём случае я четко выбираю тебя, но прошу не трогать человека, который был мне дорог в моём прошлом!

– Я тебя понял! Я буду держать себя в руках, и с головы юного Лорда не упадет ни единого волоска! Обещаю!

– Хорошо!

– Иди ко мне, – он позвал ее в свои объятия, и она с удовольствием окончила этот разговор на такой ноте.

Приехав в среду в условленное место, Кристофер очень нервничал. Он боялся, что она не придет, и её равнодушие будет для него ещё одним ударом. Он безумно надеялся её увидеть и обнять. Через сорок минут он увидел подъезжающую машину. Когда машина затормозила, из неё вышел Джон Стенли.

– Здорово, Кристофер! Есть разговор. Садись в машину и езжай за мной в Лондон.

Подъехав к бару «Кабанья голова», Джон вышел из машины и открыл дверь бара, дожидаясь, пока в неё не пройдет молодой Торн.

– Джин? Виски?

– Виски.

Джон налил ему и себе по стакану виски со льдом. В баре никого не было, даже бармена за стойкой. Они присели за ближайший стол. Джон закурил.

– Понимаешь, Кристофер... Существует красота спокойная, ей хочется любоваться. А есть такая красота, которой хочется владеть, и она приносит большие неприятности. У Беаты красота, которая приносит неприятности. Перед тем, как мы с ней улетели в Америку и там поженились, её красотой намеревался овладеть очень опасный и жестокий человек. Это изрядно испортило Беате жизнь. Но, сделав её моей женой, я решил эту проблему. Но этот человек не привык отступать, и он всё ещё начеку.

Кристофер слушал молча. Он отпил виски из своего стакана, Джон повторил за ним.

– Беата меня любит, как бы для тебя это было ни при-
скорбно. И, разумеется, она не хочет, чтобы ты страдал. Но твои попытки с ней встретиться могут причинить ей боль от выяснения прошлых отношений. И поставить под удар наше общее будущее, – Джон указал сигаретой на Кристофера и себя. – Потому что если этот человек узнает про тебя, то он может начать тобой манипулировать, потому что сейчас ты эмоционально уязвим. А потом начать шантажировать Беату. И, после твоих публичных выходов с любовью в адрес моей красавицы жены, он избавится от тебя, а твое убийство

повесит на меня, как на обезумевшего от ревности мужа. И Беата останется убитая горем и совершенно беззащитная.

– А кто этот опасный человек?

– Пока я не могу тебе этого сказать. Потому что ты можешь захотеть попробовать сам с ним разобраться. А я этого допустить не могу в связи с тем, что исход будет печален и не в твою пользу.

– Откуда такая уверенность и забота о моей эмоционально уязвимой персоне? Тебе же самому был бы удобен любой исход, даже если ты уверен, что он будет не в мою пользу.

– Я обещал Беате, что ты не пострадаешь.

– Она взяла с тебя такое обещание?

– Да, но не надумай себе ничего лишнего. Моя жена любит меня. А о тебе она заботится в память о своих теплых воспоминаниях. Еще виски?

– Да.

Джон налил еще. Кристофер тут же отпил.

– Так что ты будешь дальше делать, Кристофер? Пытаться встретиться с ней, чтобы подвергнуть её опасности? Или, как настоящий мужчина, возьмешь на себя решение её проблемы?

Кристофер выпил весь стакан. Наступила пауза.

– Передай Беате, что я не буду ее компрометировать и искать встречи.

Джон кивнул Кристоферу в знак одобрения.

– Скажи, Джон, а как давно ты познакомился с Беатой?

– Я познакомился с ней после того, как ты уехал лечиться в Европу.

Кристофер усмехнулся. Потом он встал и направился к выходу.

– Вам лучше не садиться за руль, лорд Торн. Мои люди отвезут Вас.

Благополучно добравшись домой на заднем сидении своего автомобиля, молодой лорд взял бутылку виски и закрылся в своей комнате. Ему предстояло заново разобраться со своей жизнью и понять, как ему действовать дальше в сложившихся реалиях. Все мысли о Беате приводили его в тупик, и только виски помогало ему не отчаиваться окончательно.

На протяжении следующих недель по будням он работал в верховном суде, набирался юридического опыта. А по вечерам и выходным напивался со своими друзьями.

Друзья как один были уверены, что так он переживает из-за размолвки с Анджелой. Но никто из них не мог понять, почему бы ему тогда не сделать ей предложение и таким образом попытаться все исправить. Они часто разговаривали с ним на эту тему, пытаясь дать ценные советы.

Но Кристофер всегда отмалчивался. В конечном итоге они махнули на него рукой, придя к выводу, что он всегда был немного странен в своих отношениях с женщинами. Самолюбие Анджелы в скором времени было вполне удовлетворено. Каждый спешил донести ей, как сильно убивается молодой Лорд, много пьет с горя и страдает из-за неё.

Вскоре эти же подружки начали соревноваться между собой в том, кто сможет лучше утешить и соединить воедино разбитое сердце Кристофера. А Кристофер стал принимать их благородные порывы и спать с каждой. Он прослыл хорошим любовником. Беата научила его, как довести женщину до оргазма, но между тем он был очень скуп на нежные слова и никогда не давал никаких обещаний, чтобы никого не обнадеживать и не выслушивать претензий за их обманутые надежды.

На многочисленных выходах в свет первую половину вечера Кристофер всегда держался. Он находил Беату глазами и любовался ею, пытаясь заодно поймать её взгляд. Так же Кристофер присматривался ко всем мужчинам, которые поехали жену Стенли глазами. Он вспомнил слова Джона относительно её красоты, которая приносит ей большие неприятности. Её супруг своей былой таинственностью и репутацией добавлял ещё больший интерес к Беате как к женщине в глазах других мужчин. Кристофер пытался сам вычислить того опасного человека, который отравляет Беате жизнь. Он определил пятерых негодяев, которые смотрели на миссис Стенли не просто с вожделением и восторгом, а скорее со злобной похотью и очень внимательно. Среди них был и Оуэн Райт.

Ко второй половине вечера Кристофер очень уставал наблюдать за тем, как его любимая ходит под руку с мужем, и начинал чаще пить. После чего на нем начинала виснуть

очередная дама, которая хотела исцелить сердце молодого Торна после расставания с Анджелой Дамори.

Беате приносило боль видеть Кристофера пьяным с молоденькой девушкой, причем поведение при этом у них было весьма вульгарное. Юный Лорд мог положить своей даме локоть на плечо или начать откровенно обнимать ее и целовать у всех на виду.

Один раз он всё-таки не выдержал и заговорил с Беатой в конце вечера. Она выходила из дамской комнаты, а он как раз стоял в обнимку со своей очередной девушкой, будучи уже изрядно пьяным. Увидев Беату так близко, он даже на время протрезвел.

– Добрый вечер, миссис Торн!

Беата обернулась.

– Я миссис Стенли. Если Вы это мне?

– Простите, миссис Стенли, я оговорился! Разумеется, Вы миссис Стенли!

– Добрый вечер!

Беата собралась следовать дальше.

– Вам никогда не говорили, что Вам очень идет зеленый цвет?

Беата была в этот вечер в ярко-зеленом атласном платье с голыми плечами. Юбка у платья была с разрезом, который шел с небольшим нахлестом, по канту которого Рабиб пришил пышные перья павлина, выкрашенные в тон зеленого платья.

– Говорили. Один прекрасный человек когда-то очень давно, – она спешила уйти.

– Паршивый прием. Среди угощений нет ни одного ванильного эклера.

Она смотрела на него, и ее сердце трещало по швам. Кристофер уловил и запомнил её взгляд. После некоторой паузы, которая была наполнена тоской по ушедшим дням, миссис Стенли молча удалилась.

До свадьбы Шарлотты оставалось несколько дней, и она свершено выбилась из эмоциональных сил. Она очень старалась, чтобы все было на высшем уровне, для того чтобы соответствовать своему более молодому и благородному по происхождению жениху.

Беата помогала ей во всем, многое взяла на себя. И их труды и увенчались успехом. У Найветтов получилась классическая, душевная и замечательная во всех отношениях свадьба. Джону было поручено присматривать за Мэтью и дядей Уильямом. Хотя Шарлотта провела с ними весьма эмоциональную и строгую беседу.

В церкви все было украшено белыми цветами. А в поместье Найветтов, где проходила праздничная часть, зал был украшен красными розами. Платье у невесты было белое, пышное, с длинными рукавами и под горло. По всему платью были вышиты белые розы.

Братья невесты и дядя радовались наравне с женихом и

невестой. Томас светился от счастья и любви к своей жене. Всем было понятно, что это союз очень похожих и долго искавших друг друга людей.

После свадьбы Шарлотта переехала к Найветтам и, решив не терять ни дня, они приступили к тому, чтобы у них как можно скорее появились дети.

Беата тем временем начала ходить по врачам, чтобы понять, почему она никак не может забеременеть. Джон поддерживал её, но сильных переживаний по этому поводу не испытывал. Никто из врачей не находил в ней ничего, что могло бы помешать ей забеременеть. А Джона не проверяли, ведь у него был уже ребенок, значит, сомнений, что с его здоровьем что-то не так, не было.

Элеонора Райт благополучно разродилась мальчиком. Оуэн нашел себе новое увлечение – русскую балерину. Он совсем потерял бдительность, и его похождения становились все более публичными.

Одним осенним вечером в кабинете Джона Стенли раздался телефонный звонок.

– Мистер Стенли, с Вами хочет поговорить Элеонора Райт, – сказала по телефону секретарь мистера Стенли.

– Соединяйте, Барбара. Добрый день, миссис Райт!

– Добрый день, мистер Стенли! Я очень рада, что Вы нашли время переговорить со мной. Я не могу с Вами встретиться лично, хотя очень бы и хотела. Но я уверена, что мой муж установил за мной слежку, да и за Вами тоже.

– Да, благодарю Вас! Мне это известно! В чем причина Вашего звонка?

– Скажите, Джон, есть ли у Вас желание избавиться от моего мужа? Я хочу предложить Вам свою помощь в этом деле, если у Вас есть такая потребность.

– Неожиданное предложение! А что именно случилось?

– Я выходила замуж за перспективного политического деятеля. За мужчину, который любил меня, как мог, и дорожил репутацией нашей семьи. А сейчас он бегаёт за балеринами и певичками и мечтает о чужих женах. Если Вы понимаете, мистер Стенли, о чем я?

– Да! Я понимаю прекрасно.

– Так что Вы думаете о моём предложении? Я знаю, что это в наших общих интересах, и справиться четко и правильно с этим мероприятием по силам только Вам, мистер Стенли.

– Я, несомненно, воспользуюсь Вашим предложением и подумаю, как бы это лучше сделать. Но я не обещаю, что решу эту проблему в ближайшем будущем. Пока что он не мешает деятельности моей партии, а что касается его симпатий к чужим женам, этот момент находится под моим строгим контролем. И я не вижу причин для беспокойства.

– Моё предложение бессрочно. Я буду ждать Вашего звонка.

– Всего хорошего, Элеонора, Вам и Вашему сынишке!

– Доброго дня, мистер Стенли!

Молодой лорд Торн с каждой неделей пил все больше. К рождеству он уже начал спиваться и падать на самое дно. Родителей он не слушал. Он уже давно перестал обедать с ними за одним столом. Рисование он забросил в тот роковой для него день, когда его познакомили с новой миссис Стенли. Девушкам из его круга надоело проводить с ним ночи, которые не ведут дальше ни к чему. И он стал спать с женщинами менее благородного происхождения, которых он встречал в барах и ночных клубах.

Леди Торн больше не могла смотреть, как убивает себя её сын. И сжав всю свою гордость в кулак, она решила записаться и поехать в «Клуб у БеШы», чтобы попросить помощи у Беаты. А заодно и купить пару платьев, потому что её подруга леди Кэтрин Рочестер постоянно отчитывала Элизабет за то, что та до сих пор не посетила клуб, и не понимала, почему та медлит.

Встреча обещала быть напряженной как для леди Торн, так и для Беаты.

– Добрый день! Мы рады приветствовать Вас у нас в Клубе, Ваша Милость!

– Добрый день, миссис Стенли! Я хочу попросить Вас о личном обслуживании и отложить формальные любезности!

– Как прикажете, леди Элизабет! Пройдемте в малый зал, большой сейчас занят!

Беата давно подготовила три платья, которые украсят

изысканную и, не смотря на возраст, прекрасную леди Элизабет, хотя за последний год она сильно постарела. Это была уже не та женщина, с которой Беата общалась в рисовальной студии её сына.

– Я хочу поговорить с Вами, Беата. Я могу к Вам так обращаться?

– Разумеется.

– Дело в Кристофере! Видите ли, мы влезли в его жизнь и совершили непоправимый проступок. Нет смысла говорить, что это было сделано из лучших побуждений, – было видно, что леди Торн очень волнуется. Она немного заикалась и тербила платок в руках. – Но сейчас он не может оправиться от последствий нашего вмешательства. Вы, наверное, заметили, как он стал вести себя на светских приемах. Я уже не могу вспомнить его трезвым.

– Да, разумеется, я это заметила, и не могу видеть его систематически в таком состоянии. У меня сжимается сердце.

– У нас с отцом тоже сжимается сердце, хотя это мягко сказано. Словами не передать, как мы виним себя за свою гордыню. Но мы не можем сидеть, сложа руки, и смотреть, как наш сын медленно губит себя. Нас он, разумеется, давно не слушает. И я решила обратиться к Вам, Беата, за помощью! Может, Вы сможете поговорить с ним?! – она посмотрела на Беату молящими глазами. – Чтобы не вызвать никаких пересудов в обществе, я предлагаю Вам поехать в моей компании к нам домой.

– Простите, я не знаю, что я могу ему сказать, чтобы это помогло. Как бы ни стало еще хуже...

Они обе замолчали.

– Но Вы абсолютно правы, леди Элизабет, что невозможно сидеть, сложа руки, и не попробовать помочь ему! Я не могу Вам ничего обещать, мне необходимо предупредить мужа, чтобы это не вызвало обиду с его стороны. И придумать, что я могу ему сказать такого, что повлияло бы на него!

– Спасибо Вам, – леди Элизабет вытерла подкрававшиеся слезы.

– Давайте выпьем чаю и приступим к примерке. А вечером я переговорю с мужем и завтра позвоню Вам, сообщу о результатах этой беседы.

Леди Элизабет уехала из Клуба с большой надеждой в сердце и с тремя платьями от Рабиба – мятным с бисером, красным матовым с большой рюшей на груди и голубым атласным платьем с вышивкой и камнями.

Вечером Беата, как и обещала, завела напряженный разговор с супругом.

– Я знал, что когда-нибудь это произойдет и леди Торн придет давить тебе на жалость, лишь бы спасти своего сына. Я тоже видел на приемах, как молодой Лорд теряет моральный облик. И я вижу, что ты сама хочешь поехать. Я отпускаю тебя, но прошу лишь об одном – не забывай, что стоит на кону и зависит от твоих действий.

– Я не забуду! Спасибо, милый!

На следующее утро 24 декабря она позвонила в дом к Торнам и предупредила леди Элизабет, что та должна заехать за ней к 13 часам.

Когда они приехали к ним домой, Беату трясло от нервов как лист на сильном ветру. Кристофер ещё спал после вчерашнего кутежа. Леди Элизабет проводила Беату в гостиную и сама пошла за сыном. Кристофер не знал, кто к нему приехал, и было слышно, как он, недовольный, спускается по лестнице и бранится.

Когда он открыл двери гостиной, повисла пауза. Так они простояли в нескольких метрах друг от друга, не осознавая до конца, что они сейчас впервые наедине после такой неожиданной и длинной разлуки.

Молодой Лорд первым нашел в себе силы прервать молчание.

– Ты ушла от мужа?

– Нет!

– Тогда я не понимаю, о чем нам с тобой разговаривать, – он развернулся и пошел обратно к себе вверх по лестнице.

Беата собралась уходить. Надевая на себя пальто с помощью дворецкого, она крикнула ему в спину:

– Я привезла тебе кое-что! Пакет стоит в гостиной!

Она ушла.

Кристофер, перепрыгивая через две ступеньки, сбежал в гостиную. Он залез в пакет и нашел там две свои картины, которые он рисовал с ней в студии. Тот самый портрет, на-

рисованный им и поразивший её тогда в самое сердце, и картина, в которой он выразил свои эмоции во время минета. Еще на дне пакета был яблочный штрудель, но он этого уже не заметил и побежал вслед за ней в пижаме и тапках по замерзшей земле и скудно лежавшему снегу.

– Беата, подожди!

Она шла пешком к воротам. Услышав Кристофера, она остановилась и подождала, пока он подбежит к ней. Родители тем временем наблюдали за ними из окна и молча молились.

– Откуда они у тебя?

– Это было одно из условий, на которые пошла твоя мама.

И я смогла спасти картины.

От встал напротив нее очень близко.

– Почему ты не дождалась меня?!

– Потому что я понимала, что нам придется расстаться.

Либо долго и болезненно, либо вот так, на конкретных условиях!

– Почему ты так решила? Почему ты меня не спросила?

Глаза Беаты были полны слез, которые сорвались и потекли по щекам.

– Потому что ты молод, отчаян и горяч. Ты бы не смог привести меня в свой круг, твои семья и друзья заставили бы тебя пройти через постоянные насмешки и унижения... Ты бы боролся за нас, пока сам не стал бы обесценивать меня и наши с тобой отношения.

– Я всё не могу никак понять, почему вы все считаете, что знаете, как было бы? Почему вы все решаете, как лучше будет для меня? Вы, самые близкие и дорогие мне по жизни люди, пытаетесь сделать для меня доброе дело, от которого рухнет та жизнь, которую я сам для себя хочу!

– Прости! – она залилась слезами.

Кристофер подлетел и обнял её. Она вырвалась из объятий.

– Нет! Я чужая жена! Я верный человек!

– Зачем ты пришла?

– Я хотела напомнить тебе, каким ты можешь быть, когда рисуешь! Каким я тебя полюбила, если для тебя это ещё важно.

– Важно?! ВАЖНО?? А какое это имеет теперь значение, когда ты замужем за другим?

– А ты никогда не думал, что любить человека – это не только обладать им?

– Ты любишь меня?

– У меня не было повода тебя разлюбить! Только сейчас я понимаю, что я не могу уберечь это чувство к тебе, когда вижу, в какое ничтожество ты превращаешься из-за алкоголя.

– А что ты прикажешь мне делать? Думаешь, мне легко уберечь свое чувство, видя тебя с другим? Представляя, как он тебя ласкает и имеет по ночам?

– Рисуй! Рисуй, блядь! Бухать – это самое простое! Всё это ты уже попробовал! Пробуй теперь другое! – она сурово

смотрела на него, в её глазах просохли слезы.

– Я хочу быть с тобой! Я не могу тебя забыть!

– Не надо меня забывать! И я не собираюсь тебя забывать!

Рисуй!

Они оба замолчали.

– Мне пора идти! Я была очень рада с тобой увидеться и поговорить. Пожалуйста, береги себя! И прости меня за причинённую боль!

– Я на тебя не злюсь! Никогда не злился!

Она ему неловко кивнула, развернулась и пошла к воротам, чтобы поймать такси.

В этот вечер Кристофер ужинал за столом с родителями. Алкоголь он не пил. А рождественское утро он начал с отопления и перестановки в своей художественной мастерской. К вечеру того же дня он взялся за большой портрет Беаты.

Если где-то убыло, то где-то и прибудет!

В Рождество в дом Стенли постучал доставщик и передал большую коробку «Для миссис Беаты Стенли».

Открыв коробку гвоздодёром, Джон помог Беате достать из нее большую картину и письмо.

Картиной оказалась именно та, напротив которой Беата задержалась в Нью-Йорке на благотворительном вечере – золотая с розово-фиолетовым переливом снизу. Она сразу поняла, что это подарок от Билла Коллина. В письме было тревожное предупреждение, в котором сообщалось о том, что Коллин прибудет в Лондон вместе с женой. У него накопи-

лось много дел, а также он получил приглашения на несколько новогодних вечеринок от людей из высшего света Лондона. И что он обязательно хочет провести время со своими дорогими друзьями Стенли. В знак почтения и дружбы он дарит это полотно для миссис Стенли.

Джон и Беата, конечно, улыбнулись. Понятно было, что приехавший на новогодние каникулы Билл Коллин будет еще веселее и энергичнее, чем у себя в родном городе. Грядет что-то страшно веселое!

Встретиться договорились на одной новогодней вечеринке, которую устраивал весьма влиятельный предприниматель, меценат и спонсор многих мероприятий, проходивших в Лондоне, пригласивший Стенли и Коллинов как своих партнеров по некоторым делам. Праздник проходил в шикарном новом доме. Зал восхищал своим убранством и новогодним декором! Все было сделано по высшему уровню, даже с небольшим перебором. Гости рисковали потеряться в грандиозном и праздничном интерьере.

На Беате было изумрудного цвета прямое платье с расшитыми черным бархатом и черным бисером орнаментами. Билл Коллин пришел без жены.

– А куда же подевалась Ваша супруга, дорогой наш друг?

– Она простудилась в дороге. Я её не уберегу, но я позаботился о ней. В ее номере полно чая и шоколада. А ещё я куплю ей новую шубу, чтобы она больше не простужалась.

– Весьма заботливо! Шоколад и мех!

Билли и Джон стояли у барной стойки, Беата сидела на высоком стуле. Это был уже не первый и не второй их коктейль на этой вечеринке.

К Биллу Коллину на удивление постоянно подходили гости с этой вечеринки, здоровались и обнимали его. А заодно приветствовали и Джона. Беата и представить себе не могла, насколько этот американец популярен в бизнес-кругах Великобритании.

Вскоре Билл упросил Джона разрешить ему пойти потанцевать с его прекрасной супругой. Танцев было много. Они привлекали всеобщее внимание своим необузданным весельем. Джон стоял у стойки, пил и улыбался, глядя на эту веселую парочку.

Когда разгоряченная Беата пошла в дамскую комнату, на выходе из кабинки она почувствовала сильный толчок. Кто-то затолкал её обратно. Она ударилась рукой и головой о стену. Кто-то сильно прижал ее лицом к стене.

– А теперь скажи мне, какие такие дела у тебя с Биллом Коллиным?? Ты с ним спишь??

Кто-то схватил ее за волосы и ударил о стенку. Беата начала терять сознание. Алкоголь и удар по голове сработали именно таким образом.

Когда Беата пришла в себя, то обнаружила, что её голова лежит на коленях у Джона. Джон в свою очередь сидит на диване. Рядом с ней стоит Билл. И еще какие-то люди.

Оказывается, на неё напал изрядно подвыпивший Оуэн

Райт. К Джону подошел один из официантов, который заметил, как за миссис Стенли в дамскую комнату проследовал какой-то пьяный джентльмен. Когда Джон ворвался в дамскую уборную и увидел, как Оуэн за волосы держит его супругу, которая в обмороке сползает по стене, а из ее носа течет кровь, он пришел в дикую ярость. Он начал наносить Оуэну сильные удары правой рукой по лицу до тех пор, пока его не оттащили трое или четверо мужчин. Придя в себя, Беата не сразу заметила, что костяшки у мужа на правой руке все разбиты в кровь.

После новогодней вечеринки Беата возобновила тренировки по кунг-фу. Занималась она по памяти и, чтобы было интереснее и полезнее, начала по чуть-чуть тренировать Адама. Мальчик с удовольствием проводил время с Беатой. Он доверял ей и чувствовал её постоянную заинтересованность во всём, что с ним связано.

В конце января Шарлотта сообщила, что ждет ребенка. Она сияла от счастья и гордости! В «Клуб у БеШа» на работу она больше не выходила и в дальнейшем планировала заниматься домом и семьей. Всё, о чем она только мечтала, и это казалось ей несбыточным, сейчас превратилось в реалии её жизни.

Лорд Кристофер Торн начал рисовать и бросил работу в верховном суде, устроился помощником к одному знаменитому английскому художнику, которому нужны были подмастерье для выполнения многочисленных заказов по рисова-

нию фонов у портретов и иногда росписи стен. Работа была трудная, и никто не давал Кристоферу никаких скидок касательно того, что он лорд. Впервые после пережитого романа с Беатой, Кристофер чувствовал себя как личность. Он очень уставал, но был счастлив валиться с ног в конце рабочего дня. Его родители, получившие хороший урок того, что не стоит решать, как их сыну лучше жить, в его дела лезли только для того, чтобы искренне порадоваться за него. Они действительно гордились тем, что он имеет свой вектор, и даже, не смотря на все преграды в виде вмешательств родителей и мнения его окружения, он всё равно решил бороться за свою точку зрения, а не за общепринятую.

Он перестал появляться в обществе. Пропускал дни рождения друзей, их свадьбы и праздники по поводу пополнения в семействе. Ситуацию с Беатой он отпустил. Но это не значит, что он хотел о ней забыть. Наоборот, к воспоминаниям о ней он прибегал, когда хотел получить прилив вдохновения. Ему стал очень нравиться его жизненный опыт. И даже тот период, когда он спивался, вел беспорядочные половые связи и опускался на дно своей эмоциональной ямы, был для него ценен и учил лучше чувствовать жизнь и людей.

Беата тоже стала реже появляться в обществе. Один из врачей нашел у неё отклонения по гинекологии и начал лечить ее для того, чтобы она смогла забеременеть. Миссис Стенли стала очень много внимания уделять своему здоровью.

В середине июля Шарлотта родила двойню. Роды проходили тяжело, но всё закончилось благополучно. Сыновей называли Чарльзом в честь ее отца и Оскаром в честь отца Томаса. На удивление, Мэтью начал часто приезжать к ней, чтобы потискать крошечных племянников. В один из таких приездов Шарлотта приобняла его и посоветовала ему тоже обзавестись женой. Это безмерно порадует всю его семью и подарит радость и спокойствие за него. Мэтью обещал подумать, но к племянникам реже приезжать не стал. Он выпиливал для них машинки и покупал деревянных лошадок, хотя они еще даже не сидели.

Но для Беаты наступило одно грустное событие. Барон Чарльз Арчибальд скончался во сне в своем замке. За неделю до этого Беата приезжала к нему. Привозила китайские мази и французские сладости. Они немного прогулялись по саду, но потом начался дождь, и они долго болтали у камина. Старик Арчибальд был мерзляв, а его суставы не переносили сырости. В такой уютной обстановке Беата рассказала ему о своей проблеме забеременеть. Она очень хотела иметь детей от любимого мужа. На что Чарльз ей ответил:

– Не отчаивайся, я уверен, у тебя будут дети. Ты молода и здорова. Вот что я хочу, чтобы ты поняла для себя – ты из тех людей, у которых всё получается не сразу. Ты из тех, кому надо выстрадать и побороться за свое счастье. Но зато оно у тебя настоящее и огромное!

– Спасибо, Чарльз! Я просто до конца не могу понять, что

со мной не так и неужели я настолько большее остальных. Все вокруг беременеют. Иногда сами того не желая. А мы с мужем хотим детей, и просто так ничего не выходит. Мне сейчас очень бы хотелось поговорить с мамой или бабушкой. Мне очень не хватает поддержки взрослых женщин из моего рода. Очень!

– Я тебя понимаю. Существуют такие периоды в жизни, когда нам непременно нужно получить ответы от своих предков. А в твоём случае, тебе очень не хватает именно матери. Ты её рано потеряла и не успела поговорить о сакральных вещах, важных для женщины.

У Беаты на глазах выступили слезы. Наступило такое время в их разговоре, когда им необходимо было молча посидеть и поскорбеть по ушедшим родным, вспомнить всё то, что они друг другу не сказали.

На похороны к лорду Арчибальду приехал весь свет Лондона. Он в свое время многим помог пробиться и утвердиться на своих местах. Он никогда не участвовал в скандалах и интригах. Он жил по законам внутренней чести и достоинства. Он умел уважать себя и окружающих. Судя по количеству людей, которые пришли попрощаться с ним, и по выражению их лиц, высший свет Лондона понимал, что произошла невосполнимая потеря.

Погода была соответствующая. Беата плакала, стоя под большим черным зонтом, который держал над ней Джон. Когда остальные потихоньку начали расходиться, Беата всё еще

стояла и плакала. Это были первые похороны дорогого её человека, на которых она смогла присутствовать. И плакала она там за всех. За отца с матерью, за русскую бабушку с дедушкой, за испанскую бабушку и деда, и, конечно, за милейшего одинокого старика Арчибальда, за счет которого она при его жизни пыталась компенсировать себе безвременно ушедших родных.

Торны стояли немного позади семьи Стенли. Они хорошо знали в свое время лорда Арчибальда. Чарльз Торн учился вместе с его сыном в Итоне и после университета они остались друзьями. Чарльз с семьёй часто бывал у них в гостях и на чаепитиях, до того момента как его друг, молодой лорд Арчибальд, не погиб на войне.

Кристофер долго наблюдал за тем, как безутешна Беата. В конечном итоге он не выдержал и подошел к ней.

– Добрый день! Я соболезную Вашей потере, миссис Стенли, и скорблю вместе с Вами.

Беата подняла глаза на Кристофера. Они были красные и припухшие. Но, увидев его глаза, полные беспокойства, печали и вместе с том бесконечной нежности, ей действительно стало легче. Кристофер всегда ассоциировался у неё с лучиком света в темной комнате.

– Спасибо большое, лорд Торн, за Ваше участие, – сухо ответил ему Джон. Он смотрел на молодого Торна с вызовом.

Кристофер перевел взгляд на Джона, но, увидев его взгляд, и не подумал отступить и смотрел так же жестко в его

глаза. Это обстоятельство отвлекло Беату от своей скорби. И она постаралась вмешаться в это немое выяснение отношений.

– Спасибо, Кристофер, это большая утрата для всех нас! Джон, отведи меня, пожалуйста, в машину, я вся продрогла. Всего хорошего, лорд Торн!

Джон до последнего не отводил глаз от смелого и нагло-го взгляда Кристофера. Пока окончательно не развернулся и не пошел со своей женой в обнимку к своему автомобилю. Беата очень хотела обернуться и еще раз посмотреть на Кристофера, но понимала, что это будет неприятно Джону и может вызвать ненужные проблемы. Кристофер, между тем, остался стоять на месте и недовольно смотрел им вслед, пока к нему не подошли отец с матерью и не позвали с собой.

На следующий день в дом к Стенли пришло приглашение в нотариальную контору высшего ранга с приглашением посетить завтра процедуру оглашения завещания лорда Чарльза Арчибальда.

У Беаты сжалось сердце от тоски. Как-то в присутствии сэра Чарльза она восхищалась скульптурой из его коллекции, которая принадлежала мастерским рукам Рафаэля Монти с эффектом «мраморной вуали». «Неужели добрый старичок запомнил это?» – подумала Беата.

На оглашении завещания присутствовало более десятка человек. И никто из присутствующих не приходился усопшему кровным родственником. Старик щедро наградил слуг

за верную службу. Остальным друзьям и дальним родственникам покойной супруги он завещал некоторые свои акции, деньги, кое-какое движимое и недвижимое имущество. А в самом конце списка пришла очередь Беаты. Ей он отписал свой Лондонский дворец почти со всем имуществом, включая скульптуру Рафаэля и множество картин именитых художников, депозитный счет в Банке, и также пакеты акций нескольких компаний. Ещё нотариус передал для Беаты письмо от лорда Чарльза Арчибальда.

«Дорогая моя Беата! Я прошу тебя не продавать никому мой фамильный дворец! Вышло так, что мой сын погиб и не оставил мне внуков, кому бы я мог передать свое родовое гнездо! Оно для меня как живое существо, и я не могу бросить его на произвол судьбы! Мне очень радостно, что на закате моей жизни у меня появился человек, которому я могу его доверить. Я уверен, что твои дети и внуки будут бегать и смеяться по его коридорам и саду, как бегали когда-то мой отец, и я, и мой сын! В этом доме опять будет тепло и весело! Прошу тебя долго обо мне не грустить и всегда вспоминать на праздники, особенно в Рождество!

С любовью, Арчибальд»

Беата не могла в это поверить. Это совершенно не укладывалось у неё в голове. А Джон тут же сообразил, что на Беату выльют не одно ведро грязи за глаза, пытаясь объяснить, как она смогла расположить к себе одинокого стари-

ка так, что он сделал её своей главной наследницей. Акции, оставленные ей в наследство, давали ей немалое влияние в крупных компаниях Великобритании.

Весть о том, что миссис Стенли стала владелицей акций и родового поместья Арчибальда, загремела на весь Лондон.

Во время чаепития у Торнов леди Кэтрин Рочестер начала волнующий всех в настоящий момент разговор.

– По поводу причудливого и даже экстравагантного завещания лорда Арчибальда ходит много разговоров. Лизи, мне весьма интересно твое мнение на это счет. Как ты считаешь? Добродушный старичок попал под влияние миссис Стенли?

– Ты знаешь, дорогая моя Кэтрин, мне выпал случай убедиться в бескорыстности натуры миссис Стенли. Я, конечно, могу ошибаться, но в Чарльзе Арчибальде она видела скорее всего отца, которого давно потеряла. А Чарльз, будучи человеком изрядного великодушия, принял в свое сердце такого же одинокого человека, как и он сам.

– Я, пожалуй, соглашусь с тобой. Мне Беата Стенли тоже никогда не казалась проницательной и алчной женщиной. Тем более, скажу тебе по секрету, когда я покупала у нее очередной наряд, она рассказала мне, что в данное время отчаянно лечится, чтобы у них с мистером Стенли появился общий ребенок. Мне показалось, что все её мысли были весьма далеки от чужого состояния и какого-либо наследства.

В это момент в гостиную вошел поздороваться вернувшийся и приятно уставший после трудового дня Кристофер

Торн.

– Доброго дня! О чем шепчутся самые прекрасные леди в Лондоне? – он поцеловал леди Кэтрин и маму в щеки. И встал у кресла матери, опершись о его спинку.

Леди Торн заметно напряглась:

– Кристофер, скорее всего, пока не в курсе.

– Чего именно?

– Мы с твоей мамой обсуждали миссис Стенли. Ты уже, должно быть, слышал, что покойный Сэр Чарльз Арчибальд оставил ей в наследство свой родовой замок и весомый пакет акций ведущих компаний Британии.

– Нет. Мне ещё никто не успел это рассказать. Должен заметить, на его похоронах она была безутешна.

– Весь Лондон только и судачит о том, почему Сэр Арчибальд решил совершить такой щедрый и сумасбродный поступок.

– Ах, вот оно что! И никому же не приходит в голову не искать в этой ситуации ничего пошлого! Ведь трудно себе представить, что в последние годы она была единственным человеком, который проводил с ним время просто так и ухаживал за ним по мере возможности!

– Не кипятись, сынок! Мы с Кэтрин тоже пришли именно к такому же выводу. Насколько мы успели с Кэтрин убедиться, Беата Стенли женщина не алчная, а в данный момент... – Элизабет прикусила язык. Она так забеспокоилась о том, чтобы Кристофер не налетел на них, защищая честь

Беаты, что едва не выдала то, что ей сообщила подруга только что по секрету.

– И что же там в данный момент? – Кристофер поднял одну бровь и вопросительно смотрел на двух застигнутых врасплох подружек.

– Ну, поскольку ты и так ни с кем в Свете не общаешься, да и сплетником ты никогда не был, – заметила леди Кэтрин, – то тебе можно сказать, но это не должно покидать порог этой гостиной! Миссис Стенли пытается забеременеть, но у неё не получается это сделать. И сейчас она проходит лечение у лучших специалистов. В общем, мысли ее заняты совсем не акциями.

Кристофер молчал. Элизабет Торн разволновалась, как онотреагирует на такую новость. И думала, как бы ей удачно перевести тему.

– А Анджела Робертс, в девичестве Дамори, хоть и вышла замуж за Ральфа Робертса, повсюду трубит о том, что не собирается сломя голову обзаводиться детьми.

Кристофер отвлекся от своих мыслей. А леди Кэтрин с любопытством наблюдала за его реакцией, когда упомянули его бывшую пассию и почти невесту. Но Кристофер поразил её своей непроницаемостью.

– Значит, миссис Стенли стала одной из богатейших женщин Великобритании. И у неё есть практически всё, кроме своих детей.

– Кто-то хочет, но не может! А кто-то может, но не хочет!

– Жалко только, что лорд Арчибальд не смог передать ей свой титул! Тогда бы она точно всех умыла! – Кристофер начал ходить по залу.

– А тебя это, похоже, забавляет, да, Кристофер? – спросила леди Рочестер.

– Да! Меня это очень забавляет! Ведь когда-то она была девушкой, с которой стыдно было появиться в высшем обществе. А сейчас она владелица замка древнейшего дворянского рода Великобритании. Молодец старина Чарльз!

Элизабет сидела так, как будто проглотила кол.

– Ладно, мои прекрасные щебетуны, я с прискорбием вынужден покинуть вас, дабы отмыться от краски, – он, дурачась, раскланялся им обеим. Поцеловал леди Кэтрин руку, а маму нежно похлопал по плечу.

Когда он ушел, леди Кэтрин тихо спросила у подруги:

– Лизи, а почему он у вас не женится? Он красив, умен, обаятелен и мил. Неужели он так влюблен в живопись, что не видит юных дев вокруг себя?

– Ох, дорогая Кэтрин. Помнишь, он давно влюбился в девушку, из-за которой его ещё побили в Китайском квартале. Так вот, он у нас, оказывается, однолюб по жизни. И не может больше полюбить никого, кроме неё.

– Это и прекрасно, и ужасно! А что произошло с этой девушкой? Где она сейчас?

– Она навсегда уехала в Америку.

Вечером того же дня, после молчаливого семейного ужи-

на, Кристофер пошёл в кабинет отца. Он налил себе виски и плюхнулся в глубокое кожаное кресло. Вскоре в кабинет вошел Чарльз Торн и прикрыл за собой дверь.

– Что случилось, Кристофер?

– Не уверен, что ты хочешь говорить об этом.

– Я налью себе виски, и мы поговорим, – Чарльз налил себе виски и поставил тяжелый графин на журнальный столик между креслами. После чего он сел в кресло напротив.

– Я слушаю тебя, сынок!

– Ты же уже слышал, что Беата стала новой владелицей замка Арчибальдов и держательницей акций?

– Да, я слышал об этом. Тебя это расстраивает?

– Нет, я даже рад за неё! Меня расстраивает другое.

– Что именно?

– Ирония!

– Ирония?

– Да! Разве это не иронично – мы с Беатой не могли быть вместе, по-вашему и по её мнению, потому что все сочли бы это примитивным расчетом с её стороны в отношении к юному и глупому Лорду. Но сейчас она занимает в обществе положение гораздо выше большинства тех, чьего мнения вы с ней так опасались.

– Пора тебе уже забыть о ней, сынок. И начать жить дальше. Впустить в свое сердце другую женщину и обзавестись семьей.

– Дорогой мой отец! Неужели ты так и не понял, что я

не могу и не хочу впускать в свое сердце никого другого. Когда я встретил её, я сразу понял, что хочу прожить именно с ней всю жизнь. Но судьба распорядилась так, что этому не суждено сбыться.

– Надо жениться на хорошей девушке, которая будет любить тебя и дарить тебе свою нежность и заботу. Может, стоит хотя бы попробовать?

– Ты знаешь, отец, я кое-чему научился в жизни. Чем, я признаюсь, очень горжусь. Я научился понимать, чего я точно не хочу. Я не хочу, чтобы в конце рабочего дня у меня падало настроение, потому что надо идти домой к нелюбимой и надоевшей женщине. Я точно не хочу иметь с такой женщиной детей, перед которыми мне будет стыдно за наши с их мамой отношения. Я не могу тебе точно сказать, чего я хочу! Но зная, чего я точно не хочу, жить становится гораздо легче, – Кристофер допил виски из своего бокала.

– Я никогда не думал, что ты такой мудрый и сильный мужчина! Не скрою, что мы с твоей мамой переживаем за тебя и за все те дела, которые натворили из лучших побуждений. Но теперь, пожалуй, я её успокою. В этой жизни ты не пропадешь. А твое желание не идти в любви на компромисс не признак непробиваемого упрямства, а показатель, прежде всего, силы и уважения к себе!

– Да. Я себя слишком уважаю, чтобы не рассчитывать на лучшее. Мне весьма приятно слышать, отец, что ты понял меня.

– И я очень рад, что ты, наконец, открыл мне глаза. Я не знаю, в кого ты такой? Мы с твоей матерью всегда слепо следуем тому, что общепринято в нашем кругу. Мы с ней не привыкли себя спрашивать, чего мы на самом деле хотим, и совершенно перестали это делать. С детства мы с ней устроены так, что мыслим шаблонами. И не позволяем себе даже допустить мысль, что можно жить счастливо по-другому. И сейчас мне стыдно перед самим собой. Я бы никогда не рискнул жить, как ты! Понять себя, не бояться быть непонятым окружающими и четко следовать выбранному пути. Ты в свои годы гораздо больший мужчина, чем я в свои. Я очень горжусь тобой!

Они налили себе еще виски и сидели молча, наслаждаясь им и своими мыслями. Немного погодя они еще чуть-чуть поболтали на отвлеченные темы. После чего, спокойные и довольные, разошлись по своим спальням. Этот вечер оказался одним из самых важных вечеров в общении отца и сына лордов

Торнов.

Так прошло три с половиной года, в течение которых все шло своим чередом и не происходило больше никаких судьбоносных событий.

Мэтью Стенли стал жить с вдовой по имени Хелен, у которой были двое уже вполне взрослых детей. Младшей девочке 17 лет, а сыну 20. Они были знакомы с детства, но ни-

когда не смотрели друг на друга хотя бы с какой-то каплей страсти и тем более любви. Она вышла замуж за друга из их дворовой компании и лет пять назад потеряла его из-за несчастного случая на стройке.

Шарлотта нашла свое призвание в детях и в их семье в целом. Томас обожал свою жену. Родители тоже полюбили Шарлотту как родную и обожали внуков.

Беата отдала «Клуб у БеШа» в полное распоряжение Рабиба. Общих детей с мужем у них так и не было. Лечиться она прекратила больше года назад. Она перевезла Говнюка и лошадей Джона и Адама в замок Арчибальдов и бывала там буквально через день. Но жить продолжала в их с Джоном доме. Адама уже давно отправили учиться в колледж Итон, где преподаватели хвалили его за ум и ругали за лень.

Кристофер ушел от своего мастера и начал готовиться к собственной выставке, которая должна была пройти в сентябре в Париже, а потом зимой в Лондоне. За время работы подмастерьем он начал утверждаться в своих силах как самостоятельная творческая единица и познакомился со многими интересными и полезными людьми из мира искусства. В его жизни были мимолетные романы.

Как-то вечером Беата подошла к креслу, на котором сидел Джон, и облокотившись на него сзади, поцеловала Джона в затылок и положила свою голову на его плечо.

– Ты последние пару недель какой-то замкнутый и напряженный. Расскажи мне, что случилось?

– Ровным счетом ничего не случилось. Ты себе что-то придумала. Впереди лето, и я думаю, что нам обязательно надо будет поехать на пару месяцев в твоё поместье в Сан-Себастьяне отдохнуть.

– До лета еще два месяца. И я себе вряд ли что-то надумала. Я же знаю тебя. Просто ты не хочешь со мной поделиться, я только не понимаю почему? – она еще раз поцеловала его в голову. И пошла спать. Джон еще долго сидел в своем кресле и спать не поднимался.

На следующий день в кабинете мистера Стенли состоялся следующий телефонный разговор.

– Алло!

– Элеонора! Приветствую! Твое предложение всё еще в силе?

– Добрый день, Джон! Моё предложение заждалось тебя. И да! Оно в силе как никогда!

– Тогда нам надо серьезно поговорить.

После той новогодней вечеринки Оуэн начал неуклонно сдавать свои позиции в политической карьере. Большую роль в этом сыграл Бил Коллин, который подговорил многих зависящих от него предпринимателей и политиков, и тех, с которыми был особенно дружен в Лондоне, блокировать любые попытки Оуэна вести какие-либо дела. Свои неудачи он нес в семью и вымещал злость на жене и ребенке, которого считал не своим. Половых отношений с супругой у него давно не было, да и его любовницы стали подешевле в обраще-

нии, но более алчные до власти. Он вешал им лапшу на уши, говоря о свои делах и перспективах, и обещал им лучшую жизнь.

Вечером Джон позвал Беату в русский ресторан «Две ба-лалайки», где почти пять лет назад у них был обед, на кото-рый Джон забрал её из своей конторы.

Они вкусно поужинали. Беата понимала, что он так пыта-ется что-то скрыть, но решила наслаждаться вечером. Она очень любила мужа и доверяла ему. В ресторане играла жи-вая музыка и некоторые пары танцевали. Джон пригласил жену на танец. Во время этого танца их накрыла прекрасная волна прошлого. Беата чувствовала, что Джон наслаждается этим вечером. У него были спокойные, нежные, но тоскли-вые глаза.

Вернувшись домой, в спальне он даже не дал ей самой раз-деться, такого давно не было, чтобы он налетал на нее с та-ким нетерпением. Повалив ее на кровать, он положил ее на бок, оставив одну ногу между своих ног, а ту, которая бы-ла сверху, закинул так, чтобы она обняла его бедра. Сам он стоял над ней на коленях, одной рукой вцепился в ее бедро, а другой схватился за грудь. Кончив в такой позе, он повал-ился на неё и начал страстно целовать её губы. После чего она уснула на его плече. А он долго не мог уснуть, лежал и наслаждался запахом ее волос и теплом её тела.

На следующее утро они вместе позавтракали, всё было как обычно. Беата отправилась в замок Арчибальдов, а Джон

поехал к себе на работу.

Вечером в замок Арчибальда приехал очумевший Калев. Он нашел Бекату в саду, она шла из конюшни к замку.

– Джон разбился насмерть.

Беката побежала, но не поняла куда. Калев побежал за ней.

– Где это произошло, вези меня туда! Срочно!

– Там работает полиция! Джон на полной скорости врезался в машину Оуэна Райта и они оба впечатались в каменную изгородь.

На месте аварии было много полицейских и зевак. Мэтью и дядя Уильям были уже там. Им удалось выяснить, что полицейские считают, что в автомобиле Джона отказали тормоза, он не справился с управлением и врезался в автомобиль Оуэна, впечатав его в изгородь. Оба погибли на месте. Их тела уже отвезли в морг.

Беката не могла в это поверить. У нее зазвенело в ушах, и земля ушла из-под ног. Очнулась она от ударов по щекам. Она лежала на заднем сидении машины Калеба и Мэтью хлопал ее по щекам. Придя в себя, она приказала Мэтью отвезти ее в морг. Уильям и Калев поехали с ними.

– Тебе лучше не смотреть на тело, – сказал Уильям. – Мы с Мэтью тебя не пустим!

– Как это не пустите? Вы в своем уме?

– Ты не в своем уме! – ответил Уил.

И действительно, у Бекаты были глаза обезумевшего человека. Она не могла плакать. В ней чувствовалась агрессия и

злоба. Было заметно, что её трясет. В морге она налетела с кулаками на Мэтью, когда тот решил, что Уильям прав, и не хотел ее пускать. Калев оттащил её от Мэтью и прислонил к стене. Беата билась о Калеба и стену, кричала, царапалась, до того момента пока не устала и не заплакала. Она сползла на пол и начала рыдать в голос. Спустя десять минут Уильям уговорил работника морга сделать ей сильный успокоительный укол. Беата никого не слышала и уколу не сопротивлялась. Ей было все равно, что с ней происходит.

После укола Мэтью и Уильям отвезли её домой. Она была вся в синяках и ушибах от своей истерики в морге.

– Мэтью, попроси Шарлотту или Хелен пригладеть за Бетой или найти ей сиделку. Мне кажется, она может навредить себе. А мы с тобой займемся подготовкой похорон.

На следующий день всем членам семьи пришло письмо, в котором говорилось почти одно и то же, кроме пары предложений, относящихся лично к адресатам. Джон не был силен в эпистолярном жанре, поэтому сильно душу не изливал, а написал все как есть без прикрас.

«Дорогая моя, любимая жена!

Я очень рад, что мы встретились и последние годы моей жизни счастливо жили вместе. Моя смерть не случайна. Я ушел из жизни и забрал с собой того, кто мог бы отравлять тебе жизнь в тот момент, когда я не смогу за тебя заступиться. Несколько месяцев назад у меня начались боли и, сходя к врачу, я узнал, что у меня нашли опухоль. Я обследовался

у нескольких разных специалистов. Все как один дали мне еще полгода, в течение которых я должен был слечь и стать лежачей обузой для любимой мною семьи. Я помню из детства, каково это, и повторять этого я больше себе не позволю. Я помню, как угасала мама, ухаживая за мной. Тебе я такой участи не желаю. И ухожу сознательно. Я очень люблю тебя! Надеюсь, у тебя всё будет хорошо! Я прошу тебя позаботиться об Адаме. Я навещал его на днях. Жалко, что я так мало времени проводил с ним. Люблю вас бесконечно! Это большое счастье, что вы у меня были.

Джон»

К Беате была приставлена сиделка, которая делала ей уколы и давала таблетки. Навредить себе Беата не пыталась. Силы ей давало то, что у нее остался Адам, о котором надо будет позаботиться.

После тяжелейших похорон, на которых люди Стенли по приказу Уильяма и Мэтью к Беате никого с соболезнаванием не подпускали, иначе она могла бы сорваться и начать истерику, Беата с Адамом вернулись домой, где жить без Джона стало невыносимо. Беата не могла избавиться от чувства, что она ждет его. Что вот-вот он придет. Выглядывала в окно. Летела к дверям на стук. Чтобы не сойти с ума, ею было принято решение переехать в замок Арчибальдов. А после этого договориться в колледже, чтобы Адама отпустили на

каникулы пораньше. Взять с собой Говнюка и вместе отправиться в Сан-Себастьян, для того чтобы помочь себе и Адаму пережить гибель Джона. Так она и поступила.

В завещании Джона Стенли было сказано, что свой дом он отдает сыну Адаму. Компания по добыче железной руды и золота после достижения Адамом совершеннолетия перейдет в его владение, ну а пока управлять ею надлежало Мэтью. Весь остальной свой бизнес он также доверил Мэтью, за исключением компании, находящейся в Нью-Йорке, через которую Бил Коллин делал многомиллионные поставки в Британию и другие страны Европы. Владение ею он оставил супруге. Далее все свои сбережения на банковских счетах и ценные бумаги он поделил равными долями между Адамом, Уильямом, Шарлоттой, Мэтью и Беатой.

Когда Кристофер узнал о смерти Джона Стенли и Оуэна Райта, он сразу понял, что это не была случайность. И что Оуэн и есть тот опасный человек, о котором говорил ему Джон. На похоронах подойти к Беате он не решился, подумал, что это будет крайне неуместно. И вообще, из уважения к ней и к её скорби, он решил дать ей несколько недель, чтобы потом выразить ей свои соболезнования и предложить своё плечо и помощь. Не стоит лукавить и не говорить, что в сердце у Кристофера сильнейшим огнем загорелась надежда на то, что она теперь свободна и у него есть шанс вернуть её себе.

Кристофер еле выдержал три недели. Он узнал, что Беата

переехала из их с Джоном дома в замок Арчибальдов, который находился недалеко от дома самого Кристофера. И когда он пришел, чтобы наконец-то увидеться с ней, то был ошарашен новостью о том, что она с Адамом уехала отдыхать в Испанию и неизвестно, когда решит вернуться.

Кристофер дал себе еще три недели и пришел опять в её замок. Беата еще не вернулась, и дата возвращения всё ещё была неизвестна. В этот раз дворецкий предложил оставить запись в книге посетителей, которую по приезду миссис Стенли обязательно прочитает. И тогда Кристофер решил приходить в замок каждый день и оставлять ей запись. Это длилось несколько месяцев. Каждый день Кристофер приходил к её дому и оставлял сообщение. Ему было не важно, прочитают ли его послания другие посетители, главное, что их увидит она.

В первые несколько недель в Сан-Себастьяне Беата и Адам старались не оставлять друг друга наедине со своими мыслями. Потому что как только кто-то из них оставался один, тут же накатывали воспоминания о Джоне и начинали течь слезы. Труднее всего давались ночи. Особенно Беате, которая привыкла ощущать тепло и запах тела своего мужа. И мучительно больно было осознавать, что вот и всё – больше никогда. Вскоре ей понадобилась помощь снотворных препаратов, потому что она стала опасаться ночей. Они сводили ее с ума.

Каждый день и не по одному разу она каталась на Говню-

ке, который прекрасно чувствовал, что его хозяйке больно. Постепенно боль стала менее острой и со временем перешла в пустоту. Беата уже более спокойно реагировала на такие мысли как: вот зацвели цветы, а Джон их больше не увидит никогда; вот принесли запечённое мясо, а Джон больше никогда не попробует запечённого мяса. Адам продолжил свою детскую дружбу с соседкой Вероникой. Она, оказывается, начала учить английский и теперь они смогли разговаривать на испано-английском языке. Вероника оказалась чуткой и необычайно мудрой девочкой для своего возраста. Ей было всего 15 лет, но, тем не менее, её чувства к Адаму прежде всего выражались в опеке над ним.

Беата договорилась с родителями Вероники, что она может приезжать к ним гостить и сама, и с родителями, когда пожелает.

Через неделю после отмечания дня рождения Джона Беата начала потихоньку готовиться к возвращению в Лондон. Скоро должен был начаться новый учебный год в колледже. И, как бы ни хотелось, а надо было возвращаться к обычной жизни. Первое, что тронуло пустоту внутри Беаты, это было прощание Адама с Вероникой. Они целовались в губы, гладили друг друга по лицу и плакали. Беата поняла, что под ее носом прошёл первый летний роман её сына. А она ничего не заметила, потому что ушла в пустоту и начала упиваться своими всепоглощающими эмоциями. Ей стало стыдно за себя. И этот стыд и чувство ответственности стали толчком,

чтобы выбраться из той эмоциональной ямы, в которую она сама опустилась.

Молодой лорд Торн продолжал ходить к замку Беаты каждый день до конца лета, пока ему не понадобилось поехать на свою выставку в Париж. Выставка прошла хорошо. Кристофер продал несколько картин, но самое главное – он заинтересовал и покори́л своим обаянием много потенциальных покупателей из разных стран мира. Многие француженки приглашали его провести ночь в своей компании. И даже поддаваясь ни к чему не обязывающему любовному приключению, Кристофер видел перед своими глазами только одну женщину.

По возвращении в Лондон Беата и Адам быстро подготовились к его новому учебному году. И в оставшееся время они навестили родных. Провели Шарлотту с сыновьями. Навестили дедушку Уильяма. Встретились с Мэтью. А ещё Адам отпросился у Беаты поехать в гости с ночевкой к своему дедушке полковнику Уайетту. Вскоре Адам уехал в Итон. А Беата начала пытаться освоиться в громадном замке Арчибальдов. Затеяла ремонт в своей спальне и спальне Адама.

Вернувшись в Лондон, лорд Кристофер Торн услышал, что вдова Стенли вернулась в свой новый дом. Но, придя к воротам её замка, он узнал, что она никого-никого не принимает и что он может оставить для нее сообщение всё в той же книге. Кристофер был расстроен. Его как будто шмякнули с небес опять об землю. Но, обладая не только упрямством, но

и терпением, он взял книгу и оставил ей еще одно сообщение после перерыва. Кристофер решил ориентироваться на результат! Он не мог сдаться и отступить вот так вот. Каждый день он подъезжал к воротам её замка и оставлял по одному сообщению.

В октябре Беата, доделав дела, опять уехала в Сан-Себастьян. Там ей было легче. Отсутствие такого количества дождей и ясное небо помогало постепенно привыкать к жизни вдовы. Она носила черную одежду. И семья Артаса-Хименес позволяла себе подшучивать над ней, что издавека, когда она едет на своем вороном коне вся в черном, она выглядит весьма зловеще.

К Рождеству она вернулась в Лондон повидать Стенли, Найветтов и Рабиба. После этого она забрала Адама на рождественские каникулы в Сан-Себастьян, где Рождество он провел в доме Вероники и её семьи. Сама же Беата предпочла соблюсти траур и не посещать никакие празднества.

После каникул Адам вернулся в колледж.

По окончании январских праздников высший свет Лондона бурно обсуждал открытие художественной выставки лорда Кристофера Торна. Организовать это мероприятие взялась сама леди Рочестер. Она даже отменила в этом году свой ежегодный послесвяточный бал, решив перенести его на конец апреля после Пасхи, и все свои усилия и фантазию направила на представление работ дорогого её сердцу лорда Торна.

Для его выставки было специально выделено несколько залов в Лондонской галерее искусства Тейт Британ. Леди Рочестер смогла повлиять на управляющих галереей и украсить залы красивой мебелью, а на открытие подавать игристое вино и закуски. Если за дело бралась маркиза Кэтрин Рочестер, то успех мероприятия был обеспечен. Но дело не только в уважении и чувстве вкуса леди Рочестер. Кристофер и сам выступал в высшем свете Лондона довольно любопытным персонажем, и его картины на самом деле были профессиональны, чувственны и красивы.

На открытие пришли все его друзья: и Роберт Баррингтон с супругой Эмилией, и остальные друзья из их компании, с которыми Кристофер потерял связь, включая Анджелу Робертс с супругом и Эдварда Эттвуда с женой. Все леди, с которыми Кристофер переспал в период своей депрессии, пришли проверить, не вдохновили ли они Лорда на какую-нибудь картину. Когда друзья из старой компании со своими спутниками и спутницами обступили его, то последовал самый насущный вопрос:

– Дорогой наш, Кристофер! Когда уже ты перестанешь волновать измученную общественность и женишься, наконец?

– Да, Крис! Нам хотя бы посмотреть на ту невероятную женщину, которая, по твоему мнению, вполне может стать леди Торн.

– Дорогие друзья! Если я и женюсь, то на девушке, кото-

рая потеряла со мной свою невинность! – Кристофер улыбался, и все тут же начали хохмить по этому поводу.

– Ооо! Вы только поглядите на него. Этот потасканный хитрый лис мечтает о молоденькой женушке.

– Что Вы, он же художник! Романтическая натура! Ему полагается жениться на ангеле!

– Да он ее быстро испортит и опустит на грешную землю самым приятным образом!

Все не могли перестать смеяться и шутить по этому пикантному поводу, который подбросил для них виновник выставки. Зато от расспросов про свадьбу Кристофер на вечер себя избавил.

Это был чудесный и по-своему добрый вечер, в котором было много ностальгии. Родители светились гордостью и с радостью общались со всеми, обсуждая работы сына. Долгожданное понимание и похвала пришли к Кристоферу от людей, в чьем окружении он вырос.

Не пришла только Беата. Она и не могла себе такого позволить, ведь еще не прошел год со смерти Джона, и в обществе было не принято появляться на веселых и шумных мероприятиях до истечения этого срока. Но Кристофер всё же надеялся, что она обязательно увидит его выставку. Ведь вся эта идея пришла им в голову в той маленькой съёмной художественной студии после того, как он нарисовал её портрет. И сейчас та далекая мечта осуществилась, но только главной музы не было рядом.

В начале марта Беата вернулась в Лондон вместе с Говнюком. Наступала первая годовщина смерти Джона, и Беата хотела устроить для Стенли и Найветтов семейный обед в ресторане, где они с Джоном праздновали свадьбу. Мэтью пришел с Хелен. Она его очень поддерживала весь этот год. Джон не зря в завещании передал дела брату. Во-первых, эти хлопоты помогли Мэтью отвлечься и таким образом справиться с горем. А во-вторых, подняли и его жизнь на другой уровень. Забота о двойне помогла Шарлотте, и только Уильям постарел в разы по сравнению с прошлым годом. За обедом все мало общались и в основном говорили о сорванцах Шарлотты. Когда пришло время прощаться, все поочередно обнимали друг друга, и все-таки Мэтью и Беата не смогли сдержать слезы.

Холодным и снежным весенним утром в конце марта Беата со скуки решила открыть книгу посетителей и увидела сотни сообщений, оставленных Кристофером для неё. Первая запись была датирована маем, а потом шли записи с периодичностью в день. На её глаза навернулись слезы, она свернулась калачиком в кресле и, прикрыв рот рукой от изумления, начала читать каждое сообщение. Не дочитав до конца, она отбросила книгу и побежала собираться. Она твердо решила поехать к Кристоферу. Она не собиралась ни о чем думать, ей просто безумнейшим образом хотелось увидеться с ним.

Несмотря на то, что ехать к нему было совсем близко, она, тем не менее, умудрилась за это короткое время начать нервничать.

Дверь открыл дворецкий.

– Добрый день!

– Добрый день! Я бы хотела увидеть лорда Кристофера Торна! Меня зовут миссис Беата Стенли.

– Беата! Добрый день! – леди Торн спускалась по лестнице. – Роджерс, проводи миссис Стенли в мастерскую к Кристоферу.

– Да, мадам.

Пройдя по коридору направо до самого конца, Роджерс остановился у сплошных двустворчатых дверей и постучал.

– Сэр Кристофер, к Вам посетитель!

– Да, ну пусть войдет!

Беата в сильном волнении открыла дверь и сделала шаг. Она не знала, как на нее отреагирует Кристофер.

– Привет!

Его глаза загорелись, он улыбнулся и ринулся к ней с палитрой и кисточкой в руках. Потом засуетился, чтобы положить их. Взял тряпку, чтобы вытереть руки.

– Привет! Я рад, что ты пришла!

Беата выдохнула, но волнение не покидало её. Она давно не испытывала положительных эмоций и поэтому они стали неконтролируемыми и сопровождались перевозбуждением, перетекающим в волнение.

– Мне очень захотелось тебя увидеть. Я сегодня открыла книгу для посетителей...

– Давай я тебе всё здесь покажу! Почти все картины сейчас в галерее Тейт! А я сейчас работаю вот над этой.

Но Беата не смогла не заметить большой квадратный холст, на котором было изображено её лицо в пол-оборота почти на всей площади холста, а по краям, как в калейдоскопе, шли мазки зеленой, черной, желтой, белой масляных красок. Как будто бы она оборачивается и смотрит откуда-то из сна. Глаза большие и взволнованные.

Кристофер заметил, что она, раскрыв рот, смотрит на свой портрет.

– Я научился рисовать твое лицо без позирования, – Кристофер гордился собой, хотя немного смутился.

К глазам Беаты подступили теплые слезы переполняющей её любви.

Она обернулась к нему. Кристофер увидел её растерянное и одухотворенное лицо. Он приблизился к ней и начал целовать. Он прижал её к себе так сильно, как только мог. Сделав два оборота, он усадил ее на маленький диванчик, изрядно испачканный брызгами засохшей краски. В это время она начала стаскивать с него кофту. Он приостановился на миг проверить твердость её решения. И убедившись, что она понимает, что делает, начал снимать одежду с неё.

– У меня нет с собой контрацептива.

– Я не забеременею, в остальном я здорова.

– Да я не боюсь.

Он вошел в неё. И посмотрел ей пристально в глаза. Она смотрела на него с трепетным интересом. После того как они оба убедились, что это не сон, они перешли в бешеный ритм. Они соскучились и изголодались друг по другу. Когда Кристофер кончил, он лег на неё и долго ещё оставался в ней. Им обоим сложно было поверить в то счастье, которое сейчас происходит с ними.

– Я сегодня заходил к тебе.

– Я не успела до этого дочитать. А завтра ты зайдешь?

– Я бы хотел сегодня поужинать с тобой.

– Останешься на ночь?

– Да, если ты не против.

– Тебе придется купить эклеры.

Они начали целоваться.

В мастерской было достаточно прохладно, так что влюбленным пришлось одеться, чтобы не замерзнуть.

– А ты знаешь, та картина, которую я нарисовал под воздействием твоего орального мастерства, произвела невероятный фурор в Париже, когда под картиной была вывешена аннотация к ней.

Беата лукаво улыбалась.

– К семи ты будешь готова?

– Да! Поеду, займусь приготовлением ужина.

К семи часам вечера в замок Арчибальдов охрана пропустила автомобиль лорда Торна. К центральному входу замка

Кристофер подошел с большой коробкой эклеров и букетом чайных роз.

Дверь ему открыла сама Беата.

– Привет! От Чарльза мне достался совсем старенький дворецкий, я его лишний раз стараюсь не утруждать. Пойдем. Ты был в этом доме?

– Да! Да, был много раз. Отец дружил с сыном Чарльза, и мы часто бывали у них в гостях. Так что многое в этом доме я помню.

– А ты видел коллекцию его скульптур?

– Видел, но я тогда был маленький и не ценил искусство. Меня больше волновали потайные комнаты и приведения.

– Приведения здесь точно есть. Постоянно что-то скрипит и брякает. На ужин я приготовила спагетти с фаршем в томатном соусе. Поможешь мне открыть вино?

– Да! Конечно!

За ужином они постоянно смущенно улыбались друг другу. Эти два взрослых человека умудрились за ужином вести себя как два влюбленных школьника.

– А где именно в Испании ты любишь отдыхать?

– Моя покойная бабушка оставила мне в наследство одну из своих резиденций. Это небольшой замок в Сан-Себастьяне. А ты спрашиваешь для того, чтобы найти меня, если вдруг я уеду?

– Да!

Она усмехнулась:

– Так странно, у меня ощущение, что я прекрасно знаю тебя. Но прошло столько времени и столько всего произошло в твоей жизни, а я всё равно ощущаю тебя как родного человека. И мне известны все твои задумки и то, как ты поступишь. Как это может быть?

– Это потому, что ты знаешь меня настоящего! Такого, каким я останусь, несмотря ни на что. Я тоже чувствую тебя как родную душу и знаю, что ты не изменилась по отношению ко многим вещам.

– Предлагаю десертом насладиться в спальне. Помоги мне отнести туда эклеры и вино.

Спальня Беаты находилась недалеко от зала и кухни. Она сознательно занимала мало места. На это у неё было три причины. Первая – чтобы не прогревать большущий замок. Вторая – чтобы не бегать на огромные и холодные расстояния. И третья – она считала, что так привидениям будет спокойно, что она как бы откупилась от них, отдав им большие просторные площади.

Её спальня была выполнена в фиолетово-фуксийных тонах. Напротив окна, которое выходило в сад с противоположной от ворот стороны, Беата установила себе низкий диван в восточном стиле, на котором можно было сидеть полулежа и смотреть через большое окно в сад и на звезды. На этом диване они с Кристофером и разместились в обнимку с бокалами красного вина и большой коробкой разнообразных эклеров, половина которых всё-таки была ванильными.

Ночь была наполнена нежностью. Любовью они занимались два раза за ночь. Оба раза Кристофер усаживал Беату сверху на себя. Впервые в жизни он занимался сексом без презерватива. К Беате у него было полное доверие, как и у неё к нему. К тому же заниматься любовью, чувствуя всей кожей друг друга, и кончать в любимую женщину, придавало их занятиям любовью удовольствие нового, более чувственного и глубокого уровня.

Утром Кристофер разбудил её тем, что начал целовать ей грудь и ложиться своим тазом между её ног. Не открывая глаз, она улыбнулась и начала возбуждаться, после чего последовало само собой разумеющееся занятие любовью.

Кристофер с ней чувствовал себя настоящим и ровно таким, каким он и хотел быть. Ему нравилось это чувство. Оно было у него и тем летом, когда их отношения прервали родители. И он сберег это ощущение до этого момента. Для Кристофера дожидаться свою женщину было тяжело. Но дожидаться – стало важнее всего!

Через день Кристофер переехал к ней. В замке Арчибалда нашлось место для его мастерской. А больше ничего переделывать и не потребовалось.

Они, даже не обсуждая, почувствовали, что не хотят просыпаться и засыпать друг без друга. У них было похищено слишком много времени, и сейчас терять его было просто противоестественным сумасшествием.

Родители Кристофера были безумно счастливы. Оставал-

ся только один момент, который вносил некое беспокойство в сердце Беаты. Как Кристофера примет Адам и как отреагируют остальные Стенли и Шарлотта, что Беата начала жить с другим мужчиной? Было принято решение никому не говорить об отношениях Кристофера и Беаты, пока она не поговорит с родственниками, чтобы они первыми услышали эту новость от неё. Набравшись смелости, Беата поехала к каждому из членов семьи и сообщила им, что у неё появился мужчина, и, скорее всего, будет объявлено о помолвке. Никто не посмел открыто осудить Беату. Мэтью под влиянием Хелен стал более человечным и даже пожелал ей удачи. Уильям неожиданно и категорично поддержал её. Шарлотта тоже сказала, что рада за Беату, и это обстоятельство никак не повлияет на их взаимоотношения, что они все равно останутся семьей. А вот Адам! Адам был взволнован. Он уже привык ощущать себя старшим и ответственным мужчиной в их маленькой с Беатой семье. Про Кристофера он задал много вопросов. И был при этом невероятно строг. Беата рассказала ему их с Кристофером историю. Что это была их первая настоящая любовь, которая закончилась резко и без объяснений. Что после этого она познакомилась с его отцом и смогла полюбить снова. Выслушав всё, Адам немного смягчился. Он сам был влюблен в Веронику и очень остро понимал всю тяжесть разлуки с любимой. В конце разговора Адам пообещал, что будет объективен. Но Беата смогла заметить, что первоначальный налет строгости и волнения с

него слетел.

О помолвке решено было объявить на весеннем балу леди Кэтрин Рочестер. Для нее это будет приятным сюрпризом, а сама новость опять оживит всё мероприятие и заставит всех говорить об уникальности, присущей празднествам леди Рочестер. Донести эту интригующую новость было возложено на леди Элизабет, только при одном условии, что личность невесты будет сюрпризом до самого бала.

Незадолго до бала Леди Кэтрин Рочестер попросила Беату вспомнить былое и помочь ей выбрать платье для устраиваемого ею бала. Беата не посмела ей отказать, и было решено встретиться в Клубе у «БеШа» на следующий день. Беата поддавалась приятным воспоминаниям и начала подготовку к приезду столь важной для Клуба персоны. Она просмотрела множество платьев и выбрала из них два. Были куплены фруктовые корзиночки и трубочки с заварным кремом, а розовое вино охлаждалось к её приезду.

Беата тоже уже выбрала себе платье для первого выхода в свет после того, как был выдержан строгий траур. Оно было пышное с небольшим шлейфом. Вся юбка состояла из маленьких фатиновых воланов во множество горизонтальных рядов до самого низа. Платье было выполнено в цвете темной пыльной розы. Верх у платья был сдержанный, с рукавами до локтя, но очень удачно подчеркивал стройную фигуру миссис Стенли.

Для маркизы Рочестер Беата выбрала платье пыльно-сли-

вового цвета с крупными вертикальными воланами, которые очень красиво струились в движении. Верх платья был на бретелях с накидкой.

Леди Кэтрин, как всегда, приехала вовремя. Она сама настояла на том, чтобы как можно скорее было подано вино для неё и для Беаты.

– У меня к Вам есть разговор, – по её поведению это было очевидно. – Насколько я помню, Вы уже выдержали положенный траур. И я хочу посоветовать Вам, моя дорогая, начать выбираться в свет. Я заранее прошу прощения за мою прямоту, но Вы ещё молодая и красивая женщина, не вздумайте закапываться в своем горе и отворачиваться от мира. Я знаю многих достойных мужчин, которые горят желанием пообщаться с Вами. Собственно, у меня есть для Вас приглашение на мой весенний бал. Я не хочу настаивать, но убедительно прошу прислушаться к моему совету.

– Спасибо, леди Кэтрин, за Вашу заботу и за приглашение. Я уверена, что Вы правы. И я не хочу раздавать обещаний, но я постараюсь присутствовать.

– Большого я и не требую. Это весьма деликатная тема. Но я хочу, чтобы Вы знали, что я буду Вас очень ждать! Кстати, моя подруга леди Элизабет Торн поделилась со мной радостными известиями. Её сын, знаменитый и талантливый художник Кристофер, собирается представить на этом балу свою будущую невесту. Это прелюбопытнейшее событие! Видите ли, ему уже 26 лет и к своим годам он практически

не появлялся в обществе, будучи в отношениях с какой-либо девушкой. Он замечательный молодой человек, я знаю и люблю его с самого детства. Но вот что касается его любовных отношений, там одно сплошное невезение. Поэтому мы, близкие ему люди, очень рады, что он, наконец, встретил ту единственную. Вот только кто она, он держит в тайне. Хочет устроить сюрприз на моем балу.

– Да, я помню этого приятного юношу. Вы знакомили нас на одном из Ваших приемов.

– Ну, давайте перейдем тогда к платьям! Я жду не дождусь уже этого бала. Весной как-то особенно хочется наряжаться в платья и танцевать, даже в моем почтенном возрасте.

Наступил вечер весеннего бала у леди Рочестер. Для поддержания интриги Кристофер и Беата решили опоздать примерно на час.

По Кристоферу было заметно, что он взволнован, Беата же, напротив, была спокойна. Люди, чье мнение её волновало, уже были предупреждены об её отношениях с молодым Лордом.

Зал в замке Рочестеров был украшен цветами. Атмосфера была легкой и веселой. Очень многие из присутствующих подходили к Чарльзу и Элизабет Торн для того, чтобы поинтересоваться, где же Кристофер и как скоро он появится.

Стоя перед парадными дверьми, Кристофер смотрел на Беату влюбленными глазами. Казалось, ещё чуть-чуть и его разорвет от счастья.

– Я бы хотел тебя нарисовать! Вот в этом платье!

– Хорошо, милый! Я с радостью попозирую тебе!

И они пошли в зал. Когда они переступили порог, было даже неловко от того, как на них уставились гости леди Рочестер. Не скрывая удивления и шока, они разглядывали эту прекрасную пару. Послышался шёпот десятков голосов.

Кристофер и Беата начали медленно продвигаться по залу, чтобы найти леди Рочестер и поздороваться с ней. Но леди Кэтрин сама быстрым шагом шла им навстречу, волоча за собой почтенного супруга.

– Вот это сюрприз! Добрый вечер, мои дорогие! – и она поцеловала в обе щеки Кристофера и Беату.

– Добрый вечер, Сэр Рочестер! Леди Кэтрин! – сказали они почти хором.

– Это как так получилось, что наш дорогой Кристофер смог тебя очаровать? Это всё его художественная натура? Простите меня за бестактность, но он полная противоположность твоего бывшего мужа! – леди Кэтрин была ошарашена и взволнована. А поскольку она действительно хорошо знала их по отдельности, то позволяла себе не подбирать выражения, чего не случилось бы, стой перед ней другие люди.

– Мы познакомились с Беатой еще до того, как она встретила своего первого мужа. И скажу Вам, леди Кэтрин, по секрету – это и есть та девушка, из-за которой меня избили в Китайском квартале. Я хотел на ней жениться ещё тем летом. Я всегда хотел на ней жениться!

Леди Кэтрин ахнула. У неё произошла полная переоценка личности Кристофера. В один миг он перестал быть для неё причудливым художником, а превратился в настоящего рыцаря, которых сейчас почти не встретишь.

– Вы мне потом всё-всё расскажете! Это же настоящий роман! Рекомендую вам сыграть свадьбу как можно скорее. Ты и так долго этого ждал, дружочек мой!

– Всенепременно, леди Рочестер!

– Отпускаю вас на растерзание своим гостям! А мне надо переговорить с Лизи!

После лордов Рочестеров Кристофер повел Беату к своим друзьям, которые стояли кучкой у столика с шампанским.

– Добрый вечер! Вот это номер! Наш Крис и миссис Стенли!

– Ну, ты можешь уже привыкать называть её миссис Торн.

Тут Беата засмушалась, и щеки её залились розовой краской.

– Да как ты умудрился завоевать внимание миссис Стенли? Я тоже приходил к её замку и мне вежливо сообщили, что она никого не принимает.

– Просто мне увидеться с ней было важнее, чем тебе!

– Но сейчас я это вижу.

– А давайте спросим у самой будущей леди Торн, как Кристоферу удалось её очаровать?

– Ну, могу сказать, что он взял меня тем, что никогда не отступался от меня.

– Всё равно непонятно. Вы, наверное, ещё стесняетесь нашей компании?

– Простите, а как же, да простит меня миссис Стенли, все разговоры, что наш дорогой Кристофер женится только на девственнице?

– Нет! Я не так сказал. Я сказал, что женюсь на той, которая лишилась со мной своей невинности.

– И?

Беата покраснела и уткнулась лицом в плечо Кристофера.

– Да ладно Вам?

– Да не может быть?

– Я ничего не понимаю! Вы знакомы друг с другом уже давно или миссис Стенли была до недавнего времени девственницей?

– Какой же ты балда! Ты можешь себе представить, что при своей внешности и красавчике покойном муже... Прости, Кристофер! Миссис Стенли была девственницей все эти годы!?

– Ну, хватит вам! У нас с ней был роман до того, как она познакомилась с Джоном Стенли.

– И ты уже тогда уговорил её..... она, наверное, была сильно пьяна?

– Да почему у вас такое отношение ко мне? У нас был нежный и трепетный роман. Это из-за неё меня отлупили по полной в Китайском квартале. А потом мы были вместе. Я рассказывал вам о ней.

– Так она не китайка?

– Абсолютно не китайка!

– Да с чего вы взяли, что она должна быть китайкой?

Сами так решили!

– Но в Китайском квартале....

– Мы подумали, что наш Кристофер с чудинкой и влюбился в китайку.

– Вы сами решили, что я с чудинкой, на пустом месте!

– А что миссис Стенли делала в Китайском квартале?

– Я там жила и обучалась тому, что мне было очень нужно!

– Медицине? Покойный старик Арчибальд рассказывал моему отцу про какие-то чудодейственные китайские мази, которые ему приносит миссис Стенли.

– И медицине в том числе.

– Боже, как это всё волнительно! И там вы встретились с нашим Кристофером, и у вас завязался роман! Потом Кристофера побили, но вы не отступились друг от друга.

– Подождите, я уже не улавливаю всей сути! Так Кристофер в итоге, получается, не чудило? Не может быть!

– Я вообще не понимаю, от того, что я вдруг влюбился в китайку, я стал для вас чудилой. А теперь, когда выясняется, что это была Беата, вам становится удивительно, что я, возможно, не чудило?

– Нет! Мы не могли все так ошибаться! Ты чудило!

– Мы уже все к этому привыкли и не собираемся пере-

страиваться из-за какого-то недопонимания в прошлом.

– Так я и думал, – заметил Кристофер.

Беата улыбалась. У неё никогда не было таких друзей. Но чувство юмора Кристофера она всегда очень любила. Юмор его мог быть и черным, и сальным, и милым, но он всегда был смешным. И теперь она поняла, что друзья у него были подобраны как раз из тех, кто понимал его юмор, мог поддержать его и продолжить.

– Вы только представьте – юный Крис и совсем молоденькая миссис Стенли...

– Ой, ну хватит уже! Разумеется, мы все это представим. Но вслух произносить не надо.

– Как тебе мои друзья? Если они тебя шокируют и раздражают, то мы можем никогда с ними не общаться, – обратился Кристофер к Беате.

– Да конечно!

– Еще чего!

– Хрен тебе!

Беата рассмеялась:

– Хорошие у тебя друзья! Правда, чудные и озабоченные. Но, с другой стороны, с другими было бы чертовски скучно. У меня ко всем вам большая просьба. Называйте меня, пожалуйста, Беата, а не миссис Стенли.

– Мы попробуем! Просто Вы, наверное, не знаете, но словосочетание миссис Стенли считается уже устоявшимся.

– Да, Вас все хотели бы того... настолько Вы красивы и

сексуальны.

– Ну, может быть, вы все-таки, скрипя душой, в лицо мне будете говорить Беата, а за глаза можете продолжать употреблять устоявшееся словосочетание?

– Да, так можно попробовать.

– Ну, вот и прекрасно, – закончил Кристофер. – Вы нам уже надоели, надо разыскать маму с отцом. Ещё увидимся!

Когда Кристофер и Беата от них отошли, друзья без стеснения начали обсуждать их и удивляться, ну как все ж таки их Крис смог завоевать миссис Стенли!

Подойдя к родителям, Кристофер заметил, что его мама сияет от счастья. Она по-настоящему счастлива! Отец был невероятно горд, что его сын стал настолько уникальным мужчиной в глазах общества, что смог завоевать миссис Стенли. Потому что после смерти Джона Стенли мужчины в обществе, не стесняясь, обсуждали прекрасную вдову и рассказывали, какие у них планы её утешить. Но из-за её отъезда в Испанию все их жаркие разговоры превратились в пустую болтовню. Провести с ней ночь или больше мечтал почти каждый джентльмен, кто не стеснялся в этом признаться, а кто-то молчал и оставлял мысли о ней на время перед сном. Но в итоге её новым мужем и абсолютным получателем самой желанной женщины в Лондоне того периода стал сын лорда Торна.

На следующий день после бала Кристофер отвел Беату на свою выставку. Они договорились сразу, что без него она не

пойдёт, потому что ему хотелось ей одной рассказать о нюансах каждой его картины. Это был удивительный момент. Все началась с того, что он не мог объясниться в китайской лавке о покупке нужных ему красок, и Беата пришла на помощь, а сейчас он ведёт её по своей выставке, получившей признание общественности, и рассказывает этой девушке обо всех забавных нюансах, сопутствующих его творческому пути. Ему было не страшно и не стыдно за свое наконец-таки наступившее счастье. Ну а Беата тоже хорошо чувствовала магию этого момента и насколько он важен для них двоих.

Свадьба была назначена на июль. Подготовка к ней шла полным ходом. Все торжество должно было пройти в замке Арчибальдов.

Беата не знала, кого же ей попросить отвести её под венец. Ведь почти все мужчины, которые у неё остались, были Стенли, а просить кого-то из них вести её к алтарю, чтобы отдать другому мужу после Джона, совершенно не представлялось возможным. Остались Рабиб или Билл Коллин. Был, конечно, еще один совершенно восхитительный и нереальный вариант. Но Беата решила попытать счастья и воспользоваться связями погибшего мужа.

Наступили летние каникулы, и вернувшийся из колледжа домой Адам очень рвался в Сан-Себастьян. Решено было успеть за неделю доделать дела в Лондоне и поехать на пару недель со всей семьей Торнов в Сан-Себастьян для того, чтобы Адам получше познакомился с будущими родствен-

никами. Со старшими Торнами Адам поладил сразу. Чарльз Торн тоже в свое время учился в Итоне, и у них уже была общая тема для первого разговора. Ну а после этого у них сразу наладились приятельские отношения. Им обоим было очень приятно беседовать по вечерам и играть друг с другом в шахматы. Причем Чарльз Торн чаще проигрывал. Леди Элизабет Торн без малейшей деликатности сразу взяла Адама в оборот как родного внука. В ней накопилось много нерастроченной нежности, ввиду того, что она не могла больше иметь детей, помимо Кристофера, а внуков у неё могло вообще и не быть из-за упрямого характера сына.

Кристофера же Адам держал на расстоянии, в отличие от его родителей. Он приглядывался и оценивал его. Наверное, чувство ревности все-таки дало о себе знать. Перед отъездом в Сан-Себастьян Кристофер предложил Адаму выпить по пинте пива и поговорить по душам в одном из пабов.

– Я понимаю, Адам, что вызываю у тебя чувство опасения, ведь я претендую на любовь родного тебе человека. И ты решаешь, достоин ли я её. Я понимаю, что для тебя я никогда не сравнюсь с твоим отцом. Да и для Беаты тоже. Я другой человек. Я всегда был другим. И я всегда буду другим. Я просто безумно люблю её, и я не могу любить никого, кроме неё. Поверь мне, я уже проверял. Я хочу быть с ней и сделать для неё все, что будет нужно для её счастья. И я бы хотел, чтобы её сын был мне как минимум другом и помощником в заботе о ней.

– Ну, на мою помощь ты можешь рассчитывать. А насчет дружбы... Ты же понимаешь, что она не появится сама собой, жизнь нас с тобой к этому либо приведет, либо нет. Я противиться не буду, но и не собираюсь давать тебе поблажки.

– Справедливо. К тому же я считаю, что гораздо больше ценится то, что достается не просто.

Прибыв в Сан-Себастьян, все погрузились в доселе незнакомое состояние. В южных странах как-то тянет на семейные застолья и непременно хочется иметь большую семью. Трое Торнов и двое Стенли были рады, что они есть в жизни друг друга. Именно в Сан-Себастьяне они поняли окончательно, что все они однозначно не чужие люди. Может быть, еще не совсем семья, но они все хотят стать таковой. Произошла долгожданная встреча Адама и Вероники. Вероника и её семья, познакомившись с Торнами, получили приглашение на свадьбу. Кроме Вероники, по-английски в её семье никто не разговаривал, но в этот раз языковой барьер им совсем не мешал.

Беату начало тревожить, что спустя уже почти две недели после приезда в Сан-Себастьян её не покидает чувство как после укачивания на пароме. А приходило время всем отправляться назад в Англию и продолжать подготовку к свадьбе. По пути в Лондон Беату начало сильно тошнить. Кристофер и Элизабет очень волновались за неё. По прибытии в Лондон она обратилась к своему семейному врачу, который

ошарашил её диагнозом. Беата была на третьем месяце беременности!

Много лет она прожила в ощущении себя больной и неполноценной женщиной, которая не способна зачать ребенка от любимого мужа. Сколько раз после посещения врача она сидела в коридоре и плакала. Сколько раз она жаловалась на это своей покойной маме. И вот сейчас слова доктора звучали как из какого-то волшебного сна. Она не могла в это поверить. Выйдя от одного врача, она тут же пошла к другому, чтобы убедиться. Её нервы были напряжены до предела. Она боялась радоваться и сказать кому-то хоть слово. Но и второй врач сказал ей то же самое. Она была здоровой женщиной, у которой беременность протекает в абсолютной норме по всем показателям.

Когда она сообщила о своем положении Кристоферу, он схватил ее и начал кружить на руках. Он смог дать ей то, о чем она мечтала, и у него самого будет все-таки ребенок от любимой женщины. Кристофер уже заранее обожал этого ребенка.

Беата и Кристофер не смогли удержаться больше одного дня и поделились изумительной новостью со старшими Торнами. Леди Элизабет прямо-таки аккуратненько сползла на пол, села и расплакалась от переполняющего её счастья и шока. Чарльз Торн сиял. Он обнимал и целовал поочередно Беату и Кристофера.

Для свадебного торжества Беата наняла много людей. Од-

ни ремонтировали гостевые комнаты. Другие строили большой шатер. Свадебное торжество планировалось провести в саду на свежем воздухе. Третьи высаживали в саду кустарники с цветами. Старшие Торны активно помогали Беате и старались уберечь её от утомления. Отношение к ней было как к хрустальной вазе.

К торжественному дню всё было готово! Шатер из дерева был украшен шторами и драпировкой в изумрудно-зеленых и белых цветах. На столах стояли цветочные композиции из белых роз, зеленых гортензий и стрелиции королевской. Столы были сервированы посудой и столовым серебром Арчибальдов.

Безусловно, Беата очень волновалась. Она еще никогда не устраивала такого масштабного и грандиозного торжества. Торны пригласили множество гостей, как того требовали светские приличия. Кристофер позвал всех своих друзей. В том числе и Анджелу Робертс с супругом. Также молодой Лорд пригласил владельцев галереи, художественных агентов, критиков и журналистов, с которыми пересекался по рабочим моментам.

Со стороны Беаты были приглашены Стенли, но Уильям и Мэтью отказались приходить, сославшись на то, что им там не место. Они решили, что от их семьи достаточно будет Шарлотты с мужем и детьми, и Адама. Также Беата пригласила Лили Тейлор, Рабиба, Билла Коллина с супругой и семейство Артаса-Хименес. Они прибыли из Сан-Себастьяна

и расположились в подготовленных для них гостевых комнатах замка.

Рабиб пришел с Маргарет, с которой он тайно расписался. Она была одной из помощниц в «Клубе у БеШа». Они нашли друг друга. Это была спокойная пара людей, преданных своему делу.

Билл Коллин прибыл без супруги и весьма неожиданно остановился в замке у Беаты, отказавшись селиться в излюбленные им люксовые отели. Причиной этому была его сильная симпатия к чужой невесте. Пока Беата была замужем за Джоном, Билл и не помышлял ни о каких ухаживаниях, так как уважал, побаивался и знал характер Джона Стенли. А когда Беата осталась вдовой, он рассчитывал завладеть её вниманием и занять себе шикарную любовницу и компаньона по общим торговым делам в Лондоне.

Но приглашен был еще один человек, которого будущая леди Торн нашла, вспомнив о продавце книг в Париже.

Платье она себе выбрала из легкого фатина в греческом стиле, расшитое кристаллами. Когда настал час вести ее под венец и передавать мужу, Беата появилась под руку со стариком Веймином! В её глазах блестели слезы счастья.

Он приехал накануне и остановился в замке. Беата ждала его приезда с невероятным трепетом. Ведь не обрати он тогда внимания Беаты на Кристофера, не допусти драки с Зен-жонгом и не дай молодому Лорду её новый адрес, этой пары, скорее всего, не было бы ни тогда, ни сейчас. Он действи-

тельно был достоин спустя столько лет соединить их сердца, потому что он первый разглядел их большое зарождающееся чувство. Кристофер был очень тронут, увидев этого старика, который навевал самую нежную ностальгию.

Церемония прошла без происшествий. Это действительно был праздник торжества любви двух давно любящих друг друга людей. Это был праздник новой семьи, потому что скоро на свет должен был появиться долгожданный и желаннейший ребенок.

Леди Рочестер немного ревностно относилась к торжеству, которое организовала не она, но которое, в свою очередь, было сделано роскошно, оригинально, со вкусом, и вызвало огромное множество восторженных отзывов.

Во время одного из танцев Анджела Робертс подошла к Кристоферу и деликатно попросила его отойти с ней в сторонку на пару слов. Отойдя за пределы шатра, Анджела начала разговор:

– Знаешь, дорогой Кристофер! Я только сейчас поняла, что на том приеме, когда я бросила тебя, мне не показалось, что ты действительно тогда еще был влюблен в Беату.

– Я этого и не скрываю.

– А почему тогда скрывал? Ты же понимаешь, в какое глупое положение перед обществом ты меня поставил?

– Анджела, если ты помнишь, то я никогда не намекал тебе на то, что хочу жениться на тебе. Я был честен перед тобой! И не давал обещаний, которых не собирался бы выпол-

нять.

– Милый и глупый мой Кристофер, ты так и не понял, какую обиду мне нанес и какую сильную боль причинил. За муж я вышла в отместку тебе. Мой муж надоел мне смертельно. И сейчас смотреть на твое счастье мне просто невыносимо.

– Ты всегда была избалованной и эгоистичной особой. У меня свадьба, и я не собираюсь тратить время этого чудесного дня на то, чтобы выслушивать твои капризы.

Кристофер собрался уходить. Продолжать этот разговор было неприятно и бесполезно.

– Ты пожалеешь, Кристофер, о том, как поступил со мной! Ты не пара для миссис Стенли!

– Она леди Торн! – с этими словами он окончательно повернулся спиной к Анджеле и поспешил к своей жене.

Воспользовавшись моментом, Билл Коллин пригласил молодую леди Торн на медленный танец.

– Позволь, я приглашу тебя на танец? С леди Торн я ещё не танцевал!

– У тебя очень лукавые глаза, Билл. Что ты задумал? – Беата дала ему руку, он потянул ее к себе и утащил в танец.

– Я? Я хотел немного поговорить с тобой. Меня совершенно не удивляет твой выбор нового мужа после брака с серьезным, умным и состоявшимся мужчиной, который был прилично старше тебя. У которого был бандитский шарм, власть и уважение политика, и авантюрный склад мышле-

ния. Ты захотела выйти замуж за молодого мальчика. Художника. С благородной фамилией, родившегося с серебряной ложкой во рту. Тебе захотелось юного тела, пылких взглядов, трепетных прикосновений и положения в высшем обществе Лондона. Но вот вопрос! Как долго его мальчишеский трепет будет тебе интересен, после того как ты познала жизнь с мужчиной вроде Джона Стенли?

– Прекрати!

– Сможет ли молодой Лорд помогать с решением вопросов по твоему бизнесу? После гибели Джона и свадьбы с Лордом ты негласно лишаешься покровительства от Стенли. Потому, что ты сама уже не Стенли.

– Если Джон и оставил мне какие-то дела, то это только те, которые связаны с тобой. Ты сейчас технично пытаешься мне сообщить, что не будешь больше вести дел со мной? И давай я угадаю, как вы, американцы, любите говорить: «Ничего личного, просто бизнес».

– О нет, дорогая моя! Ты не угадала в этот раз. Джон мудро поступил, оставив этот бизнес именно тебе. Любого другого из его семьи я бы быстро слил ради более выгодных условий. Тем более это не проблема. Но с тобой я так не поступлю. Мне необходимо иметь дела с тобой, чтобы не потерять тебя из виду. Я не могу тебя обидеть. Старый лис Джон все прекрасно рассчитал. А знаешь, что меня радует невероятным образом?

– Не знаю.

– Это то, что ты даже не пытаешься доказать мне обратное относительно моих высказываний о твоём новом супруге, – улыбка на лице у Билла стала ещё шире.

– Я просто не хочу омрачать себе свадьбу ненужными спорами. Каждый из нас останется при своём мнении, независимо от сказанных оппонентом слов. И как вообще тебе пришло в голову говорить о таком во время свадебного торжества?

– Как раз именно сейчас на контрасте с поздравлениями ты очень остро отреагируешь и хорошенечко запомнишь наш разговор. В данный момент ты возмущена, но мысленно ты будешь возвращаться к этому разговору. Я тебе гарантирую! Молодой муж быстро тебе наскучит. А может, и ты ему, я ещё не успел составить мнение о его умственных способностях.

В этот момент Беата убрала свои руки от Билла и отошла от него на полшага. Она была охвачена гневом. Если бы её глаза могли посылать молнии, то она бы точно запустила с десяток в нахальное лицо Билла. Развернувшись на каблучках, она ушла прочь от него. До его отъезда в

Нью-Йорк Беата старалась с ним не видеться и не общаться.

За исключением двух неприятных разговоров, которые неожиданно пришлось выслушать жениху и невесте от людей, которые были к ним равнодушны, свадьба прошла

великолепно. Шарлотта много танцевала со своим мужем. Старшие Торны с удовольствием общались со всеми гостями. Веймин, на удивление, не упускал возможности пообщаться с Лили Тейлор. Она как всегда была пышна и прекрасна, в красном платье, с красными губами и идеальными красными ногтями. Адам танцевал с Вероникой, а потом они решили уединиться в саду.

Свадебный торт был огромен. Украшали его сто эклеров с мадагаскарской ванилью! Беата съела его три порции. Ее положение уже давало о себе знать. Она начала накидываться на сладкое и есть за двоих. В районе живота уже наметилось округление.

Через шесть месяцев, как и мечтал покойный старик Сэр Чарльз Арчибальд, в его родовом замке зазвучал голос первого ребенка Кристофера и Беаты Торн. В период празднеств по случаю Китайского Нового года на свет появилась лохматая малышка, которую решено было назвать Аделина Торн.